

Харрингтон Хаус

Залив Язона

Лэндинг

Двойная система Мантикора

Адмирал леди дама Хонор Александер-Харрингтон, землевладелец и герцогиня Харрингтон, сбросила домашние туфли, сложила ноги под собой на шезлонге и бросила пару зефирок в свой горячий шоколад.

Маленькая луна Мантикоры, Торсон, стояла низко над горизонтом на западе, касаясь облаков, наклоненных в том направлении драматическими полосами серебра и черного дерева. Молнии мелькали очень редко — и очень далеко - вдоль этой облачной стены, но все метеорологи настаивали на том, что плохая погода не достигнет Лэндинга раньше рассвета. Тем временем ни над заливом Язона, ни над столицей не было ни облачка, а небо над головой сверкало россыпью звезд. Как всегда, было много орбитального движения. На самом деле было намного больше обычного, и обычные движущиеся точки спутников связи и солнечных коллекторов сопровождалась десятками других огней, поскольку ближнее пространство Мантикоры кишело ремонтными кораблями и временными жилищами для строительных рабочих.

Очень много ремонтных кораблей и строителей.

Ужасающий ущерб и потери от Удара Явата были нанесены лишь шесть стандартных месяцев назад, но скелеты заменяющих космических станций уже росли, гораздо быстрее, чем они смели надеяться в своих первоначальных оценках того, сколько времени потребуется для восстановления. С другой стороны, их первоначальные оценки не включали полноценную поддержку системы Беовульф... или Республики Хевен. Если уж на то пошло, они серьезно недооценили количество гражданской инфраструктуры, которую можно было бы перепрофилировать. А Лаокоон произвел неожиданный побочный эффект. Неожиданный хороший побочный эффект, подумала она с мысленной гримасой.

По меньшей мере три четверти гражданской судостроительной промышленности Звездного Королевства размещались вместе с верфями Флота на крупных космических станциях. С точки зрения эффективности и затрат это было несложно, и никто никогда не ожидал чего-то подобного Удару Явата. Атак - да, но не таких атак, которые никто не увидел вовремя, чтобы принять единственную защитную меру. Чуть больше половины всей остальной гражданской промышленности двойной системы Мантикоры также находилось на борту одной из станций или достаточно близко, чтобы быть уничтоженными вместе с Гефестом и Вулканом. Так что не было ничего удивительного в том, что оценки сразу после нападения были такими мрачными.

Возвращение Хевеном интернированных строительных сил Грендельсбейна было огромной помощью, как с моральной точки зрения, так и с любой другой. Однако сорок семь процентов рабочих гражданской инфраструктуры, которые не находились на космических станциях, оказались гораздо большим ресурсом. И тот факт, что из-за Лаокоона простаивало почти девяносто процентов огромного торгового флота Мантикоры, был еще одним неожиданным преимуществом.

Последствия Лаокоона для экономики Звездной Империи были менее страшными - чуть менее страшными - чем первоначально предполагалось, потому что никто не ожидал, что рынки Республики Хевен будут открыты для Мантикоры. Кроме того, они не ожидали добавления Квадранта Талботта. Это не предотвратило потерю их рынков в Солнечной Лиге и, особенно, их

торговлю в Лиге от катастрофических последствий для того, что было крупнейшим компонентом экономики Мантикоры. Мало кто из меньших картелей выжил, и даже крупные картели, такие как Гауптман, подсчитывали огромные потери. Условие «акт войны» в стандартных страховых полисах означало, что большинство коммерческих предприятий на Гефесте или Вулкане не смогут возместить свои убытки, и... неопределенность (мягко говоря) будущих отношений Звездной Империи с Солнечной Лигой поставила под сомнение фьючерсы небольших судоходных линий.

Последняя оценка, которую она видела, предсказывала, что по меньшей мере треть, а возможно, и половина независимых перевозчиков будут разорены.

А еще были огромные Мантикорские инвестиции в Солнечную Лигу. Никто не знал, к чему это приведет, и она была откровенно удивлена, что Лига просто не захватила их активы. Не было никакой гарантии, что Квотермейн и Водославская не доберутся до этого в конечном счете, но если Лига не одержит однозначную победу — а этого не произойдет — одним из ключевых требований мира Мантикоры будет возвращение всех конфискованных активов, и сэр Энтони Лэнгтри убедился через “нейтральные источники”, что Лига была поставлена в известность об этом.

Ее собственные финансовые интересы сильно пострадали, хотя они были сосредоточены гораздо больше на Грейсоне, чем здесь, на Мантикоре. Комплекс "Ворон" представлял там огромную часть ее портфолио, но "Ворон" был почти исключительно флотским строительным комплексом. Девяносто процентов поставщиков и субподрядчиков Грейсонского космического флота находились там, но практически ни одна гражданская отрасль системы не пострадала. С чисто эгоистической точки зрения Хонор, это означало, что Небесные Купола Грейсона не пострадали, что поставило ее в сильное положение для восстановления, особенно с ее рабочей силой Небесных Куполов, перенаправленной на восстановление «Ворона». С точки зрения Грейсона в целом, она не сделала ничего, чтобы уменьшить жестокую гибель людей, но обеспечила прочную основу для реконструкции и восстановления. И Освобожденная Церковь Человечества бросила свои огромные ресурсы на восстановление страны.

Существовали целые звездные нации с меньшим богатством, чем в распоряжении Преподобного Салливана, и его инструкции были ясны. Там, где есть нужда, будет и отец-Церковь. Никто из детей Испытующего не будет страдать в одиночку и без посторонней помощи. Они будут беспокоиться о последствиях для инвестиционного портфеля Церкви позже. И если бы им пришлось восстанавливать этот портфель из абсолютного ничто, почему бы и нет?

Хорошая новость - подавляюще хорошая новость — с точки зрения Звездной Империи состояла в том, что ни один финансист в галактике не мог не понять: что бы ни случилось политически, астрография не изменится. Мантикорская туннельная сеть никуда не денется, как и ее значение для межзвездного перемещения товаров, людей, услуг и данных. Это означало, что никто не сомневался в конечной платежеспособности имперского правительства — пока длилось противостояние с Лигой, — и баронесса Морнкрик из Казначейства, и Брюс Вайенберг из Министерства Торговли извлекли выгоду из этого факта.

Казначейство уже учредило самую крупную в истории Мантикоры программу гарантированных государством займов под низкие проценты, как для помощи тем, чьи потери не были покрыты страховкой, так и для финансирования новых и замещающих предприятий. Многие хевенитские деньги также будут искать себе дом после войны, что даже не рассматривало открытие того, что было закрыто соларианскими рынками в Протекторатах. Если уж на то пошло, что бы Лига ни думала о Большом Альянсе в военном и дипломатическом

плане, экономически у нее не было бы большого выбора в ведении бизнеса со Звездной Империей, благодаря Узлу. Для Хонор казалось маловероятным, что торговый флот Звездной Империи вернет себе полностью доминирующее положение в Лиге, но в абсолютном выражении он должен был полностью восстановиться до довоенного уровня.

Традиционно финансовая задача Мантикоры состояла в том, чтобы найти места для инвестирования доходов, поступающих в Звездное Королевство, таким образом, чтобы предотвратить финансовый избыток и вызванную им инфляцию. За прошедшие Т-века правительство и частные инвесторы научились регулировать этот денежный поток по всей системе инвестиций, в основном в Лиге. Их присутствие на соларианских рынках не было безусловным плюсом в данный момент, но эта модель помогла объяснить, как правительству Кромарти удалось избежать подлинного дефицита расходов всего лишь за несколько стандартных лет до начала открытых военных действий между Мантикорским Альянсом и Народной Республикой Хевен.

С тех пор, по очевидным причинам, все изменилось, но до Удара Явата огромные доходы, генерируемые Узлом, в сочетании с огромным инвестиционным портфелем Звездного Королевства удерживали государственный долг в пределах легко управляемых размеров. В течение следующих нескольких лет это будет неправдой. Аналитики Морнкрик были недовольны этим, и они спрогнозировали, что потребуется двадцать или тридцать стандартных лет - по крайней мере — чтобы погасить этот долг, предполагая довоенные потоки доходов. Однако, в отличие почти от любой другой звездной нации в галактике, Звездная Империя могла сделать это, и именно поэтому здесь, в системе Мантикоры, было удивительно мало паники.

Это не означало, что все было безболезненно или что Мантикорская экономическая сеть безопасности не была под беспрецедентным напряжением. С другой стороны, необходимость восстановления — и количество квалифицированных техников, погибших в результате нападения — означали, что общий уровень безработицы был поразительно низким, учитывая то, что произошло с судоходной промышленностью. Правительство вкладывало огромные суммы в заработную плату рабочих, восстанавливающих Гефест, Вулкан и Вейланд, что было немаловажным фактором в его дефицитных расходах. Однако эти суммы выплачивались в качестве заработной платы, а не прямых трансфертных платежей, что означало, что они не влияли на право их получателей голосовать и что они представляли собой налогооблагаемый доход, который позволял по крайней мере частично вернуть их.

«Мы еще никогда — никогда — не были так сильно ранены,» - подумала она. «Но подозреваю, что люди, которые сделали это с нами, переоценили, насколько сильно это повредит нам, по крайней мере, также сильно, как и мы сразу после атаки. И, в конце концов, это причинит им гораздо больший урон, чем они когда-либо причиняли нам.

Она улыбнулась этому прекрасному небу и огням, роящимся на нем, с мрачным удовлетворением... и даже больше, чем просто с гордостью собственника. Там было довольно много военных кораблей, грузовых судов, транспортов и вспомогательных кораблей флота, чтобы поддерживать усилия по восстановлению, и все эти накладные расходы были прямо или косвенно ее ответственностью, так или иначе. Но на сегодняшний вечер она оставила все в руках своего штаба, а Адмирал Альфредо Ю, ее заместитель в Штабе Протектора, был на коне, командуя этим.

Единственная хорошая вещь в том, что я застряла здесь вместо того, чтобы на самом деле что-то делать, - это то, что я часто забегаю домой для визитов, размышляла она, помешивая шоколад указательным пальцем и затем облизывая его. Мать много лет пыталась отучить ее от

этой привычки, пока наконец не подняла руки и не признала свое поражение. И это великолепная ночь для того, чтобы сидеть на террасе и пить шоколад. Бриз, дувший над прохладными водами залива Язона, трепал струящиеся рукава ее кимоно и прижимал к ней шелк, и она глубоко вздохнула, глядя на мягко движущуюся поверхность залива. Жаль, что нет времени, чтобы провести здесь и завтрашний день. Я бы с удовольствием взяла лодку после того, как пройдет фронт, и я бы провела некоторое время с Верой и Джеймсом. Им бы это понравилось! Но только не с этим упражнением, запланированным на вторник.

«Прошу прощения, Миледи.»

Она повернула голову, когда майор Хоук высунул голову на террасу. Эта терраса возвышалась на добрых семьдесят метров над уровнем моря со стороны Харрингтон-Хаус, что делало ее совершенно недоступной, кроме как через сам дом или с воздуха. При сложившихся обстоятельствах - учитывая, что Харрингтон-Хаус был бы вполне приемлемой крепостью на большинстве планет, а Клиффорд МакГроу и Джошуа Аткинс, другие члены ее постоянной охраны, несомненно, находились в кустарнике с ракетами класса "земля-воздух" на плече и нестандартной ядерной бомбой в кармане жилета - майор Хоук милостиво согласился предоставить ей хоть немного уединения.

“Да, Спенсер?”

«Граф вот-вот прибудет, Миледи. Он просил меня передать вам, что он будет в течение примерно шести минут. По какой-то причине он никак не мог до вас дозвониться». Хоук поднял бровь. “Может ли быть так, что вы не взяли с собой свой уни-линк?”

“Виновна по всем пунктам обвинения», - признала она, пока Нимиц весело мяукал из шезлонга рядом с ней. “После того как я вылезла из бассейна и постояла под душем, я просто накинула кимоно и пошла прямо сюда.”

“Я понимаю.”

Хоук пристально посмотрел на нее, и она ответила ему невинным взглядом. Ни одна уважаемая традиционная Грейсонская леди не сказала бы никому, кроме своего столь же уважаемого мужа, что все, что на ней надето, - это тонкое, пышное шелковое кимоно. Однако Хоук был с ней достаточно долго, чтобы знать, когда она его поддразнивает, и его представление о том, что такое “уважаемый”, было... расширено пребывание рядом с Хонор.

И особенно с матерью Хонор.

“Тогда я просто направлю Его Светлость прямо сюда, когда он приедет, Миледи,» - сказал оруженосец через мгновение.

«Пожалуйста, сделай это. И пожалуйста, попроси Люси передать госпоже Торн, что нам понадобится кофейник для него. Если уж на то пошло, могу поспорить, что он опять пропустил ужин, так что попроси Люси позаботиться и о том, чтобы ему прислали несколько сэндвичей. В конце концов, - она лукаво улыбнулась, - ему понадобятся все его силы.”

«Конечно, Миледи,» - чуть сдержанно ответил Хоук, и ее улыбка стала еще шире, когда он удалился. Затем она снова исчезла, когда она откинулась назад, глядя на звезды и думая о том, а чем она только что попросила. Или, скорее, у кого она об этом просила.

Она не хотела заполнять зияющую рану, которую оставила в ее доме смерть Миранды Лафолле

во время Удара Явата. Это казалось ей... предательством. Хуже того, одна только мысль об этом напомнила ей, как ужасно она скучает по Миранде, Фаррагуту и — особенно и всегда — по Эндрю. И все же у нее действительно не было выбора. Ей не только нужно было, чтобы кто-то взял на себя все обязанности, которые Миранда выполняла для нее, но и существовали определенные грейсонские нормы, которые даже ее прискорбно нетрадиционные харрингтонцы хотели соблюдать, и предоставление их Землевладельцу надлежащей "личной горничной" было одним из них.

Ростом всего ста пятидесяти семи сантиметров, с каштановыми волосами и темно-кариими глазами, Люси физически очень отличалась от Миранды, за что Хонор была ей благодарна, но в остальном они были очень похожи. Миранда была гораздо больше, чем просто "горничной". На самом деле, она была Джеймсом МакГиннесом в юбке, исполняющей обязанности главного управляющего делами Хонор на Мантикоре всякий раз, когда ее Землевладелец и МакГиннес находились в космосе. Однако, несмотря на это, она всегда настаивала на том, чтобы "присматривать" за Хонор, когда та была дома. Люси, при всей ее социальной гибкости, была в этом отношении лишь осколком от той же упрямой глыбы грейсонского гранита, и ее чувства были бы задеты, если бы Хонор не попросила ее позаботиться о том, чтобы Хэмиш был накормлен.

И шанс подразнить Спенсера тоже не имел к этому никакого отношения, не так ли? спросила она себя.

Сама она предпочла не отвечать и, наслаждаясь вечером, потягивала шоколад и ждала мужа.

* * *

«Прости, что так поздно,» - сокрушенно произнес Граф Белой Гавани, выходя на террасу.

Как только он открыл дверь, пятнистая рыжевато-коричневая древесная кошка спрыгнула с его плеча, оттолкнулась от настила террасы и приземлилась с точностью и грацией рядом с Нимицем. Она обвила его обеими своими верхними конечностями — и хвостом - издавая радостное мурлыканье, и Хонор рассмеялась.

«Так держать, Сэм!» - поздравила она кошку. «Космонавты не так часто заходят в порт, чтобы упустить любую возможность.»

«А?» - Белая Гавань плюхнулся на шезлонг рядом с ней и довольно ловко обнял ее, несмотря на то что у него было всего четыре конечности. "Должен ли я предположить из этого наблюдения, что сегодня мне повезет?"

«Из этого наблюдения ты должен сделать вывод, что сегодня больше всего повезет мне,» - сказала ему Хонор, прервавшись на секунду, чтобы хорошенько поцеловать его. "Я не знаю, что хуже: находиться в совершенно разных звездных системах в течение нескольких месяцев подряд или находиться в одной и той же звездной системе, всего в часе или двух друг от друга, и не иметь возможности воспользоваться этим преимуществом."

«Последнее,» - быстро ответил Белая Гавань. «Определенно последнее.»

Он улыбнулся и снова поцеловал ее, предпочитая не упоминать, что он мог бы припомнить несколько флагманских офицеров, которые нашли бы способы «воспользоваться этим» каждую ночь или около того. Он никогда не был одним из них, и ни у одного из них не было Хонор.

«Конечно, когда появляется такая возможность...» - лукаво пробормотала она, теснее

прижимаясь к нему.

«Что ж, когда это случается, - сказал он с отеческим видом, - мы несем ответственность за... за то, чтобы дать Саманте и Нимицу возможность провести время вместе, пока мы тоже найдем способ занять себя».

Он задрал нос, а затем охнул, когда локоть ткнул его в ребра.

«Занять себя, вот как?» Она мрачно посмотрела на него. «Если бы я не застряла так надолго в космосе, кое-кто сегодня ночью спал бы на диване!»

«Тогда возблагодарим Бога за сенсорную депривацию,» - горячо сказал Белая Гавань и снова поцеловал ее.

«Ваша Светлость?» - раздался голос.

«Да, Люси,» - ответила Хонор, садясь немного прямее. «Выходи, мы оба выглядим прилично.» Она улыбнулась Белой Гавани. «Ты, как всегда, почти идеально выбрала время. Он даже не успел как следует взъерошить мне волосы.»

«Я уверена, что он до этого дойдет, Миледи,» - безмятежно сказала Люси Шарова.

Она управляла антигравитационной тележкой с большим кофейником, подносом, нагруженным бутербродами — на хлебе из ржаной муки мелкого помола, любимом хлебе Белой Гавани - и блюдом с одним из фирменных пирогов Сью Торн. В отличие от Спенсера, она просто смотрела на своего Землевладельца и ее супруга с доброжелательным одобрением. На самом деле, она ясно дала понять Хонор, что, по ее мнению и говоря от имени Владения Харрингтон в целом, настало время Раулю Альфреду Алистеру Александеру-Харрингтону заполучить младшего брата, который составил бы ему компанию. Несмотря на ее гибкость в других вопросах, Люси была грейсонкой, а на Грейсоне никогда не было слишком много мальчиков. Особенно там, где речь шла о преемниках Землевладельца.

Может быть, это и плохо, что родители ее Землевладельца подкинули на ее мельницу еще зерна, но, по крайней мере, на этот раз Аллисон не ждала близнецов.

Люси установила тележку между шезлонгом Хонор и тем, который занимали Нимиц и Саманта. Затем она сняла крышку с третьего блюда, и древесные коты восторженно замурчали, когда она преподнесла им тарелку тушеного кролика и дюжину палочек сельдерея.

«Своим дурным влиянием ты бесстыдно всех портишь,» - сказала ей Хонор, и она улыбнулась. Затем Люси почтительно кивнула Белой Гавани и удалилась.

«Твои грейсонские помощники — и помощницы - действительно хорошо заботятся о нас,» - заметил Белая Гавань, усаживаясь, чтобы налить себе кофе. «И мне неприятно это говорить, учитывая восхитительно непристойный характер нашего предыдущего разговора, но я умираю с голоду.»

«Я так и думала, что так будет.» Хонор опустила ноги обратно на террасу

и потянулась за одним из сэндвичей. Она редко упускала возможность поддержать свой генетически модифицированный метаболизм. «Тебе действительно нужно перестать пропускать обеды,» - сказала она более сурово. «Меньше всего кому-либо нужно, чтобы первый лорд Адмиралтейства довел себя до состояния полного истощения.»

«До этого момента мне еще далеко, любовь моя,» - ответил он, подмигнув. «Не то чтобы ты не была права, и я это знаю. Если уж на то пошло, Эмили била меня по голове и ушам по этому же печальному поводу.»

«Вот и хорошо!»

В голосе Хонор слышалось твердое одобрение поведения их супруги, но она также задумчиво посмотрела на Белую Гавань. Он был занят тем, что выбирал себе сэндвич, и не заметил этого, но Саманта ответила ей серьезным взглядом, и губы Хонор слегка сжались. В эти дни Эмили редко бывала в Лэндинге. Она сделала исключение для званого ужина, объявившего о возвращении Альфреда на действительную службу, но всегда предпочитала проводить время в Белой Гавани, с детьми. Кроме того, она говорила, что Лэндинг всегда утомляет ее. Это было достаточно верно для всех троих, на самом деле, но она, казалось, уставала еще быстрее, чем обычно, и...

«Жаль, что у меня не было времени сегодня вечером забежать домой в Белую Гавань,» - продолжал Бела Гавань немного задумчиво, выбирая себе сэндвич. «У меня тоже,» - согласилась Хонор, и на этот раз он услышал вопросительную ноту и быстро поднял голову. Она спокойно посмотрела на него, и через мгновение он вздохнул.

«Я не знаю, что тебе сказать, милая,» - сказал он. «Ты же знаешь, что в последние два-три года ее здоровье то улучшалось, то ухудшалось. Она говорит мне, что с ней все в порядке — "учитывая все обстоятельства" — и Сандра не говорит мне ничего другого. Мне не нравится, что она все время выглядит такой усталой, но мы с ней за эти годы пережили гораздо более тяжелые времена, чем сейчас.» Он снова вздохнул и покачал головой. «Единственное, что я могу сказать тебе наверняка, так это то, что если кто-то из нас начнет "дурить", она даст нам пинка прямо по заднице, и ты это знаешь.»

«Да, конечно,» - сказала она через мгновение и с улыбкой покачала головой. «По правде говоря, именно это она и сделала в прошлый раз, когда я показалась ей... э-э... чересчур заботливой.»

«Опыт, который мы оба получили,» - криво усмехнулся он, затем встряхнулся, и она почувствовала, как он намеренно переключается с одной мысли на другую. «А если бы мы все-таки побежали домой, она была бы совершенно права, сделав нам обоим выговор. К тому времени, как мы должны были бы взлетать, нам повезло, если бы мы успели поспать три часа, прежде чем нам пришлось грузиться, чтобы завтра лететь к Пат на совещание.»

«В то время как здесь мы можем поспать по крайней мере четыре или пять часов... как только я закончу с тобой,» - согласилась Хонор с улыбкой, принимая перемену настроения.

«Вот именно!» Он просиял, глядя на нее, потом откусил кусок от сэндвича и вздохнул. «Есть ли что-то, что выходит из кухни госпожи Торн невкусным?»

«О, да. Я помню, как однажды - кажется, семь лет назад, хотя могло быть и восемь, — она даже сожгла немного риса.» Хонор слегка вздрогнула. «Это было просто ужасно.»

«Не сомневаюсь.» Тон Белой Гавани был сухим, и он отхлебнул кофе. Затем он откинулся на спинку стула с сэндвичем в руке и уставился в полуночное небо. Свет далеких башен Лэндинга вдалеке от дома, был едва заметен, и он глубоко вдохнул.

«Великолепно, не правда ли?» - пробормотал он, не подозревая, что озвучивает предыдущую мысль Хонор.

“Да, это так. Конечно, у меня есть немного несправедливое преимущество, когда дело доходит до наслаждения им.”

“Это я знаю. Надеюсь, ты простишь меня за то, что я скажу, что у меня есть несколько двойственные чувства по поводу этого конкретного преимущества.”

“У меня самой были несколько ‘двойственные’ чувства по этому поводу на протяжении многих лет,” - призналась Хонор. Она подняла левую руку - искусственную левую руку - к своему столь же искусственному левому глазу. “С другой стороны, я сидела здесь и наблюдала за работающими кораблями вокруг Гефеста-Альфы. Это довольно впечатляюще.” Она покачала головой. “Я удивлена, что они так быстро достигли столь многого.”

Белая Гавань согласно кивнул. Без телеобъектива ее кибернетического глаза он не мог отсюда разглядеть детали, но он провел более чем достаточно времени в космосе, посещая проекты, чтобы знать, что она была права. По текущим оценкам, первые модули верфи будут готовы снова начать строительство не более чем через восемь-десять стандартных месяцев, намного раньше, чем кто-либо осмеливался планировать сразу после атаки, и новые станции — на этот раз по две на орбите каждой из обитаемых планет двойной системы Мантикора, а не по одной - будут иметь достаточную активную и пассивную защиту.

“Ничто так не учит тебя тому, что ты должен был предвидеть с самого начала, как обожженная рука”, - мрачно подумал он. И более чем немного несправедливо, признал он. Без “невидимого” оружия, которое кто-то — почти наверняка Мезанское Соглашение, которое раскрыли Виктор Каша и Антон Зилвицкий - использовал в атаке, Гефест, Вулкан и Вейланд справились бы просто прекрасно.

«Интересно, повезет ли жителям Кашалота так же, как нам,» - сказал он, а затем виновато поморщился, почувствовав, как Хонор напряглась рядом с ним. «Извини! Я не хотел сегодня вспоминать ни о каких делах. Просто вырвалось.”

“Ничего такого, о чем бы я уже не думала.” Она со вздохом покачала головой. “Не могу сказать, что с нетерпением жду завтрашних кровавых подробностей от Пат. То, что мы уже слышали, уже достаточно плохо.” Она снова покачала головой. “Знаешь, я понимаю, что мы говорим о Мандаринах, и видит Бог, что никто в галактике лучше не знает, как далека Солнечная Лига от того, чем она должна была быть, но мысль, что Лига официально санкционировала что-то вроде этого Флибустьера, просто... просто больше, чем я, кажется, могу понять. Или даже больше, чем мне хотелось бы переварить. Я знаю, что это глупо с моей стороны, но я действительно предпочла бы, чтобы это был какой-нибудь придурак флаг-офицер - еще один Бинг или Крэндалл - действующие полностью самостоятельно.”

“Это я знаю. Но правда в том, что мы, вероятно, должны были предвидеть, что это - или что-то подобное - грядёт. После того, что случилось с Филаретой, даже подлинные идиоты в Боевом Флоте должны понимать, что они не могут противостоять боевой стене Альянса. Это исключает любое участие флота из их таблицы вариантов, а ты - флотский историк. Ты знаешь, что война против промышленности и торговли всегда была стратегией более слабой стороны. Черт Возьми, Хонор! Это стратегия, которую вы использовали с Восьмым Флотом после того, как Хевениты поразили нас Ударом Молнии.”

“Я знаю, и тогда я тоже ненавидела это,” - сказала она, мрачно глядя на далекие огни. “Есть что-то непристойное в разрушении всего, что так долго строилось. Особенно когда так много людей, которые никогда ничего не делали вам или вашим близким, жизненно зависят от этого.”

“Но у нас не было выбора, потому что в тот момент мы были теми, кто не мог рисковать решающим сражением,” - заметил Белая Гавань. “И будь справедлива к себе, милая. Ты никогда не выполняла ту работу, которую этот Адмирал Каприотти, очевидно, выполнял на Кашалоте. Я не думаю, что после того, как мы завтра послушаем Пат, нам станет лучше, а сейчас все чертовски плохо! Я получил последнее обновление как раз перед тем, как мы с Томом Капарелли решили закончить вечер и отправиться по домам.” Он покачал головой. “Похоже, что после того, как он уничтожил каждый клочок промышленной инфраструктуры — а вместе с ним и одно крупное орбитальное поселение; мы не уверены, что это было сделано намеренно, но ущерб, который они причинили трем другим, был чертовски велик, — он собрал все корабли и небольшие суда в системе большие, чем катер, и либо забрал их с собой, либо уничтожил.”

“Что?” - Хонор резко повернула голову, ее глаза сузились, и он кивнул.

“Сегодня днем мы получили очередной рапорт от капитана Крауча.”

Он приподнял бровь, глядя на нее, и она кивнула в знак понимания. Она знала Джона Крауча много лет, еще со времен ее службы в Управлении аэроконтроля, когда он был многообещающим лейтенантом-коммандером в ее штабе. На самом деле, она рекомендовала его для его нынешнего командования, и его крейсерская дивизия прибыла в Кашалот с обычным визитом менее чем через двадцать четыре часа после того, как соларианцы закончили свою работу и снова отбыли. Судя по описанию оперативной группы солли кашалотийцами, было очень хорошо, что четыре Саганами-Б Крауча это пропустили, но он сразу же встал на якорь, чтобы сделать все, что мог, после такого масштабного опустошения. Он также послал КЕВ Мортира, один из сопровождающих его эсминцев, из Кашалота в Беовульф и прямо на Мантикору. Он ясно понимал, насколько серьезно это нападение может повлиять на общественное мнение других нейтральных звездных наций, что несколько ее не удивило. Как и тот факт, что он послал еще одну депешу после первой.

Кто-то вроде Крауча был слишком хорошо осведомлен о том, как медленная скорость межзвездной связи может повлиять на все - от тактических решений местных командиров до большой стратегии звездных наций.

“Я не видел самой депеши, но Пат прислала нам предварительный конспект,” - продолжал Белая Гавань. “По словам Крауча, они охотились за всем, Хонор. Когда вы выполняли Плодожорку, вы были осторожны, чтобы избежать сопутствующего ущерба для гражданских лиц. О, не всегда можно провести четкое разделение между военной инфраструктурой и гражданской инфраструктурой. Мы оба это знаем. Но вы, по крайней мере, попытались это сделать, и вы никогда не выводили из строя гражданские силовые установки или орбитальные фермы. И вы, черт возьми, никогда не собирали все буксиры, ремонтные лодки, рудовозы и катера в системе и не уничтожали их. Нет никакого мыслимого военного оправдания для такого рода разрушений. Это так... так мелко. Это все равно, как если бы взрослый человек убил двенадцатилетнего ребенка в припадке гнева, а потом решил обшарить его карманы и украсть его карманные деньги!”

Хонор медленно кивнула, выражение ее лица было напряженным. Она пыталась свести к минимуму сопутствующие разрушения, но это не всегда удавалось. Но это..!

“Каприотти ясно дал понять, что Мандарины посылают сообщение,” - сказала она через мгновение, прокручивая в памяти запись обмена данными между соларианцами и Системным Президентом Янке, которую Крауч включил в свою первоначальную депешу. “Из того, что ты говоришь, совершенно очевидно, что это за послание. Разозлите нас, и мы превратим всю вашу

звездную систему в свалку." Что-то опасное заискрилось в глубине ее глаз. "И в ответ на твой предыдущий вопрос, я не вижу, каким образом Кашалоту так же повезло, как нам. О, им гораздо больше повезло с подсчетом трупов." Огонь в ее глазах стал холодным и смертоносным при воспоминании о ее собственных мертвецах и о том, сколько миллионов других мантикорцев присоединились к ним.

"Но у них нет такого запаса ресурсов, как у нас, даже без Беовульфа и Хевена, и, по крайней мере, никто систематически не уничтожал ничего, что мы могли бы использовать для восстановления!" Она покачала головой. "Я знаю, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь, но мне интересно, как много мы можем сделать, учитывая, сколько мы уже должны восстановить."

"Президент Янке уже признала это," - мрачно сказал Белая Гавань. "Она запросила всю помощь, которую мы можем предоставить — и она, черт возми, действительно в ней нуждается, поскольку мы те, кого солли в действительности пытаются достать с этим дерьмом — но она, очевидно, понимает, насколько ограничены наши ресурсы прямо сейчас."

"И из заявления Каприотти следует, что Кашалот - не единственная система, с которой эти ублюдки собираются это сделать." Голос Хонор был резок, а Белая Гавань мог бы сосчитать, сколько раз он слышал, как она называла кого-то "ублюдком" на пальцах рук и ног, не снимая ботинок.

"Нет, я уверен, что не единственная," - признал он. "Это одна из тех вещей, которые мы с Пат обсудим завтра перед тем как ты, Том, и я испытаем невыразимую радость, придумывая какую-нибудь рекомендацию для Елизаветы. На данный момент я не имею ни малейшего представления, что это будет за рекомендация."

"Я тоже не знаю. Ноздри Хонор раздулись. "Что я хотела бы сделать, так это объявить политику возмездия. Вы приходите и опустошаете одну из наших звездных систем, или кого-то, кого вы обвиняете в следовании по нашему пути, и мы опустошаем одну из ваших. Проблема в том, что я почти уверена, что Мандарины не будут возражать, если мы сделаем это."

"Это может зависеть от того, какую систему мы выберем для нашего возмездия," - возразил Белая Гавань.

"А будет ли это важно?" Хонор откинулась назад, положила голову ему на плечо и покачала головой, глядя на усыпанное звездами небо. "Не думаю, что это действительно так, Хэмиш. На самом деле это не военная стратегия, а психологическая. Мы все еще достаточно хорошо знакомы с внутренней динамикой Старого Чикаго, чтобы знать, насколько отчаянными они становятся, так что, возможно, мы должны были предвидеть это."

Белая Гавань кивнул. Несмотря на Лаокоон, Большой Альянс добросовестно разрешил проход для почты, курьерских кораблей и невооруженных пассажирских судов, и Мантикора имела очень хорошие отношения с некоторыми мирами, с которыми она технически находилась в состоянии войны в данный момент. Было более чем достаточно неофициальных утечек, чтобы держать Лэндинг в курсе того, что происходит в Солнечной системе... всегда учитывая временную задержку, присущую любой петле межзвездной связи. Лично он разделял выводы как Специальной разведки, так и УРФ о том, что Мандарины должны были знать, что некоторые из "их" планет — хотя, по общему признанию, не в Ядре — были слишком склонны к Мантикоре, чтобы следовать линии партии, что удерживало их от того, чтобы добиваться официального объявления войны.

С другой стороны, они должны были впасть в отчаяние. Даже принимая во внимание наименее оптимистичные оценки аналитиков, они не могли продолжать финансировать военные усилия больше, чем еще один Т-год или около того. Более оптимистичные измеряли свое временное окно месяцами. А отчаявшиеся люди совершали отчаянные поступки. Вот почему Том Капарелли и его штаб постоянно обновляли планы, чтобы принять тотальную наступательную стратегию. Никто не хотел этого делать из-за реваншизма, который он должен был создать в послевоенной Лиге. Война против чудовища такого размера после того, как оно успело обзавестись соответствующим оружием, была тем, с чем ни один здравомыслящий человек не хотел бы столкнуться, но все они понимали, что ситуация может измениться таким образом, что им придется бросить кости и надеяться, что исход позволит им по крайней мере выжить.

К сожалению, в последний раз, когда кто-то сделал это в звездной системе под названием Мантикора, кости выпали Республике Хевен, и это... закончилось плохо для Лестера Турвиля и его флота.

"Они хотят запугать людей, которые могут поддержать нас в нашем отступлении," - продолжила Хонор. "Это же очевидно. И это имеет военные последствия, потому что они хотят, чтобы мы сделали то, что мы заставили Тома Тейсмана сделать после Плодожорки и рассеять наши силы. Распределить их по как можно большему числу потенциальных мишеней, чтобы помешать им делать это снова и снова. Если они хотят поразить Кашалот на том основании, что он просто торгует с нами, их критерии выбора цели настолько широки, что мы не можем отделить вероятные цели от просто возможных. И если мы не сможем идентифицировать их или расставить приоритеты, мы не сможем по-настоящему охватить их, даже если бы мы не поняли, что это было одной из вещей, которых они добивались."

"Но я должен сказать, что в некотором смысле я почти так же обеспокоен тем, что они могут попытаться соблазнить нас ответными действиями, как и самими нападениями. Если мы начнем разрушать звездные системы Лиги, мы не будем наказывать людей, которые на самом деле приказали начать это, и мы будем отталкивать общественное мнение Лиги. Мало того, мы дадим Абруцци и остальным повод, который они могут использовать, чтобы продолжать раздувать военное безумие солли. Неужели вы думаете, что кто-нибудь из их любимых репортеров хотя бы на мгновение предположит, что наши атаки - это ответная реакция на их атаки? Особенно когда Каприотти уже приравнял Флибустьера к Лаокоону? В соответствии с их версией реальности, мы "заставили" их предпринять Флибустьера, когда мы начали вести такую жестокую войну против "экономической жизненной силы" их граждан. Никто в Лиге не будет разбирать выпуски новостей Абруцци достаточно подробно, чтобы понять, насколько абсурдно это сравнение."

"Наверное, ты права." Белая Гавань вздохнул, запуская свою руку вокруг нее, и привлекая ее теснее к себе. "Но мы воюем с ними, любовь моя. Боюсь, что рано или поздно это превзойдет проблему "общественного мнения" в моем мышлении."

"Я знаю. И для меня это тоже верно. Но все, что мы видим, говорит о том, что женщина солли с улицы - особенно за пределами самой Солнечной системы - все еще далека от того, чтобы быть в курсе всего этого. Или была бы в курсе, если бы у нее была полная информация о том, что происходит. И пока Лига теряет такие системы, как Беовульф и Гипатия, мы действительно не хотим давать Абруцци большой рычаг, чтобы он подтолкнул мнение в другую сторону."

"Конечно." Он кивнул. "Но обратная сторона заключается в том, что если мы ничего не предпримем, наши потенциальные друзья в Приграничье и Окраине, вероятно, зададутся вопросом, потому ли это, что мы не можем или потому, что мы просто решили не делать этого. И это может... негативно повлиять на траекторию общественного мнения, как деликатно

выразились аналитики Тони."

"Конечно, другие системы будут удивлены," - согласилась она с отвращением. "Их тоже трудно винить. Некоторые из них сделают расчеты и поймут, почему мы не можем защитить каждую обитаемую звездную систему в галактике, но сколько людей в действительности понимает, сколько обитаемых звездных систем существует? Они знают свою и, возможно, полдюжины других, которые они лично посетили или где у них есть друзья или семья. Кроме них, все остальное абстрактно... а угроза их собственной звездной системе совсем не абстрактна. Это еще одна версия операции с фальшивым флагом, которую Мика обнаружила в Талботте. Не имеет значения, является ли то, что происходит с одной из пограничных систем, нашей виной, потому что наша работа - не допустить этого, кто бы ни был "виноват" в этом! Это нелогично, это неразумно, и в некотором смысле это просто глупо, но это также в человеческой природе, и кто-то в Старом Чикаго знает об этом."

"Убедительно аргументировано," - сказал он, проводя указательным пальцем по кончику ее носа. "Может быть, у мозга, стоящего за этим анализом, есть какие-то предположения? Кроме того восхитительного, который мы уже исключили, о сожжении нескольких звездных систем солли до основания в отместку, я имею в виду?"

"Вообще-то, у меня есть одна мысль," - сказала она, и его глаза сузились от ее серьезного тона. "Чин-Лу обедал на борту "Императора" в тот вечер, когда пришла первая депеша Джона Крауча, и я поделилась ею с ним."

Белая Гавань кивнул. Чин-Лу Андерман, герцог фон Рабенштранге, был двоюродным братом Императора Густава и третьим наследником андерманского престола. Он также был представителем Густава в Большом Альянсе... и личным другом некоей Хонор Александер-Харрингтон. Теоретически, предположил Белая Гавань, информация в депеше Крауча была засекречена, но она не останется засекреченной надолго, а Хонор и фон Рабенштранге имели долгую историю — которая служила и Андерманцам, и Звездной Империи на протяжении многих лет — работы в обход формальных ограничений.

"Он был так же взбешен этим, как и я, - продолжала она, - и мы обсудили последствия, насколько могли, в свете того, что знали в то время. И в ходе нашего обсуждения мы пришли к мысли, которая может иметь некоторое значение."

"Что за мысль?"

"Ну, я не думаю, что Густав будет в восторге от того, как Мика ускоряется в Талботте, и я ожидаю, что он будет еще меньше рад, когда узнает, что мы послали Лестера, чтобы усилить ее и санкционировать операции против Мадраса. Я думаю, он считает, что наша сорвавшаяся с цепи Винтон, вероятно, также будет держать Мезу на прицеле, а ты знаешь, как сильно он хочет уничтожить Согласие сам."

Белая Гавань кивнул. Когда Густав Андерман узнал о существовании Согласия — и о том, что убийство его племянника при попытке убийства его младшего брата и непосредственного наследника почти наверняка было осуществлено с помощью "наноботов - убийц" Согласия — не было никаких сомнений в его видении правильного ответа. В то же время у него не было никакого желания попадать в поле зрения Солнечной Лиги, хотя бы потому, что он был холодно-прагматичным практиком межзвездной Realpolitik, который осознавал потенциальные последствия для своей собственной звездной нации после того, как стрельба прекратилась и Лига замерла в ожидании решения, как сравнять счет. Это соображение в любом случае не помешало бы ему вторгнуться в Систему Мезы, если бы не то, как заявления Мантикоры и

Хевена о Мезе были включены в повествование об их конфронтации с Лигой.

Было невозможно отделить Соглашение от утверждений Мандаринов о том, что Мантикорский империализм — усугубленный и движимый, возможно, паранойей по поводу воображаемых врагов — был основной причиной эскалации конфликта. Это означало, что любые действия Густава против Мезы будут рассматриваться как Мандаринами, так и соларианским общественным мнением как решение с его стороны принять сторону Мантикоры против Лиги.

"Чин-Лу этого не говорил, но я думаю, что еще один фактор в мышлении Густава - это то, как Квадрант Талботта ограничивает Империю," - продолжила Хонор, и Белая Гавань снова кивнул.

Он провел довольно много времени, помогая своему брату, Премьер-министру и министру иностранных дел Лэнгтри, которые беспокоились о возможной реакции Густава на расширение Звездной Империи. Он сомневался, что кто-то в Империи действительно верил, что Мантикора хотела запереть Андерманцев в их собственном маленьком уголке галактики. Если уж на то пошло, любой, кто понимал реалии гиперпространства, знал, что не сможет никого запереть, даже если бы захотел. Но нельзя было отрицать, что недавно аннексированный квадрант Талботта лежал прямо напротив гиперпространственного маршрута между Андерманской империей и Солнечной Лигой. Учитывая, что Мантикорская туннельная сеть уже контролировала гипермосты между Андерманцами и остальной галактикой, монарх вроде Густава Андермана должен был испытывать по меньшей мере легкий приступ паранойи.

«В любом случае,—сказала она,—в то время, когда мы оплакивали тот факт, что Густав не может присоединиться к нашему официальному объявлению войны - и это то, чего мы действительно не хотим, чтобы он сделал, - мы начали думать о том, что ФИА мог бы сделать, не объявляя войну Лиге. И тогда Чин-Лу предложил Густаву рассмотреть возможность создания "патрулей нейтралитета" на нашем фланге Талботта.”

"Патрули нейтралитета?"- повторил Белая Гавань, и она кивнула ему через плечо.

«Он думает, что даже Мандарины не хотят, чтобы Империя вошла в Альянс. С самого начала мы предполагали, что они хотят, чтобы андерманцы оставались нейтральными. И мы призвали Густава сделать это, потому что это дает ему гораздо больше рычагов воздействия на них. Мы рассчитывали на это как на карту в финальной игре, чтобы у него была возможность вмешаться и сыграть «честного брокера», когда идиоты, наконец, осознают, что стрельба по нам ведёт к проигрышу в игре и начнут стремиться к какому-то мирному урегулированию. Но он мог бы использовать этот рычаг и для других целей. Например, он мог бы объявить список звездных систем, с которыми андерманцы регулярно торгуют, и предупредить всех, включая Альянс, что он намерен разместить несколько крейсеров в большинстве из них - просто чтобы следить за пиратской деятельностью, конечно. И если бы он случайно назвал это «патрулем нейтралитета», Мандарины, вероятно, признали бы это растяжкой, об которую им лучше не спотыкаться.

Если мы хотим предотвратить нападение на систему, нам придется физически защищать ее, потому что мы уже находимся в состоянии войны с Лигой, и ничто не изменит этого. Но Чин-Лу считает, что Густаву не нужно было бы собирать силы, чтобы действительно защитить системы, как это сделали бы мы, потому что любое нападение на его корабли привело бы Империю к войне в качестве полноправного союзника, и Мандарины это знают.”

«Вероятно, что-то в этом роде», - задумчиво произнес Белая Гавань. «А фон Рабенштранге не говорил, сколько систем, по его мнению, Густав сможет защитить таким способом?”

“Нет, и это потребует более тонкого расчета. Мандарины пойдут на многое, чтобы не спровоцировать Густава на объявление войны, но если он будет слишком явно работать с нами, они могут решить, что он уже фактически объявил войну. В этом случае он попадает в их перечень целей, и аспект "морального убеждения" его патруля нейтралитета вылетает в трубу.”

“Это имеет смысл.”

“Я так и думала. И есть еще один потенциальный недостаток для нас в этом предложении.”

«А?» Белая Гавань повернул голову, глядя на нее, затем улыбнулся, вспомнив очень молодую, сосредоточенную командера Хонор Александер-Харрингтон, которая была чем-то вроде тупого предмета... и не особенно интересовалась тонкостями межзвездной дипломатии.

«Дай угадаю», - сказал он. “Ты думаешь, что если Густав будет так услужлив и любезен, то он вызовет всевозможную доброжелательность в системах, которые он защищает. Своего рода доброжелательность, которая ведет к таким вещам, как, о, наиболее благоприятствующий торговый статус звездной нации, военные союзы и тому подобное.”

“Именно”. - Хонор пожала плечами. “Это игра, в которую анди играют уже давно, Хэмиш. Это то, как они расширяли свои границы на протяжении многих лет, не завоевывая на самом деле кого-либо. Они делают себя достаточно полезными, чтобы их пригласили, и давай посмотрим правде в глаза, поскольку империалистическая стратегия наступает, и почти так же безобидно, какой и становится. У них была большая практика, и они во всяком случае стали очень хороши в этом. И такое положение вещей, которое ограничило бы системы, которые Густав мог бы законно охватить таким образом, означает, что все они естественным образом попадут в сферу влияния андерманцев.”

«К сожалению, совершенно верно. С другой стороны, - заметил Белая Гавань, - у них, похоже, гораздо больше проблем с поглощением их доли Силезии, чем у нас. Вероятно, им нужно время, чтобы переварить этот кусок питона, прежде чем оглядеться в поисках следующей порции еды.”

“Возможно. Но я не могу отделаться от мысли, что Чин-Лу — а ты знаешь, как он мне искренне нравится - видит в этом потенциальный способ накрыть на стол. И, может быть, подкупить метрдотеля, чтобы Густав получил лучшее место в доме.”

“И это беспокоит тебя настолько, чтобы отказаться от этой идеи?”

«Я этого не говорила.» Хонор снова покачала головой. «Во-первых, потому что мы оба знаем, что анди рано или поздно все равно отправятся ловить рыбу в этих водах. Как говорится в старом детском стишке, рыба должна плавать, птицы должны летать... а анди должны расширяться. Мы не смогли бы изменить это, даже если бы захотели. Но настоящая причина, по которой это не беспокоит меня настолько, чтобы сказать "нет"?» Ее губы сжались. “Я за все, что может остановить то, что случилось с Кашалотом, Хэмиш. Мы пережили это прямо здесь, и я не могу убедить себя, что солли будут так же осторожны, чтобы свести к минимуму потери жизни, как Каприотти, по-видимому, был. Я потеряла слишком много людей, которых любила. Никто больше не будет переживать еще один Удар Явата в мою вахту. Нет, если я хоть что-то могу с этим поделать!”

Он смотрел на нее, слыша железо в этом обещании. И лучше, чем кто-либо другой, он понимал это железо, знал, как четко она понимает каждое слово... и что она последует за теми, кто несет ответственность за Удар Явата, на край Вселенной. Когда-нибудь Хонор Александер-

Харрингтон настигнет их, и то, что произойдет потом, будет так же верно, как энтропия... и так же холодно. Но Солнечная Лига никогда не встречалась с Саламандрой. Не так, как он. И он сомневался, что Мандарины имеют хоть какое-то представление о Джаггернауте, который они выпустят на волю, если другой Адмирал Каприотти не будет так же осторожен с неосмотрительным убийством каких-то гражданских лиц.

“Я верю тебе,” - просто сказал он и он верил.

Она сказала ему однажды, что глубоко внутри неё живет монстр, И он верил и этому тоже. Он увидел это, когда она оплакивала Эндрю Лафолле и свою семью после Удара Явата. Он осознал это, узнал, что при всем своем выдающемся военном послужном списке он даже не был в ее лиге, когда дело доходило до чистой, сосредоточенной смертоносности. Но этот монстр был скован состраданием, моральным кодексом кого-то, посвятившего всю свою жизнь защите других. Кого-то, кто нашёл применение своему монстру и принял его таким образом, что это, напротив, сделало ее одним из двух самых нежных, самых любящих людей, которых он когда-либо встречал.

“И я женат на них обеих”, - с удивлением подумал он. Как человеку может так повезти?

«Что?» - спросила Хонор совсем другим тоном, нахмутив брови.

“Что это за “что” такое?» - сказал он.

“Такое “что”, которое заставляет тебя смотреть на меня так же, как Нимиц смотрит на сельдерей», - резко ответила она, и он рассмеялся, увидев выражение ее лица. Она прекрасно понимала, что заставляет его так на нее смотреть, напомнил он себе. Его жена буквально читала его — или, по крайней мере, его эмоции - как пресловутую книгу.

«Честное слово, я не думаю о тебе так, как Нимиц думает о сельдерее, Хонор!» - сказал он ей самым серьезным тоном. «Или, позволь мне перефразировать. Между тем, как я думаю о тебе, и тем, как он жаждет сельдерей, существует некий... не знаю, резонанс. Однако конечная цель в моем случае несколько иная.”

«Ты придурок,» - сказала она ему, качая головой с улыбкой. “Ты ведь это знаешь, правда?”

«Может, и так, но я твой придурок.» Он наклонился ближе, его поцелуй был медленным и долгим. “И ты застряла со мной,” - добавил он шепотом, покусывая мочку уха.

“О, черт,” - ответила она, обнимая его.

“Сегодня чудесная теплая ночь,” - заметил он. “Здесь даже ясно, до середины утра не будет дождя, а это очень большой шезлонг. И крепкий тоже.”

“Я это заметила.”

“Хорошо, я просто пойду запру дверь, чтобы мы случайно не шокировали Спенсера и Люси.”

“Я думаю, это было бы отличной идеей.”

Он еще раз поцеловал ее, слез с шезлонга и подошел к старомодной двери, чтобы запереть ее. Это не остановило бы Спенсера Хоука или Тобиаса Стимсона ни на мгновение, если бы возникла реальная чрезвычайная ситуация, но он улыбнулся, представив себе их реакцию, если бы они случайно обнаружили, что она была заперта в аварийной ситуации. “Они одернут

руки от дверной ручки, как будто она радиоактивна", - со смешком подумал он.

«Знаешь, - сказал он, делаясь этой мыслью с Хонор, нажимая на кнопку замка и поворачиваясь к ней, - если Тобиас или Спенсер придут и ...»

Его глаза расширились. Хонор стояла перед ним, позолоченная в свете звезд и Луны, ее кимоно расплескалось вокруг ее ног.

«Насчёт шезлонга...» - сказала она, и ее глаза загорелись, когда она открыла ему свои объятия.

Штаб-квартира Соларианской Жандармерии

Город Вивблиотек

Система Гипатия

Майор Ингрид Латимер, Соларианская Жандармерия, скрыла хмурую гримаску, входя в кабинет. Майор Латимер была немного коренастой - результат гравитации ее родного мира в 1,25 g - но у нее были темно-рыжие волосы, серые глаза и порывистая грация, которую гравитация планеты Гипатия в 0,93 g только подчеркивала. В своей безупречной униформе она в любой день могла бы послужить вербовочным плакатом для Жандармерии. Более того, она была умна, целеустремленна и так же хорошо справлялась со своей работой, как и предполагала ее внешность.

К тому же она была несчастной женщиной, и новостные репортажи, доносившиеся из телевизора в углу кабинета майора Лоуренса Курниякиса, имели самое непосредственное отношение к источнику этого несчастья.

“О, привет, Ингрид!” Курниякис поприветствовал ее, оторвавшись от бумаг на дисплее своего стола. “Что привело тебя в край троглодитов?”

“Привет, Ларри.”

Латимер послушно улыбнулась. Она была третьим лицом в командной цепочке Жандармерии в системе, начальником Отдела уголовного розыска в Гипатии, и считала себя старомодным копом, потому что предпочитала ловить жуликов, а не рыться в помойной яме политики и слежки. Курниякис, с другой стороны, командовал Отделом безопасности, отвечающим за кибербезопасность и контрразведку в звездной системе. Он был старше ее — фактически, помимо обязанностей по охране, он служил полковнику Ганеше Нарану, старшему Жандарму в Гипатии, заместителем - и она всегда считала, что его веселая, экстравертная натура была не совсем подходящей для человека с его обязанностями. Он определенно не производил впечатления человека, который будет слоняться по углам и подслушивать частные разговоры. Что, как она признавала, могло быть одной из причин, почему он так эффективно выполнял свои "троглодитские обязанности".

Теперь Курниякис коснулся своего дисплея, полностью убавив громкость HD, и склонил голову к ней.

«Чему я обязан такой чести?» - спросил он.

“Один из моих людей нашел кое-что, на что тебе нужно взглянуть”, - ответила она.

“Стреляй,” - сказал Курниякис, открывая блокнот на дисплее и указывая на стул у стола.

“Мы расследуем некоторые контрабандные операции в порту.” Латимер опустилась в указанное кресло. “Я бы не слишком беспокоилась об этом, учитывая все остальное дерьмо, происходящее прямо сейчас, за исключением того, что эти конкретные контрабандисты привезли 7Н.”

Курниякис оторвался от заметки, которую набрасывал, и нахмурился. “7Н “ - было полицейским и уличным сокращением от “Седьмого неба”, особенно отвратительного психоделического нанотеха, который создал огромный пул наркоманов, несмотря на психозы, которые он вызывал у длительно употребляющих его людей. Только на прошлой неделе водитель грузовика в порту пережил психотическое событие во время движения и протаранил своим автомобилем два складских отсека и переполненную пешеходную аллею. Шесть человек погибли на месте, еще четырнадцать получили ранения. Была причина, по которой никто не хотел иметь 7Н в своём мире.

“У тебя есть доказательства?” - спросил он, и она кивнула.

“Куча доказательств, уже упакованных и конфискованных. Одиннадцать преступников сидят в тюрьме ... и трое в морге, потому что они не захотели идти с нами, когда мы постучали в их дверь.”

“Жаль, что так вышло.” Улыбка Курниякиса была слабой, и она улыбнулась в ответ. Но потом выражение ее лица стало серьезным.

“Однако, пока мы наблюдали за ними перед самым арестом, обнаружилось кое-что еще,” - сказала она. “Мы наткнулись на чужой взлом. Не по нашим преступникам, а по их системе, чтобы проникнуть в файлы планетарного ГП.”

“Офис Генерального прокурора Боягиса?” - резко спросил Курниякис, и она кивнула.

«Я думаю, что преступники пытались следить за любым расследованием со стороны ПДВ или системного Бюро расследований. В любом случае, они собирались взлезть в файлы Боягиса — мы думаем, что отследили хакера, которого они наняли, и мы знаем кто это, если тебе это нужно - но затем кто-то еще убрал их файлы, чтобы добраться до файлов Боягиса. Я не знаю, кто этот ‘кто-то еще’ был, но я знаю, что это не мой человек, поэтому я подумала, что лучше прийти и убедиться, что это не твои люди, прежде чем доложить об этом Боягису. Или, скорее, до того, как я доложу об этом полковнику Нарану, а вы с ним - Боягису.”

“Ни малейшего понятия, кто это был?”

“Нет,” - подтвердила она. “И из твоего вопроса я заключаю, что это был не ты?”

“Конечно, это был не я!” Курниякис откинулся на спинку стула. “Какого черта мне взламывать файлы Генерального прокурора?”

Она рассмотрела несколько возможных ответов на этот вопрос. Однако ни один из них не казался особенно конструктивным.

В отличие от нее, Курниякис был уроженцем Гипатии. В Соларианской Жандармерии это не было чем-то необычным. Фактически, большинство жандармов в Гипатии были гипатийцами, учитывая кадровую политику Жандармерии в мирах Ядра. Обычно Латимер считала, что это отличная идея. Системы Ядра не были Протекторатами. Они были полноправными, самоуправляющимися членами Солнечной Лиги, поэтому у Жандармерии никогда не было причин переводить туда людей, не имевших местных связей, чтобы сбить их с прямого и узкого

пути, и были веские аргументы в пользу использования как можно большего числа местных жителей. Собственные следователи Латимер были тому живым доказательством. Ее лучшими агентами, самыми эффективными исследователями были гипатийцы, с врожденным чувством социальных моделей и взаимодействий их родного мира, которые могли быть произведены только полным погружением в эту среду.

Они также имели тенденцию получать наилучшие результаты всякий раз, когда ОУР приходилось взаимодействовать с местными правоохранительными органами — что случалось часто — потому что они не были посторонними, пытающимися влезть на чужую территорию. И даже если бы все это было неправдой, назначение людей на световые годы от своих друзей и семей, когда было много вакансий прямо в их родных городах, оказывало мощное негативное влияние на уровень удержания персонала.

Однако в данный момент эта кадровая политика способствовала тому, что Латимер действительно не нравилось. И не только с Курниякисом, хотя он, безусловно, был тому примером.

Она знала Лоуренса Курниякиса больше восьми стандартных лет. Они были друзьями. Он и ее муж Карл были приятелями по охоте и рыбной ловле, а его девочки-близнецы учились в одной школе с ее сыном Питером. Она не была так близка с женой Курниякиса Анжеликой, как Курниякис с Карлом, но они оба любили пейзажную фотографию, и Энджи знала все лучшие виды и точно знала, когда освещение будет наиболее впечатляющим.

И несмотря на все это, Ингрид Латимер не могла сказать Курниякису, о чем она думает. "Ларри, ты должен как можно глубже покопаться в файлах предательского сукина сына, чтобы выяснить, насколько сильно этот ублюдок и его боссы планируют навредить Лиге," - это было не то, что хотел услышать Курниякис.

Конечно, нет, подумала она. Ларри чертовски хороший парень, и я бы доверила ему свою жизнь. Но он почти так же слеп, как и все остальные гипатийцы, и он не думает, что они делают что-то противозаконное.

Справедливости ради, Латимер не была уверена, что действия Объединенного Правительства Системы Гипатия были незаконными. С другой стороны, она не была уверена, что это не так, и ей казалось, что некоторые меры предосторожности были оправданы. К сожалению, полковник Наран занял позицию, что весь референдум был вопросом местного самоуправления. Это могло иметь федеральные последствия, но в отсутствие официального решения судебной системы Лиги о том, что конституционное право на отделение больше не действует, у него не было полномочий вмешиваться в процесс, пока гипатийцы разбираются с этим.

И к тому времени, когда они закончат "разбираться с этим", будет уже слишком поздно. Если только что-то не изменится чертовски быстро, эти люди не просто перейдут Рубикон. Они собираются пересечь эту реку, взорвать мосты и выбросить осколки обратно в реку с камнем, сковавшим их лодыжки! На самом деле, возможно, метафора, которую я хочу применить, имеет больше отношения к Красному морю, чем к любым рекам.

"Ну, если это не ты, то, может быть, один из Комитетов Свободы," - сказала она вслух. "Они создают достаточно шума, и не забудь, что Аллертон требует судебного запрета. Комитеты могут искать внутреннюю информацию о том, что думает по этому поводу Боягис."

"А еще это может быть какой-нибудь чертов газетчик, жаждущий сенсации," - быстро парировал Курниякис. "Это не обязательно должен быть один из Комитетов, Ингрид. Если уж

на то пошло, это мог быть кто-то из людей Аллертон, ищущих эту же информацию.”

“Может быть,” - согласилась она, хотя ни минуты не думала, что это так.

Сенатор Макико Аллертон предельно ясно выразила свое несогласие с безумием референдума. Ее аргументы против отделения были столь же эмоциональны, как и резкие требования десятков Комитетов Свободы, которые возникли, чтобы организовать в его поддержку, и она была, по мнению Латимер, гораздо более красноречивым представителем. Но она также была сильно в меньшинстве. Она вела проигранную битву, и это сражение стало чертовски сложнее, когда этот, будь оно навсегда проклято, аудиофайл Абруцци-МакАртни, ударил по общественным советам здесь, в Вивлиотеке. Тенденция голосования была ясна почти с самого начала, но оппозиция референдуму резко упала, а поддержка среди ранее не определившихся резко возросла после этого глупого, очевидно — и сильно - отредактированного обрывка частной беседы.

Аллертон и ее небольшая когорта упрямо верных соратников в однопалатном законодательном органе Гипатии упорно боролись против референдума, когда он еще находился в стадии разработки, и с тех пор они не прекращали борьбу. Политическая цена для Аллертон, которая, по мнению почти всех ученых мужей, стала бы следующим Системным Президентом, если бы референдум так и не состоялся, была очень высока, но она отказывалась уступить. Однако теперь, после катастрофы с записью Абруцци-МакАртни и всего за три дня до голосования, должно было быть очевидным даже — или, возможно, особенно — ей, что она обречена на поражение. Даже Латимер вынуждена была признать, что ее, вероятно, обреченная на провал просьба о судебном запрете, эта отсрочка референдума до тех пор, пока законность отделения не будет подтверждена Федеральными судами, была не более чем последней, безнадежной попыткой избежать неизбежного.

Кем бы еще ни была Макико Аллертон, она была женщиной, которая верила в надлежащий процесс и верховенство закона. Она посвятила этому всю свою жизнь. Вероятность того, что она могла взломать офис Генерального прокурора, просто не существовала.

Что, с горечью признала майор, вовсе не означает, что кто-то из ее сторонников не мог сделать этого без ее ведома или одобрения. Мне неприятно это говорить, но Ларри в этом прав. Я просто хотела бы чувствовать себя более уверенной, что он все еще пытается сохранить уровень игры в своем уме. И я ненавижу даже думать об этом, черт возьми!

"Как бы то ни было, - сказала она вслух, - я решила, что ты должен услышать об этом. В сложившихся обстоятельствах я так же счастлива, что мне не нужно звонить по поводу того, стоит ли говорить об этом Боягису, но я подумала, что было бы неплохо предупредить тебя, прежде чем официальный отчет попадет в твой почтовый ящик.”

"Я ценю это." Курниякис улыбнулся ей. "И как только этот рапорт поступит сюда, я уверен, полковник Наран передаст его ГП." Он пожал плечами. "До тех пор, пока референдум фактически не состоялся, все правила о юрисдикциях все еще применяются, и это явно в ведении Боягиса. Спасибо, что рассказала мне об этом, Ингрид.”

"Не за что." Она встала со стула и протянула руку через стол. "Береги себя, Ларри.”

"И ты тоже, Ингрид." Курниякис встал, чтобы пожать ей руку. "И не забудь про вечер пятницы. Алетия и Алексия сообщили мне, что собираются приготовить ужин." Он покачал головой. "Одному Богу известно, что это будет, но я обещаю, что это никого не отравит.”

“Это ты сейчас говоришь,” - ответила она с улыбкой, затем кивнула и направилась обратно в

свой кабинет.

* * *

Лоуренс Курниякис проследил, как за Ингрид закрылась дверь, затем снова уселся за стол и увеличил громкость HD. Говорящие головы не говорили ничего такого, чего бы он уже не знал, но он позволил им болтать на заднем плане, откинулся на спинку стула, задумчиво глядя на закрытую дверь, и прокрутил разговор в голове.

Ингрид была права насчет того, как сильно Комитеты Свободы желали заглянуть в файлы Генерального прокурора Боягиса. И он ни на мгновение не подумал, что Макико Аллертон допустила бы какие-либо незаконные действия от имени самой себя или ее крестового похода против референдума. Правда заключалась в том, что он понятия не имел, кто это мог быть, и был счастлив, что это не забота федералов — а значит, и не его, — до тех пор, пока власти системы не обратятся за помощью к Жандармерии.

"Чего бы они сейчас не сделали, если бы Дом Сената сгорел вместе с сенаторами", - кисло подумал он. Никогда не думал, что увижу что-то подобное, и мне бы хотелось, этого не видеть. Но, черт возьми, пора ловить рыбу или обрезать наживку.

До недавнего времени Лоуренс Курниякис никогда не задавался вопросом, видит ли он себя в первую очередь гипатийцем или гражданином Солнечной Лиги. Эти личности были идентичны, насколько он мог судить. Но теперь, после всей этой конфронтации сначала с манти, потом с Республикой Хевен, а теперь еще и с Беовульфом....

Если бы не Беовульф, он, вероятно, все еще был бы склонен дать Министерству информации и анти-мантикорским новостям преимущество сомнения. Конечно, вся эта чепуха о многовековых Мезанских заговорах звучала либо как бред сумасшедшего, либо как чистый вымысел. Но он знал слишком много беовульфиан. Если уж на то пошло, семья его жены была из Беовульфа, а один из его дядей был женат на мантикорке. Ему было трудно представить кого-либо из своих родственников как империалистических, разжигающих войну монстров, которых изображали репортеры. Конечно, он также был готов признать, что никогда не изучал близко отношения Мантикоры с Лигой или любые возможные Мезанские заговоры. Но он смотрел на пламенные обвинения Фелиции Хэдли в адрес Мандаринов с трибуны Законодательного собрания, и червь сомнения закрался в его сердце, когда она стала бить по внешней политике Лиги.

Возможно, этого бы и не случилось, если бы он не провел пятнадцать лет в Службе Пограничной Безопасности, прежде чем вернулся в Гипатию, женился на Анджеке и остепенился. Большую часть этих лет он провел в Протекторатах, и ему не понравилось то, что он там увидел. Ему не нравились сделки, которые он видел между коррумпированными соларианскими межзвездными корпорациями и местными комиссарами. Такого рода сделки, которые придавали чертову грань правдоподобия заявлениям Мантикоры и Хевена о Мезе. Ему не нравились ни внешние демократии, ни способ поддержки местных деспотов и диктаторов, независимо от их политики в области прав человека, до тех пор, пока они поддерживали график платежей. И ему не нравилось, как Лига действовала, подавляя любую местную оппозицию этим деспотам и диктаторам.

Он говорил себе, что подобные операции - дело Службы Пограничной Безопасности, а не Жандармерии, и в этом было много правды. Но никто не мог быть просто свидетелем этого, не будучи этим затронутым, и он все еще чувствовал себя... грязным от некоторых вещей, которые он видел. Кое-что из того, в чем он был вынужден участвовать, хотя бы из вторых или третьих

рук.

Вещи, которые оставили шрам.

И этот шрам был тем, что склонило его от двойственности отношения к отделению к полной его поддержке. Люди могли сколько угодно спорить о том, что тот разговор между Малахаем Абруцци и Натаном МакАртни никогда не был серьезным. Что это было не более чем сбросом напряжения, вызванным их сильным разочарованием, когда кризис Мантикоры обострился. Но тот факт, что они вообще произнесли эти слова, напомнил майору Лоуренсу Курниакису о том, что Солнечная Лига — его Солнечная лига — обычно делала в Протекторатах. И когда он добавил это к тому, как Мандарины и их суррогаты ворвались в Беовульф - обвинили его в измене за то, что он воспользовался своими законными правами в том, что касалось Беовульфского терминала и, вероятно, спас сотни тысяч жизней Солариан в придачу — он понял, что на самом деле он не должен покидать Лигу.

Лига уже давно покинула его. Его Лига умерла где-то там, в Протекторатах, и все, что представлял собой референдум, на самом деле было формализацией свидетельства о смерти.

Он глубоко вздохнул, покачал головой и вернулся к своим бумагам.

* * *

Президентский Дом

Город Вивблиотек

Система Гипатия

“Должен сказать, что, хотя я очень рад вас видеть, ваше пребывание может оказаться слишком недолгим, адмирал,” - сказал Системный Президент Адам Вангелис, вставая и обходя стол, чтобы пожать руку контр-адмиралу Котоучу. “Мы не ждали вас еще целый день или около того.”

“Я рад быть здесь и надеюсь, что смогу быть вам полезен, господин Президент,” - несколько осторожно ответил Котоуч, пожимая протянутую руку.

Он чувствовал себя неловко без униформы и недоумевал, почему в Послании Президента ему предлагалось лететь на зафрахтованном правительством шаттле гражданской регистрации и надеть гражданскую одежду для визита в Президентский Дом. Когда сообщение было доставлено, он подумал, что просьба Вангелиса была плохим знаком, и последнее, что он хотел узнать - это в чем она состоит.

“Что же касается времени нашего прибытия, - продолжал он, - то мне было приказано совершить как можно более быстрый переход. Есть ли какая-то причина, по которой я не должен был этого делать?” Он покачал головой. “Мне поручено помочь вам любым возможным способом, и я боюсь, что недостаточно знаком с местной политической сценой, чтобы знать о каких-либо... временных ограничениях. Мисс Гуд сделала все возможное, чтобы ввести меня в курс дела о политике Гипатии, и я с большим интересом просмотрел ее отчеты по пути сюда, но я уверен, что вы понимаете, что у меня не было времени развить какую-либо внутреннюю перспективу.”

“Конечно же, нет!” Вангелис покачал головой и улыбнулся седовласой женщине, которая сопровождала Котоуча в его кабинет. “Удивительно, что Кей так хорошо изучила Гипатию за то

короткое время, что она здесь. Я дам ей, скажем, восемьдесят часов, чтобы передать вам то же самое понимание.”

"Как всегда, господин Президент, ваше великодушие потрясает", - ответила достопочтенная Кей Гуд с ярко выраженным сфинксианским акцентом, и древесный кот на ее плече издал смешок.

"И хватит с тебя оскорбления величества, Диззи!" - Сказал Вангелис, погрозив указательным пальцем коту... который, казалось, ничуть не смутился этим предостережением. Гуд протянула руку и нежно погладила его по ушам, покачав головой, и Вангелис усмехнулся.

Котоуч не был лично знаком с Гуд, но знал о ней довольно много, в том числе и то, что она была дальней родственницей Клауса Гауптмана - там связь была очень дальней - а также Хонор Александер-Харрингтон, через Зивониксов, одну из старейших семей на Сфинксе. Он также знал, что она потеряла мужа, и, хотя Гуды как семья пострадали не так сильно, как Харрингтоны, несколько других близких родственников пострадали во время Удара Явата. Он сомневался, что кто-нибудь понял бы это, учитывая ее безмятежное выражение лица, но никто из тех, кто видел ее отчеты о ситуации от Гипатии, не сделал бы такой ошибки. Лава за этими серыми глазами пылала в этих отчетах, и он задавался вопросом, рассматривая некоторые из них, рассматривала ли она Солнечную Лигу больше как врага в своем собственном праве или как не более чем препятствие между ее звездной нацией и людьми, которые убили так много ее граждан.

Он подозревал, что верным было последнее... и что ее приоритеты только добавляли концентрированной желчи к ее ненависти и отвращению к Мандаринам.

Каковы бы ни были ее чувства, и как бы много из них она ни раскрывала в своих отчетах своим мантикорским начальникам, он был уверен, что она держала их под контролем здесь, в Гипатии. Она была специальным посланником сэра Энтони Лэнгтри на Гипатии, и все знали, что как только будет объявлен результат референдума, она снимет свою шляпу специального посланника и заменит ее шляпой посла Звездной Империи Мантикора и полномочного министра в Республике - Системе Гипатия. Это, вероятно, не изменит ее личных отношений с Вангелисом — что, очевидно, было очень хорошо — но юридические последствия назначения посла к недавно ставшей независимой звездной нации, которая была одним из основателей Солнечной Лиги, не будут потеряны для галактики в целом.

"В это же время, Адмирал, - продолжал Вангелис, приглашая обоих своих гостей встать у огромных, от пола до потолка, окон кабинета, выходящих на живописный ландшафтный парк Президентского Дома, - я вовсе не имел в виду, что ваше появление здесь нежелательно. Я не думаю, что мне понадобится ваша помощь, чтобы поддерживать порядок здесь, в Гипатии." Он улыбнулся немного криво. "Я уверен, что здесь будут иметь место некоторые 'угрызения совести покупателей'. Так бывает всегда, даже в решениях, далеко не столь монументальных, как это! И меньшинство, которое выступало против отделения — похоже, что на самом деле около двадцати одного процента проголосовало против него, - может высказать определенное... возмущение. В целом, однако, я не ожидаю каких-либо значительных внутренних беспорядков."

"Я рад это слышать, господин Президент."

Котоуч смотрел на кружевные перистые листья местных деревьев вдоль древней каменной стены, отделявшей Президентский Дом; и Адмирал надеялся, что Вангелис не обидится, когда он использует стандартный английский перевод вместо того, чтобы исказить греческий — от

широкой, ровной улицы. Гипатия была достаточно стара, чтобы Вивлиотек был построен без антигравитации, и оригинальная архитектура была любовно сохранена. Старый город был окружен монолитными башнями более поздней технической базы, но строительные нормы отодвинули их достаточно далеко от древнего сердца города, чтобы предотвратить эффект затенения, который он видел на очень многих других планетах.

"Я рад это слышать, - повторил он, - и эта оценка вполне согласуется с тем, что предсказывали представитель Ламброу и представитель Цакабику во время поездки с Беовульфа. Немного лучше, чем предсказывал мистер Ламброу, но не так радужно, как ожидала миз Цакабику."

"Я уверен, что так и было", - сказал Вангелис, немного сухо. Котоуч поднял бровь, и президент усмехнулся. "Брэд с самого начала был скорее из тех, кто любит 'подождать и посмотреть, что получится', Адмирал. Софрония... не такая."

"Должен сказать, что это соответствует моим собственным наблюдениям за миз Цакабику," - признал Котоуч.

"Я в этом не сомневаюсь."

Вангелис остановился между двумя мантикорцами - имея рост в 165 сантиметров, он был ниже их обоих - и несколько секунд смотрел в окно. Затем он глубоко вздохнул.

"Меня больше беспокоят негипатийцы здесь, в системе, Адмирал" - сказал он, поворачиваясь к Котоучу. "В частности, Руперт Черников — управляющий директор "Добывающей Компании Александрийского Пояса" - боролся с референдумом зубами и ногтями. Я всегда хорошо ладил лично с Рупертом, но это уже не так важно, как раньше, после того, что случилось с Сандрой Крэндалл и Массимо Филаретой. И не только для людей из-за пределов системы. Мы с Макико Аллертон дружим с детства, а в последнее время она почти не разговаривает со мной."

Его карие глаза потемнели от сожаления, но он спокойно продолжил.

"Я не хочу думать, что Руперт действительно попытается устроить саботаж, и не похоже на что-то типа одного из Протекторатов. Большинство акций "Александрийской Добычи" имеют владельцев здесь, в Гипатии, причем менее четверти голосующих акций принадлежит внесистемным акционерам, и даже если бы он был склонен к чему-то подобному, девяносто пять процентов сотрудников ДКАП - гипатийцы. Однако я не могу полностью исключить этого, и тот факт, что его сотрудники - гипатийцы, не означает, что все они поддержали референдум."

"Однако здесь, в системе, есть и другие активы и операции, принадлежащие в первую очередь одной из межзвездных корпораций, которая, вероятно, считает, что отделение не сулит ничего хорошего их долгосрочным экономическим интересам. Мои местные правоохранительные органы следят за всеми потенциальными проблемными детьми, которых мы смогли идентифицировать, но мой опыт показывает, что редко проблемы, которые вы видите, наносят ущерб. Полагаю, так же обстоит дело и в военных операциях?"

"О, я думаю, вы можете с уверенностью сказать, что да, господин Президент," - согласился Котоуч. "Флотские офицеры ненавидят сюрпризы по многим причинам."

"Ну, я в действительности не ожидаю никакого вооруженного сопротивления или серьезного саботажа. Что меня больше беспокоит, так это то, что люди, так сказать, выносят истории о Лиге из школы, так сказать, и у нас есть много частных гиперприводных кораблей здесь, на Гипатии. Мы никак не можем помешать кому-то бежать в Старый Чикаго с результатами референдума, и я почти уверен, что кто-то уже сделал это. Я знаю." Он махнул рукой.

"Результаты еще не объявлены официально, главным образом потому, что мы все еще подсчитываем некоторые открепительные бюллетени проживающих в Поясе." Он покачал головой. "Именно там болтаются наши наиболее анархичные граждане. Динозавры в некоторых из этих поселениях до сих пор используют бумажные бюллетени."

На этот раз брови Котоуча поползли вверх, и Вангелис фыркнул.

"Хорошая новость, с нашей точки зрения, заключается в том, что они еще больше... раздражены Старым Чикаго, чем большинство, так что вопрос только в том, насколько они увеличат победный счет. Но моя администрация с самого начала придерживалась политики, что мы не будем подтверждать результаты референдума до тех пор, пока каждому избирателю не будет предоставлена достаточная возможность проголосовать и провести подсчет голосов." Выражение лица президента посерьезнело. "Я очень сомневаюсь, что прогнозы о досрочной победе на самом деле подавили бы голосование против отделения, но я не собирался этого допустить. Ничто не запятнает этот референдум и его результаты, Адмирал. Это такое решение, когда достойное уважение к истории требует, чтобы оно было принято открыто, честно и прозрачно."

"Полностью согласен, господин Президент," - сказал Котоуч, и Гуд кивнула. Ее отчеты подготовили Котоуча к тому, что руководитель системы серьезно относился к своим обязанностям, и все, что он видел с момента прибытия в Гипатию, только подтверждало это впечатление.

"Плохая новость заключается в том, что мы все еще по крайней мере в половине дня от того, чтобы действительно подвести итог," - продолжил Вангелис, и Котоуч кивнул. Планетарные сутки Гипатии были чуть больше сорока часов, больше, чем у большинства колонизированных планет, и ее обитатели делили их на более управляемые по размеру "полудни" и "полные дни" - или, чаще всего, просто "половинки" и "полные дни".

"Я бы предпочел держать ваше прибытие в секрете до тех пор, пока не будут подсчитаны последние бюллетени," - продолжал Вангелис. "Моя официальная позиция — и мое личное обещание сенатору Аллертон и ее сторонникам - состоит в том, что ни один иностранный военный корабль не сойдет на орбиту Гипатии, пока окончательное голосование не будет подтверждено Государственным департаментом и Верховным судом."

"Я не знал об этом, сэр," - сказал Котоуч. "Мне было приказано как можно быстрее отправиться на Гипатию, чтобы обеспечить безопасность здесь, в системе, после референдума. И я боюсь, что ни мистер Ламброу, ни миз Цакабику не предупредили меня о ваших "динозаврах" и каких-либо задержках в подсчете голосов. Я могу понять, почему им не пришлось в голову упомянуть об этом, но я предполагал, что результат будет объявлен не позже, чем вчера."

"Я понял это, как только вы появились." Вангелис быстро кивнул. "И уж точно никто не винит вас или ваших людей за то, как быстро вы сюда добрались! Если уж на то пошло, ни один из ваших кораблей не находится на орбите Гипатии, не так ли?"

"Нет, господин Президент, это так," - признал Котоуч. И теперь я понимаю, почему система управления движением послала нас в Александрийский Пояс, а не на Гипатию.

К счастью, Александрийский Пояс был поясом внутри системы, между Гипатией и ее звездой класса G4, но менее чем в полной световой минуте от столичной планеты. Полет шаттла от текущей орбиты Фантома до посадочного поля во Вивлиотеке занял меньше двух часов.

“Я знаю, что это неудобно, - сказал Вангелис, - но я думаю, что мне важно сдержать свои обещания. Настоящая причина, по которой я попросил вас прийти ко мне сегодня — и прийти в том, что вы, флотские, называете "в гражданском", — заключалась в том, чтобы объяснить, почему мы держим ваш приезд в тайне и не будем устраивать никаких официальных обедов, чтобы приветствовать Вас на Гипатии в течение ближайшего полудня или около того.” Он улыбнулся. “Я не хотел, чтобы вы думали, что это из-за того, что вы были нежеланным гостем!”

* * *

КФСЛ Кэмпердаун

Оперативная группа 1030

Флот Солнечной Лиги

"Как вы думаете, Адмирал, они уже объявили результат?" - спросила почтенная Мадхура Янг-О'Грэйди, когда лифт замедлил ход.

"Боюсь, что ваши источники информации там, вероятно, лучше, чем мои, миз Янг-О'Грэйди," - ответил Хайду Гьезо. И этот самоочевидный факт, размышлял он, ей должен быть известен.

"Я знаю." - в тоне Янг-О'Грэйди послышался намек на извинение, когда двери лифта открылись в коридоре перед залом брифингов флагмана КФСЛ Кэмпердаун. Она была почти на восемнадцать сантиметров ниже Хайду, с зелеными глазами, смуглой кожей цвета сандалового дерева и ярко-рыжими от природы волосами, и он подозревал, что в обычных обстоятельствах у нее было живое чувство юмора.

"Я полагаю, что этот вопрос относится к разряду бессмысленных разговоров, чтобы отвлечься и не дать моему мозгу взорваться," - добавила она, как бы подтверждая его подозрения.

"Понимаю." Губы Хайду дрогнули. “В таком случае, миз Янг-О'Грэйди, я очень рад, что смог вам помочь.”

“Спасибо.”

Янг-О'Грэйди наградила его улыбкой, но за ее весельем скрывалась какая-то напряженность - или даже темнота. Учитывая характер ее задания, некоторая напряженность была не просто понятна, но и ожидаема, подумал Хайду. На самом деле, только идиотка - которой Мадхура Янг-О'Грэйди явно не была - не волновалась бы так сильно из-за работы, которую ей поручили. Но это, похоже, зашло дальше, подумал он и задумался о возможных последствиях для их миссии.

Они подошли к люку комнаты для совещаний, и Хайду вежливо

пропустил ее вперед. Командная структура их нынешней операции была ... сложной. Как личный представитель Иннокентия Колокольцева, Янг-О'Грэйди должна была убедить Объединенное Правительство системы Гипатия отказаться от результатов референдума, если, как указывали все сообщения, решение об отделении будет принято. В обязанности Хайду входило зловеще маячить на заднем плане, придавая вес аргументам Янг-О'Грэйди. До тех пор, пока Янг-О'Грэйди не провалит свою миссию, это все, что он должен был делать.

В этом случае в игру вступал Флибустьер. Из результатов анализа его штаба следовало, что в конечном счете этого не произойдет, и часть Адмирала хотела просто продолжать в том же

духе. Если Гипатия решила предать свои восемьсот стандартных лет верности и взаимных обязательств перед другими системами-членами Лиги, то настало время показать гипатийцам, что они ошибаются. Хотелось надеяться, что их опыт научит других потенциальных предателей мудрости, и если ему придется это сделать, он хотел, чтобы все закончилось как можно быстрее. Чем скорее опыт Гипатии станет общеизвестным, тем меньше вероятность появления других предателей.

Кроме того, смешивать геополитику и военную политику никогда не было хорошей идеей. Результатом обычно была неудача, и лучшее, на что можно было надеяться, - это то, что это не будет полный провал. До этого момента он испытывал осторожное искушение поверить, что их нынешняя миссия может оказаться исключением из правил, но для этого было еще рано.

Однако сейчас Янг-О'Грэйди была старше его, поэтому он и пригласил ее в комнату для совещаний. В ее обязанности входило определить момент, когда их миссия перейдет от политической к военной. До этого момента он подчинялся ее приказам. После этого момента она становилась пассажиром.

"Внимание на палубе," - сказал Коммодор Фред Бригман, начальник штаба ОГ 1030, когда Янг-О'Грэйди и его Адмирал прибыли. При более обычных обстоятельствах персонал просто почтительно встал бы, пока Хайду усаживался на место. В присутствии "гостей" Бригман вел себя несколько более официально, и Хайду подошел к своему креслу, подождал, пока Янг-О'Грэйди усядется, затем сел и кивнул коммодору.

"Продолжайте," - сказал он.

"Благодарю вас, сэр."

Остальные сотрудники вернулись на свои места, но Бригман остался стоять и включил дисплей перед собой.

"Как Адмиралу уже известно, миз Янг-О'Грэйди, - вежливо обратился он к представителю Министерства иностранных дел, - это, по сути, всего лишь окончательный доклад о готовности. Мы завершили наше последнее плановое учение пятнадцать часов назад, и на основе этого коммодор Купман, - он кивнул Дафне Купман, операционисту штаба ОГ 1030, - и я добавили несколько крошечных хитростей. Главная цель этого брифинга - проинформировать Адмирала Хайду и вас о нашей оценке готовности, основанной на учениях, которые мы провели, и в последний раз изучить наши приказы о выполнении миссии в свете этой оценки. Адмирал ясно дал нам понять, что вам нужна максимально полная картина наших возможностей и элементов Флибустьера, а также того, как они будут действовать в несчастливом исходе, когда они станут необходимы. Кроме того, этот брифинг предоставляет вам — или Адмиралу — возможность пересмотреть или более полно определить любой из этих элементов.

К сожалению, судя по тому, что я читал в отчетах разведки, скорее всего, к тому времени, как мы туда доберемся, Гипатия уже проголосует за отделение. Если это произошло, основная задача оперативной группы - дать вам возможность выполнить свою миссию без единого выстрела, и Адмирал считает, что в этом случае необходимо, чтобы вы как можно более тесно взаимодействовали практически нашим процессом планирования и оперативными вариантами."

"Понимаю," - сказала Янг-О'Грэйди, когда он замолчал. Она взглянула на Адмирала, сидевшего рядом с ней. "И я ценю это, Адмирал." Она поморщилась. "До того, как я поступила в Министерство иностранных дел, я довольно много времени провела в Министерстве

внутренних дел и обтачивала зубы в Пограничной Безопасности. В те годы у меня было достаточно возможностей наблюдать, как то, что должно было быть скоординированными военными и дипломатическими операциями, превращается в фиаско. Я сомневаюсь, что вы можете полностью представить себе, какое это облегчение - знать: что бы ни случилось в Гипатии, это произошло не потому, что ваши и мои люди не находились на одной странице."

* * *

КЕВ Фантом

Александрийский Пояс

Система Гипатия

"Докладывайте, Джим!" - Сказал Ян Котоуч, входя на мостик флагмана.

"Да, сэр!" Капитан Кларк оторвался от напряженного разговора с командером Ильковой. "Мы все еще выясняем детали, но это выглядит не очень хорошо. Пока что БИЦ сообщает минимум о ста пятидесяти гипер-следах."

"И у нас нет ни одной платформы Призрачного Всадника, чтобы следить за ними, не так ли?" - кисло заметил Котоуч.

"Нет, сэр. Извините, сэр" - сказала Илькова, и Котоуч махнул ей рукой.

"Это была не критика, Маркета. А если и так, то это была самокритика, а не направленная на вас. Я должен был развернуть платформу, как только мы сделали гиперпереход."

"Моим делом было напомнить вам, сэр," - сказала она, и Котоуч покачал головой.

"Если я правильно помню свои занятия в Академии, ответственность лежит на командире."

Его тон был почти капризным, но его персонал знал его достаточно хорошо, чтобы распознать скрытый в нем сильный гнев на самого себя. И Илькова была права: в ее обязанности входило "напоминать" адмиралу о таких вещах. Но Гипатия была дружественной системой с уже установленной сенсорной сетью. Котоуч позволил себе забыть, как неожиданно все может измениться, и по его примеру даже такой хороший персонал, как его, сделал то же самое, как это ни удивительно.

Ты говорил Вангелису, что офицеры флота ненавидят сюрпризы, язвительно подумал он. Может быть, тебе стоило бы сделать что-нибудь, чтобы свести это к минимуму?

"Хорошо," - сказал он. "Мы облажались - признаем, Маркета, мы оба упустили мяч - так что давайте что-нибудь придумаем. Немедленно разверните разведывательную платформу. Полная скрытность. Такое количество следов может означать только то, что это солли, и я не хочу, чтобы они даже почувствовали наше присутствие в системе."

"Да, сэр." Илькова повернулась, чтобы начать отдавать приказы, и Котоуч переключил свое внимание на командера Джейсона Киндрика, своего астрогатора.

Киндрик был книжным червем — обычно он утыкался носом в ридер или старомодную машинописную книжку, когда не был на дежурстве - и по какой-то причине, которую Котоуч так и не узнал, радовался прозвищу "Гриф". Было трудно придумать прозвище, менее

подходящее к чьей-то внешности, но Киндрик только улыбался, когда слышал его. И откуда бы он ни пришел и как бы ни любил печатные книги, он был одним из лучших астрогаторов, с которыми Котоуч когда-либо служил.

"Пока Маркета следит за этим, Джейсон, - сказал он, - я думаю, нам нужно двигаться - очень осторожно - прочь от Гипатии. У нас есть много места, чтобы спрятаться там, где мы находимся, но мы находимся всего в одной световой минуте от столицы. Если бы я был на месте этих людей, я бы очень внимательно осмотрел эти места, поэтому я хочу быть где-нибудь подальше к тому времени, когда они будут достаточно близко, чтобы начать искать. Выбери нам хорошее место, чтобы спрятаться, по крайней мере, в пятидесяти или шестидесяти миллионах километров отсюда."

"Да, сэр", - ответил Киндрик, и Котоуч кивнул и подошел к главному дисплею, кивком головы приглашая Кларка присоединиться к нему.

"Вы думаете, что это какая-то вооруженная попытка подавить референдум, сэр?" - тихо спросил капитан.

"Ну, это не конвой для танкеров с мороженым," - едко ответил Котоуч и покачал головой. "Знаешь, за все то время, пока мы спешили сюда, я и представить себе не мог, что через гиперстену пройдет что-то такого размера. Это гораздо большее накаление обстановки, чем я когда-либо ожидал, особенно в системе Ядра, такой как Гипатия."

"Я полагаю, что, по крайней мере теоретически, возможно, что они только проходят через Гипатию по пути куда-то еще," - сказал Кларк.

"Нет, вы не предполагаете ничего подобного." Котоуч покачал головой. "Вы просто пытаетесь увидеть луч надежды. В лучшем случае, какой бы гений в Старом Чикаго ни послал этих людей сюда, он надеется, что сила такого размера заставит Гипатию отступить на их референдуме. В таком случае они, вероятно, подчиняются приказу быть как можно более заметными и устрашающими, и я должен признать, что пара сотен военных кораблей может сделать довольно хорошую работу по устрашению почти любого. С другой стороны, они всего в сорока четырех световых годах от Беовульфа, и они знают, что Адмирал Трумэн сидит на терминале Беовульфа. Так что если они здесь для того, чтобы кого-то запугать, то им, скорее всего, приказано сделать это чертовски быстро."

"А если они здесь не из-за этого, сэр?"

"Единственная причина, по которой они могут быть здесь, это... принять меры, если президент Вангелис и его администрация откажутся отступить," - ровным голосом произнес Адмирал.

Кларк хотел было задать еще один вопрос, но передумал, и Котоуч мрачно улыбнулся. Его начальник штаба был так же способен к математике, как и он, и ни одному из них не нравились ответы, к которым они пришли.

Никто не ожидал, что мы сможем противостоять полномасштабному вторжению, черт побери, резко подумал он. Никто этого не ожидал, и мы не подготовились к этому. Ни подвесок, ни НЛАКов, ни Майкрофта. Только Фантом, три Браво, Арнгрим и только то, что у нас есть в погребах.

"Пусть Маркета убедится, что на векторе в направлении Беовульфа находится буй Гермес," - сказал он. Кларк посмотрел на него, и он оскалился. "Пусть дадут нам еще семьдесят два часа, может быть даже всего лишь сорок восемь, и баланс сил в Гипатии изменится довольно

значительно," - заметил он.

"Да, сэр," - подтвердил Кларк. Он почтительно кивнул Котоучу и повернулся, чтобы поговорить с Ильковой. Адмирал проводил его взглядом, потом заложил руки за спину, расправил плечи и посмотрел вниз на экран, пережидая сверхсветовую задержку сигнала Гипатийской сенсорной сети.

Да, баланс сил изменится, подумал он. Но если не появится Вукодлак и парочка кораблей снабжения с ракетами - как минимум, - это мало что изменит, и вы с Джимом оба это знаете.

Он наблюдал за дисплеем, ожидая, и молча молился, чтобы тот, кто командовал этими анонимными гиперследами, не был одной из горячих голов ФСЛ.

* * *

КФСЛ Кэмпердаун

и

Центр связи Президентского Дома

Система Гипатия

"Боюсь, что об этом не может быть и речи, миз Янг-О'Грэйди," - сказал темноволосый мужчина на дисплее связи Мадхуры Янг-О'Грэйди. "Я сожалею, что вы проделали весь этот путь только для того, чтобы я отказал вам в вашей... просьбе, но результаты референдума были подсчитаны и официально подтверждены. Как следствие, у меня действительно нет выбора в этом вопросе."

Янг-О'Грэйди показалось, что Системный Президент Вангелис не очень сожалеет, но она заставила себя улыбнуться ему. Парковочная орбита КФСЛ Кэмпердаун была достаточно низкой, чтобы не было заметной задержки в передачах связи, и она слегка наклонилась к своему комму.

"Господин Президент, - сказала она как можно спокойнее, - я понимаю, что Конституция Системы Гипатия предписывает как процедуру, так и проведение любого референдума, и его исход. Я также понимаю, что в соответствии с буквой закона, вы технически правы, что у вас нет "никакого выбора", кроме как подчиниться результатам последнего референдума вашей системы. Однако очевидно, что мнение Федерального Правительства и мое расходится с вашей интерпретацией Соларианской Конституции, и это создает нашу нынешнюю проблему. Министерство Внутренних Дел считает, что Статья тридцать девятая, так называемая статья "Об отделении" Конституции, является правовым архаизмом, который исчез за семь с половиной веков, - она намеренно подчеркнула последнее слово и позволила своим глазам немного ожесточиться, - с тех пор, как была ратифицирована первоначальная Конституция. Я полагаю, что соответствующий технический термин - "desuetude" - "устарелость". Я могу дать вам юридическое определение, если вам это нужно."

Она прикусила свой мысленный язык в тот момент, когда последняя фраза вырвалась у нее. Ее тон был, даже для ее собственного уха, тем, что ее мать всегда называла "наглым", а ее муж, Джейсон, называл "невыносимо стервозным". Тот факт, что Вангелис играл с ней в словесные игры, не оправдывал ничего, что могло бы законно подставить ему спину. А читать ему лекции по тайной юридической терминологии, которой его собственный Генеральный прокурор обучил бы его исчерпывающе, прежде чем был бы разработан язык референдума, было прекрасным способом сделать это.

"Я знаком с этим термином, благодарю вас," - ответил Вангелис с фальшивой любезностью. "Как я понимаю, однако, это относится - в установившейся юридической практике Лиги - к статутам и правилам, которые оставались неисполненными в течение достаточно длительного периода, чтобы развилось новое "обычное употребление" — явно противоречащее первоначальному намерению и цели — что представляет некоторую проблему для вашего аргумента."

Он улыбнулся ей в ответ, только слегка сверкнув зубами.

"Во-первых, пункт Конституции не является ни статутом, ни регламентом; он является частью основного закона Лиги, на котором основаны все остальные статуты и регламенты, и учредители специально заявили в преамбуле, что он может быть изменен только конституционной поправкой.

Во-вторых, Статья тридцать девятая никогда не оставалась "неисполненной", потому что вплоть до нынешних... неприятностей никто никогда не чувствовал себя обязанным прибегать к ней."

Его улыбка стала еще тоньше. Будь она мужчиной, Янг-О'Грэйди могла бы ею побриться.

"И, наконец, то, с чем Лига сталкивается сегодня, - это, боюсь, та самая причина, по которой Статья тридцать девятая была включена в Конституцию. И я также, кажется, припоминаю, что большинство - почти две трети, включая Солнечную Систему, фактически - из первоначальных систем - членов Лиги отказались ратифицировать Конституцию без Статьи тридцать девять. Хотя я понимаю позицию МВД по этому вопросу, Генеральный прокурор Боягис и Главный судья Варкас пришли к выводу, что, учитывая сложившуюся историю и нынешние обстоятельства, которые я только что описал, "desuetude" не должно - и не может - юридически применяться к Статье тридцать девять. И как главное должностное лицо системы Гипатия, я не имею иного выбора, кроме как применять законы этой звездной системы в том виде, как они интерпретируются судебными органами, если только эти законы не противоречат Федеральной Конституции или главенствующему федеральному статуту - не регламенту и не правовой теории, которая не была поддержана судебными органами Лиги."

"Господин Президент, Судебная власть рассматривает этот вопрос в ускоренном порядке. Однако до тех пор, пока Суд не вынесет решение, Федеральное Правительство - и, в частности, Министерство Внутренних Дел - решительно оспаривает толкование Статьи тридцать девятой, которую вы только что процитировали. И, как это принято в давней юридической традиции Лиги, когда конституционная неопределенность влияет на политику правительства, министр внутренних дел да Орта и Диадоро запросила и получила запрет на осуществление Статьи тридцать девять до тех пор, пока Суд не вынесет окончательное заключение по этому вопросу."

Она произнесла свое заявление размеренным тоном, который репетировала много раз во время путешествия из системы Дженовезе в Гипатию. Она долго раздумывала, вставлять ли в разговор имя Хасинты да Орта и Диадоро, несмотря на указания начальства. Однако инструкции были твердыми на этот счет. Вангелис знал так же хорошо, как и она, что у да Орта и Диадоро было не больше реальной власти, чем у любого другого официального министра Кабинета министров Лиги, но Иннокентий Колокольцев и его старшие советники решили, что в данном случае необходимо скрупулезно придерживаться любой юридической фикции. Без сомнения, это отражало мантикорские - и беовульфянские, черт бы их побрал! - пламенные обличения "корруптированной клептократической бюрократии", которая "узурпировала всю законную власть" в Лиге.

Судя по мелькнувшему на лице Вангелиса выражению, ссылка на подставное лицо

Министерства внутренних дел не укрепила ее аргументацию.

"Опять же, при всем моем уважении, миз Янг-О'Грэйди, - сказал Системный Президент через некоторое время, - Статья тридцать девятая по своей природе освобождена от любого судебного запрета. Если бы это не было намерением авторов, то Статья превратилась бы в мертвую букву, поскольку любая коррумпированная администрация, - его взгляд стал очень жестким при последних двух словах, - могла бы предотвратить ее исполнение, просто добиваясь одного поддельного судебного запрета за другим от столь же коррумпированной и послушной судебной власти. Или добиваясь только одного судебного запрета, в то время как судебная власть "рассматривает этот вопрос"... и удерживает его там до времени, более удобного для соответствующей администрации."

"Вы хотите сказать, что именно это здесь и происходит, господин Президент?" - резко спросила Янг-О'Грэйди.

"Ни в коем случае, миз Янг-О'Грэйди. Я просто предполагаю, что это могло произойти, и что разработчики предусмотрели Статью тридцать девять именно против обстоятельств, в которых это могло произойти. Однако точная природа проблем, которые побудили их принять решение, на самом деле не имеет отношения к осуществлению их четко выраженного намерения."

Янг-О'Грэйди крепко сжала зубы, и заставила себя остановиться, ругая себя за то, что попала на его удочку в разговоре, который явно был записан обеими сторонами.

"Черт побери, лучше бы они послали Джейсона или кого-нибудь еще из Министерства Внутренних Дел разобраться с этим", - подумала она.

Джейсон Янг-О'Грэйди был старшим сотрудником Министерства Натана МакАртни, региональным комиссаром в Управлении Пограничной Безопасности, и она знала, почему посылать такого человека, как он, было совершенно неуместно. Несмотря на то, что МВД должно было поставить точку в этой ситуации, никто, отдаленно связанный с УПБ, не мог быть направлен в качестве представителя Правительства в систему полноправных членов Лиги. Это было бы правдой где угодно, но после взломанного разговора между Абруцци и МакАртни логика стала бы еще более очевидной в Гипатии. При сложившихся обстоятельствах любой, кто хоть как-то связан с внутренними войсками, был бы запятнан щеткой пограничной безопасности сумасшедшими горячими головами вроде Вангелиса, которые разрывали Лигу на части. Вот и вся причина, по которой эта радиоактивная картошка угодила в руки Министерства Иностранных Дел, несмотря на все потенциально острые аспекты отправки посланника из Министерства, чьим обычным делом было заниматься внешними делами Лиги, а не внутренними вопросами.

Она понимала это. Однако понимать - это совсем не то же самое, что любить.

Она сохраняла серьезное и рассудительное выражение лица, подавляя ярость, кипевшую в ней, и часть ее задавалась вопросом, насколько эта ярость проистекала из того факта, что она с самого начала знала, насколько маловероятно, что ей это удастся. Провал такой миссии в такое время вряд ли был бы достижением, способствующим карьерному росту. Этого было бы более чем достаточно, чтобы расстроить и разозлить любого соларианского бюрократа-карьериста по чисто личным причинам. Наблюдение за тем, как Солнечная Лига кружится вокруг стока, только делало все бесконечно хуже.

Ты улыбочивый, высокомерный ублюдок, подумала она, глядя на Вангелиса. Кто ты такой, чтобы указывать Солнечной Лиге, что она может и чего не может делать? И какое возможное

оправдание ты можешь придумать для такого отделения перед лицом первой действительно серьезной угрозы, с которой она столкнулась почти за тысячу земных лет?

Хотя она полностью понимала миссию УПБ и поддерживала ее цели, Мадхура Янг-О'Грэйди была более чем достаточно умна, чтобы понять, что политика, которая поддерживала эти цели, давала множество абсолютно рациональных - и оправданных, черт возьми - причин для любой отсталой системы предпочесть ассоциацию с манти и их Большим Альянсом. Ей это не нравилось, и она ненавидела и презирала высокомерную Звездную Империю за то, что она создала ситуацию, в которой Соларианское правительство буквально не могло продолжать функционировать так, как развивалось в течение последнего полувека. Без сомнения, это была, по крайней мере частично, собственная вина бюрократии за то, что она стала настолько зависимой от денежных потоков Протекторатов, но это не могло оправдать манти. Они должны были знать - они чертовски хорошо знали, - как атака на господство УПБ в Протекторатах дестабилизирует всю Солнечную Лигу, крупнейшую звездную нацию в истории человечества.

И теперь ей придется иметь с этим дело. С вероломством системы - полноправного члена, системой Ядра, права или интересы которой не были нарушены Управлением Пограничной Безопасности или любым другим подразделением Федерального Правительства. Она могла понять, даже принять, что Приграничье может законно ненавидеть и презирать далеких повелителей, контролирующих его звездную систему; она не могла ни понять, ни принять предательство системы, подобной Гипатии, которая, как и вся остальная Лига, так долго пользовалась неблагодарными трудами УПБ.

"Господин Президент, - сказала она наконец, - вы совершенно ясно изложили свою позицию. Теперь, к сожалению, я должна изложить свою - Министерства Внутренних Дел и Федерального Правительства в целом - так же ясно. Первым вариантом действия правительства, очевидно, будет для вас и вашей звездной системы отказаться от референдума об отделении - почти наверняка незаконного референдума, когда судебная власть наконец-то примет решение - и аннулировать голосование. В противном случае второй вариант для правительства будет состоять в том, чтобы ваше правительство добровольно приостановило проведение референдума - как того требует уже вынесенный против него судебный запрет - до тех пор, пока статус Статьи тридцать девять полностью не будет определен судами. Поскольку вы отказываетесь, по причинам, которые, я уверена, кажутся вам правильными с вашей точки зрения, согласиться на любую из этих разумных просьб, у меня нет выбора, кроме как перейти к третьему и наименее желательному варианту действий правительства."

Она помолчала, глядя ему прямо в глаза, потом продолжила.

"Без сомнения, вы видели, сколько военных кораблей сопровождает меня на Гипатию, господин Президент. Эти корабли были приписаны к так называемой Операции "Флибустьер", стратегии рейда против торговли, направленной против Мантикорцев, их союзников и любой звездной системы, замешанной в предоставлении "Большому Альянсу" военной, экономической или политической поддержки в их агрессии против Солнечной Лиги. Первоначальным пунктом назначения адмирала Хайду была система Экзапия. Его отвлекли от Экзапии, чтобы обеспечить мне подходящий эскорт для выполнения моей миссии. Мне не доставляет удовольствия указывать на это, но если Гипатия выполнит свою угрозу выхода из Солнечной Лиги, и - даже больше - проявит явное намерение референдума искать политического союза с Беовульфом, если Беовульф также отделится и присоединится к своим Мантикорским друзьям в вооруженной борьбе против Лиги - ваша звездная система будет помещена в категорию, против которой направлен Флибустьер."

Она снова замолчала.

"Поверьте мне, господин Президент, - очень мягко произнесла она затем, - Гипатия не захочет обнаружить себя в этом списке."

* * *

"Как вы думаете, он действительно собирается просить свой Кабинет министров о пересмотре решения?" - спросил Хайду Гъезо, когда стюарды закончили подавать на стол и удалились. Он и Мадхури Янг-О'Грэйди сидели в любимом из всех мест Хайду на линейном крейсере класса "Невада". Теоретически купол из бронепластика над их головами представлял собой щель в броне Кэмпердауна, но это было верно только в самом узком, техническом смысле. Просторный отсек, обозначенный на Корабельной схеме как "столовая каюта флаг-офицера", располагался на центральной линии "спины" большого корабля. В бою он был полностью защищен импеллерным клином Кэмпердауна. Или, если он не был защищен клином, корабль уже был в такой большой беде, что отсутствие брони было бы наименьшей из ее забот.

Места было слишком много для двух человек. Если бы были расставлены столы побольше, он легко мог бы вместить пятьдесят человек, что означало, что столик на двоих казался затерянным и крошечным в этой необъятности, но Хайду любил этот вид, и он обнаружил, что Янг-О'Грэйди разделяет его вкусы в этом отношении. И хотя бескрайний звездный ландшафт обычно делал отсек еще более обширным, сегодня это было не так. Кэмпердаун был повернут к планете, и это дало Хайду и его госте великолепный вид на бело-голубую сферу Гипатии, плывущую на фоне звезд.

Вид на инфраструктуру Гипатии на низкой орбите был не менее впечатляющим. Особенно когда он думал о том, что может случиться с этой инфраструктурой так скоро.

"Не знаю, - вздохнула Янг-О'Грэйди. "Я думаю, что он, вероятно, передал это им, но реальный вопрос заключается в том, будет ли он соблюдать процедуру, если они проголосуют за то, чтобы отложить референдум."

Она ковыряла лакомые Фатаньеро на традиционных деревянных тарелках перед собой. Жареное мясо было окружено рамкой из чесночного пюре, а не украшено традиционными жареными ломтиками картофеля, и это пахло восхитительно. К сожалению, она была не в том настроении, чтобы отдать должное адмиральскому повару, поэтому отложила вилку и потянулась за бокалом.

"И вы думаете, он это сделает?"

"Честно?" Ее глаза потемнели, когда она посмотрела на прекрасную голубую планету "над" ними, и она покачала головой. "Нет. Я не думаю, что он уступит и сантиметра. Он притворился нейтральным во время кампании по отделению, потому что это было то, что от него требовалось по закону, но все знают, что он был одним из самых сильных сторонников референдума частным порядком. Я склонна думать, что он на самом деле не верит, что Флибустьер может быть применен к его звездной системе, и во многом я хотела бы, чтобы он был прав. Но это не так, и во многих других отношениях я совершенно согласна на это, если эти люди так хотят." Ее губы сжались. "Когда ты борешься за свою жизнь и кто-то объявляет, что она собирается помочь людям, пытающимся тебя задушить, она не успевает дать пинка, прежде чем ты ломаешь ей руку."

"Я понимаю вашу точку зрения," - пробормотал Хайду и потянулся за своим бокалом. "Тогда почему, как вы думаете, он огласит это перед Кабинетом?"

"Если он на самом деле передал это своему Кабинету - а я не уверена, что он это сделал; или,

если уж на то пошло, что у него была какая-то причина, чтобы передать им, поскольку кажется чертовски очевидным, что они все согласились с результатами референдума - то это только для того, чтобы выиграть время."

"Время для чего?"

"Время для курьера, который он отправил на Беовульф, как только мы появились, для флота Альянса," - решительно сказала Янг-О'Грэйди. "Я сказала ему, что Флибустьер устанавливает семидесятидвухчасовой льготный период для эвакуации системной инфраструктуры. Единственное, на что он может надеяться, это задержать меня - нас - до прибытия манти, или он знает, что они придут менее чем через семьдесят два часа."

"Вообще-то Флибустьер не предполагает особый "льготный период", - заметил Хайду, глядя на нее через стол, и она кивнула.

"Это я понимаю. Если уж на то пошло, я слушала, когда коммодор Бригман рассказывал мне о Парфянском выстреле. Но эти люди так чертовски ханжески настроены, так полны легализмов, которые, как они думают, защищают их от последствий их собственных действий, что если бы я не сказала ему, что ваши приказы диктуют конкретные сроки, они бы поняли, что могут бесконечно затягивать их, говоря нам, что у них "еще не было достаточно времени", чтобы завершить эвакуацию." Она пожала плечами. "Я должна была дать им определенное время, так как хотела... правильно сфокусировать их мысли."

"Понимаю."

Хайду обдумал то, что она только что сказала, и решил, что она, вероятно, права. Она определенно была права насчет желания гипатийцев оттянуть и задержать Флибустьер как можно дольше, и трудно было винить их за это.

Нет, сказал он себе через мгновение, на самом деле, очень легко обвинить их в том, что они ставят себя в положение, когда им нужно оттягивать и откладывать что-либо. К чёрту, это их собственная вина, и любое давление, которое она может оказать, чтобы заставить их проглотить свою гордость - и глупость - и отползти назад от края, все к лучшему. Кроме того, семидесятидвухчасовое окно мало что изменит с моей точки зрения. Это самое лучшее, что можно сделать за сто тридцать часов до Беовульфа. Если они отправили курьерский катер сразу же, как только мы прибыли, мы можем подождать еще шесть стандартных дней и все равно дать им эти чертовы семьдесят два часа, и уйти к тому времени, когда кто-нибудь доберется сюда с Беовульфа.

И если случится так, что кто-то появится раньше, у него тоже есть оперативный план, чтобы справиться с этим.

Он задумчиво обдумывал это в течение нескольких секунд, затем отпил вина и поставил свой бокал обратно.

"По-моему, это был Густав Андерман, который заметил, что когда человек знает, что через неделю его повесят, он начинает сосредоточенно думать."

"Это был Андерман?" Янг-О'Грэйди склонила голову набок, нахмутив брови. "Я всегда думала, что это Томас Сварткопф." Она на мгновение задумалась, потом пожала плечами. "Ну, кто бы из них это ни сказал, это, безусловно, правда, и если кому-то и нужно было немного сосредоточиться, так это идиотам на Гипатии." Ее улыбка была холодной. "Я бы предпочла выполнить свою миссию без вас, Адмирал. Однако, если они откажутся предоставить нам

такую возможность, я уверена, что вы и ваши люди сможете наглядно продемонстрировать, почему они не должны были этого делать.”

"Действительно," - пробормотал Хайду Гъезо.

* * *

Парк Грегацолиса

Город Вивблиотек

Система Гипатия

"Мама?"

Ингрид Латимер вздрогнула, когда жалобный голос шестнадцатилетки вернул ее к действительности.

"Прости, Питер." Ей удалось быстро улыбнуться сыну, хотя он был достаточно взрослым - и достаточно умным - чтобы она была уверена, что он заметил некоторую искусственность в этом. "Чем я могу тебе помочь?"

"Я говорил тебе, что Алетия и Алексия спрашивали меня, можем ли мы пойти на их футбольный матч в пятницу в первом тайме. Ты сказала, что дашь мне знать."

"Да, я это сделала, или нет?"

Она еще раз улыбнулась ему, затем посмотрела на мужа через весь стол для пикника, поверх булочек с хот-догами, картофельного салата, чипсов и хумуса. Карл Латимер посмотрел на нее без всякого выражения, и она подавила желание закричать на него. Почему он - он, из всех в ее вселенной - не может понять, что разрывает ее изнутри на части?

Нет, это не настоящая причина, почему ты так злишься на него, мрачно сказала она себе. Причина твоей злости в том, что он прекрасно тебя понимает. Он просто не согласен с тобой.

Даже когда она больше всего злилась на него, она знала, что Карл никогда не будет пытаться вызывать к ее совести. И он не откажет ей в праве поступать так, как того требует совесть. Но он слишком долго пробыл на Гипатии. Это было единственное объяснение, которое пришло ей в голову. Он был здесь слишком долго, слишком привык к взгляду Гипатии на галактику. Он не был гражданином Гипатии, но проживал в ней достаточно долго, чтобы признать справедливость позиции референдума.

Ну что же, Ингрид тоже признавала его справедливость; она сомневалась в его законности. А также то, что она знала, что будут кошмарные последствия для Гипатии, если ее друзья и соседи доведут это безумие до конца. Она вспомнила разговор с Ларри Курниякисом, состоявшийся много лет назад, когда они говорили о необходимости — моральной ответственности — занять определенную позицию. О том, что иногда мужчинам и женщинам просто приходится отстаивать то, что они считают правильным, невзирая на последствия, или уступить борьбу варварам.

Но тогда речь шла о варварах, а не о Солнечной Лиге, черт побери! глубоко внутри нее завыл голос. И если Ларри, Энджи и все их друзья доведут дело до конца, Лига нанесет удар по этой звездной системе. У них не будет выбора, тем более что манти уже вцепились им в горло.

Неужели они этого не понимают?

Или, что еще хуже, они прекрасно понимали ... и были достаточно упрямы, чтобы сделать это в любом случае.

"Первая половина пятницы?" - повторила она, глядя на Питера.

"Именно это я и сказал," - нетерпеливо ответил он.

"Ну, я не вижу причины для отказа," - сказала она. "При условии, конечно, что между тогда и сейчас ничего не произойдет."

"Спасибо, мама!" Питер улыбнулся так широко, что Ингрид стало интересно, кто из близнецов Курниякиса — или кто из их друзей — наконец привлек его внимание.

Эта мысль принесла немного желанной и столь необходимой легкости в ее день, но затем она посмотрела на безоблачное послеполуденное небо, и всякая легкость исчезла.

Что-то, как она подозревала, определенно "всплывет" между сегодняшним днем и первой половиной пятницы. Это была главная причина, по которой она настояла на переносе их запланированного пикника. Она хотела сделать это, положить хотя бы одно последнее положительное воспоминание в банк, прежде чем "что-то" всплывет. Никто точно не знал, что Мадхура Янг-О'Грэйди сказала президенту системы Вангелису, но новость о том, что есть крайний срок, просочилась, и существование крайнего срока подразумевало угрозу последствий, если он не будет соблюден. Хуже того, если утечки были точными, то этот крайний срок приходился на четверг.

Майор Латимер была жандармом, а не флотским офицером, и она не знала точно, какая огневая мощь сопровождала Янг-О'Грэйди в Гипатию. Вероятно, ее было довольно много, но она не знала, насколько именно, и это действительно мучило ее. То, чем она даже не дышала в сторону Карла. Потому что если она не знала этого, то знала кое-что еще.

"Как насчет добавки картофельного салата?" - спросила она мужа с улыбкой.

* * *

КФСЛ Кэмпердаун

Планетарная орбита Гипатии

Система Гипатия

"Как бы вы оценили достоверность этой информации, капитан Аденауэр?" - спросила Мадхура Янг-О'Грэйди. Она откинулась на спинку стула, протирая глаза - была середина корабельной ночи Кэмпердауна, и она пролежала в постели меньше часа, прежде чем ее вытащили оттуда. "Очевидно, мы должны отнестись к этому серьезно, но вы верите, что это достоверно или это просто продукт фабрики слухов?"

"Мэм, на этот вопрос я не могу ответить," - ответил офицер разведки Хайду Гъезо. "Оно исходит от жандарма, которая, согласно системным данным, которые они нам прислали, является одновременно и аполитичной, и профессиональным следователем. На первый взгляд, это склоняет меня к мысли, что она не стала бы сообщать слухи, если бы не считала, что в них много правды, и что она обучена распознавать, когда это так. С точки зрения того, говорит ли

она нам то, что думает на самом деле, я не думаю, что есть много вопросов о ее надежности. Я мог бы добавить, что она была явно напряжена и несчастна, зашифровывая и отправляя нам пакет данных. Этой женщине не нравилось то, что она делает, но она все равно сделала это, потому что в этом состоял ее долг."

"Так вы считаете, что это надежно?"

"Мэм, я пытаюсь провести различие между правдивостью и точностью, а это не всегда одно и то же. Она определенно не лжет нам. Вопрос в том, насколько точно то, что она думает, что знает, а это именно то, что я не могу оценить."

"Мы понимаем, какую линию вы проводите, Дентон," - сказал Хайду. "С другой стороны, вы должны иметь какое-то представление о том, будет ли это точно или нет."

"Да, сэр." Аденауэр узнал тон Хайду "рыба или наживка". Ему он не нравился, но он распознал его и глубоко вдохнул.

"Во-первых, - начал он, - это могло иметь некоторый смысл. Если гипатийцы собираются отделиться от Лиги и просить политического союза с Беовульфом, было бы логично для них сделать следующий шаг и запросить защитное присутствие флотских здесь, в Гипатии. Власти системы должны были быть осторожны в том, как они справляются с этим, по крайней мере, до тех пор, пока голосование на референдуме не будет сведено в таблицу, потому что прямой контакт с манти или Большим Альянсом был бы предательством, теперь, когда манти объявили нам войну. Обычный контакт с Беовульфом не может быть истолкован таким образом Федеральным Правительством. Прямые военные переговоры с Мантикорой, безусловно, будут, и последнее, чего они хотели бы, это чтобы местные жандармы арестовали Системного Президента, его Кабинет, или членов Νυεροοβία - я имею в виду их Сенат - за измену накануне референдума.

"Так что, с этой точки зрения, приглашение манти направить значительные флотские силы после подтверждения результатов референдума было бы логичным шагом. Фактически, наше оперативное планирование предполагало, что именно это они и сделают."

"Но это подводит меня ко второму пункту." Он обвел взглядом сидящих за столом в комнате для совещаний людей, на лицах которых отражалась разная степень усталости, а их руки сжимали дымящиеся кружки с кофе. "Если они планировали пригласить их только после того, как референдум будет засвидетельствован, что мы и предполагали, основываясь на наших предыдущих разведданных о Гипатии, то приглашение не могло быть отправлено более чем за шесть часов до того, как мы сделали Альфа-перевод. Так что, в этом случае разумно предполагать, что мы не должны ожидать увидеть манти по крайней мере еще пять стандартных дней.

"Для того чтобы они прибыли раньше - а именно об этом, по словам майора Латимер, проговорился ее источник в Таможенной службе Гипатии, - их нужно было пригласить еще до проведения референдума. Так вот, если бы я был манти и система - член Лиги сказала мне, что хочет покинуть Лигу и перейти на мою сторону - что, давайте посмотрим правде в глаза, именно то, что означает любой союз с Беовульфом, в долгосрочной перспективе — тогда я бы чертовски быстро подсуетился и пригнал свой флот в спешке. Я думаю, что это означает, что они уже должны быть здесь, если их пригласили до начала голосования на референдуме. И мы ни слова об этом не слышали."

"Если мантикорские стелс-системы хотя бы в половину так хороши, как предполагают наиболее

пессимистичные оценки, найти их, если они захотят спрятаться, будет чертовски трудно," - заметила commodore Купман. Хайду посмотрел на своего оперативника, и она пожала плечами. "Сэр, звездная система - это ужасно глубокий пруд для одной мелкой рыбешки. Выключите ваши импеллеры, переключитесь на контроль эмиссии и, возможно, увеличьте уровень скрытности до двадцати или тридцати процентов, и кто-то должен будет буквально наткнуться на вас, чтобы найти. У нас есть разведывательные дроны, развернутые для наблюдения за всем гиперпериметром, так что я чертовски уверен, что никто не собирается прокрадываться мимо нас. Хотя я не могу гарантировать, что в системе этот кто-то уже не присутствует."

"Дафна права, сэр" - сказал Бригман, и Хайду кивнул. Она не только была права, но и имела мужество признать, что технологии манти действительно могут быть так хороши, как о них говорят.

"Да, сэр, это так," - согласился Аденауэр, почтительно кивая через стол оперативному офицеру. "Но когда я сказал, что мы "не слышали о них ни слова", именно это я и имел в виду. Мы следили за их новостными каналами с тех пор, как приехали сюда, и я проверил факсы и архивы за последний Т-месяц. Я почти уверен, что мы получили чистые копии, без каких-либо изменений от местных жителей, и я подключил поиск данных после того, как пришло сообщение майора Латимер. Есть некоторые ссылки на сенаторов и - об этом есть только слухи и "неопознанные источники" - по крайней мере один секретарь Кабинета, предположил, что флот манти или Беовульфа могли быть призваны для поддержки. Однако в ответ на вопрос об этом от каждого газетчика Вангелис повторил свое обещание, что "до референдума на орбите Гипатии не будет иностранных военных кораблей". Возможно, он лгал, когда говорил это, но это не соответствует его послужному списку.

И было ровно ноль упоминаний о каких-либо действительно прибывших "иностранных военных кораблях". Когда эскадрилья или две кораблей стены появляются в вашей звездной системе, это не так-то просто скрыть, сэр."

"Нелегко, но и не невозможно," - ответил Хайду. Было ясно, что он не отвергает анализ офицера разведки. Он просто развил эту тему, и Аденауэр снова кивнул.

"Нет, не невозможно, сэр."

"Но вы считаете, что если манти еще не прибыли, то они не могут задерживаться слишком долго?" - настаивала Янг-О'Грэйди, и что-то изменилось в ее тоне. Он стал более твердым, острым, подумал Хайду. Каким-то... горячим.

"Если майор Латимер права насчет местных настроений - а я почти уверен, что так оно и есть, - я не могу этого исключить, мэм." Аденауэр пожал плечами. "Однако точное время - это еще один неразрешимый вопрос. Если они обратились за помощью, как только Латимер предположила, что они могли это сделать, они могли быть уже здесь. Вообще-то, я бы уже был здесь. Так что, если предположить, что она права, они могут пересечь гиперстену с Беовульфа в ближайшие пятнадцать минут. Если предположить, что они ждали до тех пор, пока не будет проведено голосование, как обещает Вангелис, у нас есть пять стандартных дней, до первой половины четверга. Это самая лучшая оценка, которую я могу вам дать, миз Янг-О'Грэйди, Адмирал." Он покачал головой с напряженным выражением лица. "Со всем возможным уважением, и без малейшего намерения шутить, это единственный раз, когда я так счастлив, что кто-то выше по цепочке командования, чем я, должен сделать звонок."

"Спасибо, что не мямлите." Янг-О'Грэйди выдавила из себя натянутую улыбку. "И, между прочим, я достаточно посидела на брифингах разведки, чтобы понять разницу между

болтовней, чтобы прикрыть свою задницу, и четким разграничением между тем, что вы знаете, и тем, о чем вы можете только догадываться.”

Аденауэр склонил голову в ответ на комплимент, и Янг-О'Грэйди почти целую минуту сидела молча, глядя на пустой дисплей перед собой. Затем ее ноздри раздулись, и она подняла глаза на Хайду.

"Адмирал, - сказала она официальным, размеренным тоном, - на основании этой информации я подтверждаю, что дипломатический аспект нашей миссии на Гипатию провалился. Думаю, теперь понятно, почему Вангелис тянет время. Я думаю, что это также очевидно из того, что капитан Аденауэр доложил, что мы не знаем, сколько времени у нас есть. Поэтому я разрешаю вам начать процедуру Флибустьера.”

“Да, мэм,” - ответил Хайду. “Могу я спросить, есть ли у вас какие-либо предложения относительно сроков моих действий?”

Ее зеленые глаза чуть блеснули, когда он попросил внести предложение, а не дать указания, но он твердо встретил ее взгляд. С того момента, как она разрешила ему действовать, он был единственным командиром, а она только что стала советником.

"Нет, Адмирал", - ответила она. “Вовсе нет. Вот только, - добавила она, и он вдруг понял, что не так понял блеск ее глаз, потому что ее голос вдруг стал намного жестче и резче, чем был, - чем скорее вы научите этих людей тому, что происходит с предателями, тем лучше.”

* * *

КЕВ Фантом

Александрийский Пояс

Система Гипатия

"Я ненавижу сюрпризы," - сказал контр-адмирал Котоуч, разглядывая в лица в окошках на умной стене своей дневной каюты.

“Я думаю, как и все мы, сэр” - согласился капитан Эллис Рапп, командующий тяжелым крейсером класса Саганами-Б КЕВ Чинкуэда. Рапп был командующим корабля Котоуча, за ним следовали Квета Тонова, капитан Фантома, капитан Джексон Ортега-Бернс с корабля Сикомидзуэ и капитан Чинг-Ян Льюис с корабля Тальвар. Командир Меган Петерсен, командовавшая эсминцем класса Роланд Арнгрим, была его младшим командиром, и он подумал, что она выглядит удивительно спокойной, учитывая ее молодость и обстоятельства.

“Думаю, как и все мы, - повторил Рапп, - но мы с Джейсоном... - он кивнул на командера Джейсона Стоба, своего старпома, сидевшего рядом с ним, - пытались выяснить, что за пчела укусила этого Хайду в зад, чтобы он сделал нечто подобное. Не может быть, что он понял, что мы здесь, иначе он двигался бы намного быстрее, чем сейчас.”

"Отличная мысль," - сказал Котоуч и взглянул на лейтенант-командера Выхналека. "Есть какие-нибудь мысли на этот счет, Штепан?"

"Помимо того, что я хотел бы, черт возьми, чтобы это что-то оставило его в покое, сэр?" Офицер разведки ТГ 110.2 покачал головой. "Я предполагаю - и это только предположение - что кто-то в системе наконец-то удосужился сообщить им, что Гипатия запросила присутствия

флота. Может быть, кто-то пересчитал пальцы на руках и ногах и понял, что, поскольку мы, очевидно, еще не здесь, мы можем оказаться здесь в самом деле очень скоро, как говорят на Грейсоне."

"Пока дым не рассеется, это, вероятно, лучший почти-ответ, который мы можем получить, сэр," - сказал капитан Кларк, проводя пальцами правой руки по своим песочным волосам.

И что же заставляет вас думать, что когда "дым рассеется" мы сможем найти какие-нибудь ответы, Джим?, задумался Котоуч.

Но это было не то, что он мог сказать вслух.

"А пока нам нужно принять кое-какие решения," - сказал он вслух, хотя все присутствующие знали, что "им" ни черта не нужно решать. Только ему.

Он откинулся на спинку стула, и его мысли вернулись в другое время и место - на остров Саганями, почти точно два стандартных года назад. Он был там, чтобы отпраздновать салажий рейс своего племянника Ондре на традиционном семейном ужине перед разворачиванием. Но он приехал на день раньше, и в честь его приезда, и потому, что брат вице-адмирала Алба Джон был одним из его близких друзей, баронесса пригласила его присутствовать на Последнем Смотре Ондре.

И Джон пригласил его в семейный мемориал после того, как он стал бароном Албом, когда его старшая сестра погибла в Битве при Мантикоре. В данный момент это была неприятная мысль.

Прошло тридцать земных лет с его Последнего Смotra в канун своего собственного круиза, но он не забыл, каково это. Он не забыл холодок, пробежавший по его спине, ледяной комок в животе, когда он думал о том, что то, что он видит - это то, чего могли ожидать от него однажды. Но Последний Смотри Ондре был другим. Все было иначе, потому что молодые люди, собирающиеся отправиться в учебный и выпускной круиз, завершающий их академическое образование, уходили не в мирное время, как он, а прямо в возобновленную войну с Республикой Хевен. И еще потому, что баронесса Алб пригласила выступить очень важного гостя. Кто-то, кто знал полную, мрачную реальность того, что, как обещал Последний Смотри выпускникам-гардемаринов, может прийти к ним. Который встречал этот вызов не единожды, а неоднократно. Кто-то, о ком уже говорили как о духовном наследнике Эдварда Саганями.

Леди Дама Хонор Александер-Харрингтон, Саламандра собственной персоной, стояла в огромном затемненном лекционном зале, древесный кот, который столько пережил и разделил с ней, сидел у нее на плече, и ее сопрано разносилось по бесконечным рядам гардемарин, когда она рассказывала им о том, что им предстоит увидеть. И он вспомнил комок в горле, яркие, непролитые - и не постыдные - слезы в своих глазах, когда перед ним проплыл образ той самой первой Парламентской Медали За доблесть, висящей перед ним, и высокий голос, похожий на меч, который пришел из темноты, повторил слова, клятву - клятву, которую давал себе каждый выпускной класс в течение четырехсот десяти стандартных лет.

"Леди и джентльмены, - сказала Саламандра, - традиция жива!"

И поэтому, в конце концов, он уже знал, каким должно быть его решение, не так ли?

* * *

Президентский Дом

"И я говорю вам, Адмирал, что мы не можем эвакуировать всю нашу орбитальную инфраструктуру за тридцать шесть часов!" - рявкнул Адам Вангелис. "Я не пытаюсь задержать вас, черт возьми, это физически невозможно!"

"Весьма прискорбно, господин Президент," - произнес Хайду Гъезо с ком-дисплея над столом переговоров голосом, похожим на голос из межзвездного пространства. "Однако я советую вам эвакуировать как можно больше людей, потому что я выполняю свой приказ в назначенное время."

"Вы убьете сотни тысяч - миллионы - ни в чем не повинных мирных жителей!"

"С другой стороны, господин Президент. Может я и отдаю приказ; но вы - и ваше правительство - те, кто направил мою руку. Я просто подчиняюсь приказам моего законного командования. Вы и ваша звездная система - совершили предательство против Солнечной Лиги, не оставив мне другого выбора, кроме как выполнить мои чрезвычайные приказы в доступное мне время."

"Это совершенно бессмысленная и благовидная попытка избежать обвинения в кровавой расправе над каждым, кто умрет в этой звездной системе через тридцать шесть часов." Голос Вангелиса стал еще холоднее, чем у Хайду. "Поверьте мне, Адмирал. Эта война - война, которую ваше "законное командование" начало с неспровоцированного нападения на суверенную звездную нацию в мирное время - когда-нибудь закончится, и если вы не намного глупее, чем я думаю, вы знаете так же хорошо, как и я, что звездная Империя Мантикора и Республика Хевен слишком большой кусок для вашего флота, чтобы сжевать. Поэтому, когда наступит неизбежный день подписания мирного договора между Солнечной Лигой и Большим Альянсом, будьте уверены, что ваше имя и требование, чтобы вас выдали Союзному суду, для предъявления обвинения в преднамеренном массовом убийстве, будет частью этих условий."

Даже если по какому-то невообразимому повороту судьбы нынешняя клика, управляющая Лигой, выживет на своем посту, не думайте, что они будут колебаться хоть одно мгновение, прежде чем бросят вас под воздушный грузовик, чтобы спасти свои собственные презренные задницы."

"Мое заявление не является ни бессмысленным, ни надуманным, господин Президент, и я уже сказал вам, кто в данном случае виноват в "кровавой расправе". Что же касается завершения военных действий, - Адмирал позволил себе презрительно фыркнуть, - я рискну положиться на способность ваших друзей-неоварваров заставить Солнечную Лигу делать то, что она не хочет. Однако в настоящее время дальнейшее обсуждение не имеет смысла. Я свяжусь с вами через двадцать четыре часа. Советую вам ускорить ваши усилия, чтобы спасти как можно больше жизней от последствий действий вашей звездной системы. Хайду, конец связи."

Дисплей погас, и Вангелис повернулся к мужчинам и женщинам, сидевшим вокруг стола в Оперативном штабе Президентского Дома. Он обвел взглядом стол, глаза его горели, но отчаяние было так же очевидно, как и ярость.

"Боже Мой, Адам." - Кирен Моррис, Системный Вице-президент, была бледна, в ее глазах был шок. "Боже мой, он действительно собирается... убить всех этих людей?"

"Именно так он и говорит, и я сомневаюсь, что он сказал бы это для официального отчета, если бы не имел этого в виду именно этого," - резко ответил Вангелис.

"А что, если мы откажемся от результатов референдума?" - Фредерика Сарафис, лидер сенатского большинства, говорила немного нерешительно. Она подняла правую руку ладонью вверх. "Я знаю, что у нас нет законного права отменить его, но мы, конечно, можем отложить - даже приостановить - его исполнение, учитывая обстоятельства!"

Будучи председателем Либерально-Центристской партии с большинством в тридцать мест, Сарафис руководила референдумом - формально спонсируемым либерал-центристами и всеми другими основными политическими партиями Гипатии, кроме одной, - через Сенат. Она была одной из самых стойких его сторонниц, и выражение ее лица показывало, как мало ей нравится это предложение.

"Мы не можем, Фредди," - сказала Макико Аллертон ровным и твердым голосом. Она села рядом с Сарафис. Ее Независимые Демократы были единственной крупной партией, выступавшей против отделения, и она всю дорогу зубами и ногтями сражалась со своими старыми друзьями Сарафис и Вангелисом. Но сейчас она покачала головой, и ее фиалковые глаза потемнели от горечи.

"Ты права, мы не можем проигнорировать референдум," - продолжила она через мгновение. "Даже приостановка его осуществления приведет нас во всевозможные сомнительные воды, с юридической точки зрения."

Аллертон взглянула на Генерального прокурора Боягиса, который коротко кивнул, затем снова посмотрела на Сарафис, и теперь на ее лице появилось выражение, которое можно было принять за сострадание.

"Но помимо юридических аспектов есть еще и моральные," - сказала она. "Я выступала против отделения. Я думала, что это было правильное решение. Но я проиграла, и так уж случилось, что я верю в правовую и политическую системы Гипатии. Я проиграла, - повторила она, - и если этот человек - это чудовище - собирается прийти в мою звездную систему и убить сотни тысяч моих сограждан, мой народ, и сказать мне, что его действия были одобрены Солнечной Лигой, то, слава Богу, что так получилось."

Она снова оглядела стол железным взглядом.

"Я не знаю об этом "Мезанском Соглашении", о котором говорят Мантикорцы и Хевениты. Я не знаю об ужасном множестве вещей, но я только что обнаружила, как ужасно ошибалась в одной вещи, о которой я думала, что знаю. Я думала, что знаю, что Солнечную Лигу стоит спасти."

"Прости, Макико," - тихо сказал Вангелис. "Я знаю, как больно было говорить об этом."

"Я тоже," - сказала Сарафис, протягивая руку Аллертон. "И я согласна, что этими действиями Хайду доказывает, что Мандарины еще более коррумпированы, чем мы думали. Но подумайте о тех жизнях, о которых мы говорим! Я готова рискнуть юридическими последствиями всего, что могло бы спасти такое количество людей, поэтому, если приостановка проведения референдума - даже на неопределенный срок - остановит его, я говорю, что у нас нет выбора, кроме как сделать это."

"Ничего не выйдет, Фредди." Вангелис вздохнул. Она посмотрела на него, и он пожал плечами. "Я уже предлагал это Хайду." Некоторые из присутствующих выглядели шокированными, но он только снова пожал плечами, тверже. "Конечно, я это сделал! Фредерика права. Моя первая обязанность, как человека, а не только как присягнувшего, - спасти как можно больше жизней. Единственный способ спасти кого-либо сегодня - это убедить Хайду не нажимать на курок, и я,

клянусь Богом, готов сделать все, что в моих силах! Он ответил, что для этого уже слишком поздно."

"Слишком поздно?" Сарафис уставилась на него. "Слишком поздно, чтобы спасти все эти жизни? Это то, что он сказал?"

"Почти в точности такими словами," - сказал ей Вангелис. "Разговор был записан, если ты хочешь убедиться, но короткая версия состоит в том, что, наше возмутительное намерение покинуть Лигу и - в особенности - даже просто предположение возможности какого-либо политического союза с Беовульфом, продемонстрировали наше фундаментальное предательство и готовность растоптать всю его версию Конституции. Таким образом, он не готов откладывать выполнение своих приказов, даже если мы пообещаем, что никогда не выйдем из состава СЛ, независимо от голосования на референдуме. В конце концов, как он мог поверить на слово шайке таких предателей, как мы? Без сомнения, мы просто изменим свое мнение, как только он покинет систему. Из-за этого у него нет другого выбора, кроме как провести операцию Флибустьер, прежде чем он уйдет."

Сарафис откинулась на спинку стула, лицо ее посерело, и на этот раз Аллертон успокаивающе сжала ее руку.

"Но почему он так настаивает на своем сроке?" - спросила Милдред Роанок, Министр промышленности. "Если бы он дал нам еще сорок часов - даже тридцать, - мы могли бы вытащить почти всех, даже обитателей Пояса!"

"Должно быть, кто-то сказал этому трусливому ублюдку, что мы ожидаем военные корабли Альянса, мэм," - проскрежетал коммодор Франклин Нисириос, старший офицер Системного Патруля Гипатии. Серые глаза рыжеволосого коммодора сверкнули, а губы презрительно скривились. "Он может много говорить о том, как, по его мнению, закончится эта война, но даже если он верит в эту чушь, он далек от любого мирного договора, который мог бы спасти его жалкую задницу. И прямо сейчас, он чертовски хорошо знает, что эскадрилья или около того кораблей стены Альянса сделает с его оперативной группой. Так что он усрется по уши - простите за выражение - чтобы убраться отсюда к чертовой матери, пока не появились эти корабли стены!"

"Думаю, Фрэнк прав," - сказал Вангелис. "Я думаю, что кто-то должен был сказать ему - или дать ему достаточно информации, чтобы он мог экстраполировать ее для себя - когда мы первоначально ожидали прибытия Адмирала Котоуча. Так что он собирается выполнить свой приказ и бежать до этого. Очевидно, он не знает точного времени, когда мы ожидали Котоуча, иначе он, вероятно, дал бы нам дополнительное время, в котором мы нуждаемся. Но это должно быть то, что движет им прямо сейчас."

"Кстати, об Адмирале Котоуче..." - начал Бернард Йель, министр инфраструктуры, но Нисириос перебил его:

"Забудьте об этом, мистер Йель," - сказал он. - "Манти хороши, а корабли Котоуча... ну, единственное, что я могу сказать, это то, что они полностью выходят за рамки классификации ФСЛ. У меня было время на виртуальную экскурсию по Фантому и его возможностям..."

Он покачал головой, погружаясь в воспоминания с выражением почти благоговейного ужаса, затем снова перевел взгляд на лицо Йеля.

"Этот корабль может вызвать любой Соларианский супердредноут один на один и надирать ему задницу до следующей недели, даже не потев," - просто сказал он. "Но у Котоуча есть только

один... а у Хайду девяносто пять линейных крейсеров. Хуже того, Котоуч сказал мне, что у него нет ни одной подвески, которые могли бы помочь уравнивать шансы. И даже если бы они у него были, судя по датчикам моих катеров, Хайду развернул несколько тысяч собственных подвесок."

Он снова покачал головой, на этот раз тяжело.

"Все, что могли бы сделать Котоуч и его люди, - это храбро умереть, мистер Йель. Я не сомневаюсь, что они сделали бы это немедленно... если бы это могло остановить Хайду. Они могли бы причинить ему сильный урон, но не настолько сильный, чтобы в конце концов помешать ему выполнить приказ, и ни один военачальник не мог оправдать потерю жизней своих людей, когда жертва не могла иметь никакого значения в конечном итоге."

"Так что же нам делать?" - спросила Вице-президент Моррис через мгновение.

"Мы продолжим делать то, что уже делаем," - тяжело ответил Вангелис. "У нас есть все орбитальные шаттлы, катера, лодки и мусорные баржи в системе, которые перемещают всех, кого мы только можем, за время, столь любезно предоставленное нам Хайду. Уже была некоторая паника - вы просто не можете организовать эвакуацию в таком масштабе, не сказав людям, почему вы их эвакуируете - но пока все было управляемо. Люди коммодора Нисириоса обеспечивают вооруженные отряды для причалов основных мест жительства, чтобы предотвратить - мы надеемся - выход всего из-под контроля, и мы начинаем с основных жилых местностей. Мы должны - вероятно, должны - за тридцать шесть часов доставить на планету от восьмидесяти до восьмидесяти пяти процентов жителей. Это почти сто девять миллионов человек."

"И все равно там останется восемнадцать и семь десятых миллиона человек," - сказала Моррис.

"И еще один миллион двести тысяч в Александрийском Поясе," - добавила Роанок. "Мой Бог. Мы говорим о двадцати миллионах погибших в лучшем случае!"

Она оглядела застывшую гелиевую тишину конференц-зала, и грохот падающей булавы был бы оглушительным.

* * *

КФСЛ Кэмпердаун

Система Гипатия

"Как вы думаете, Адмирал действительно будет придерживаться своего графика?" - очень тихо спросил капитан Аденауэр, когда они с коммодором Купман работали над уточнением его наилучшей оценки количества гипатийцев, эвакуированных на поверхность планеты.

"А вы как думаете?" - через мгновение ответила Купман.

Глаза операциониста с соболиными волосами в обычных обстоятельствах были очень темными. Теперь они могли бы заморозить кислород, пока она рассматривала его, и офицер разведки напомнил себе, что Дафна Купман не тот человек, с которым нужно сталкиваться. Она была умна, честолюбива, у нее были хорошие семейные связи, у нее вошло в привычку находить как можно больше захороненных тел, и ходили слухи, что она вела тщательные списки тех, кто помог ей в карьере, тех, кто навредил, и тех, кто просто очень, очень ее разозлил.

"Я не знаю, что думать," - сказала капитан, обдумав все варианты. "Я просто знаю, что все это - она указала на дисплеи, заполненные данными разведки, которые были вытянуты из системной сети, бок о бок с результатами удаленных датчиков Купман, - говорит о том, что эти люди действительно делают все возможное, чтобы эвакуировать своих людей. Я имею в виду, что до сих пор почти двадцать человек из их Системного Патруля погибли в авариях, потому что они так сильно сократили резерв безопасности. Мне просто интересно, примет ли он это во внимание."

"Беспокоишься о том, что может выплеснуться на тебя, если оппозиционные группы дома доберутся до цифр жертв?" Купман даже не усмехалась - почти, и Аденауэр покраснел.

"Может, и так," - признал он, вызываясь вздернув подбородок. "Тем не менее, в основном... В основном, коммодор, я не хочу быть соларианским офицером, которого помнят как соучастника убийства пятнадцати или двадцати миллионов соларианских граждан."

Купман хотела было сказать что-то резкое, но осеклась, и в ее глазах мелькнуло что-то вроде неохотного уважения. Для штабиста соларианского флаг-офицера требовалось больше чем немного мужества, чтобы высказать все, что можно было бы принять за критику в адрес флаг-офицера. И это было особенно верно, когда Адмирал Хайду должен был знать, что, приказано или нет, миллиарды людей, которые не были здесь и не должны были принимать решение, будут ожесточенно критиковать все, что он делал. У него была репутация безжалостного человека, выжившего в Византийской бюрократии Флота Солнечной Лиги и войнах за территорию, и он знал все о похоронах неудобных свидетелей. Это означало, что последствия для любого офицера, которого он заподозрит в нелояльности или чье мнение поможет разжечь критику, вероятно, будут... значительными.

"Уже поздно вато трусить, Аденауэр," - сказала она через мгновение.

"Я не говорил, что трусил. С другой стороны, может это и так", - признал Аденауэр. "И это не совсем похоже на то, что вы или я вызвались добровольно, когда раздавались приказы. Если уж на то пошло, я знаю, что гипатийцы проголосовали за отделение, что, я полагаю, означает, что они больше не являются гражданами Солнечной Лиги. Это просто... просто беспокоит меня, мэм."

"Ну, - Купман вернула свое внимание к данным на дисплее между ними, - я думаю, если честно, меня это тоже беспокоит, и я одна из тех, кто разработал план операции." Она покачала головой.

"Но что именно он собирается делать, когда истечет срок..?"

Она пожала плечами.

Поселение Зеленый Лист

Планетарная орбита Гипатии

и

Шаттл Патруля Системы Гипатия Астерия

Система Гипатия

"Ну же, Петра!" Кассандра Цоляо постаралась скрыть нетерпение - и страх - в своем голосе.
"Нам надо идти, милая!"

"Но я не могу найти Михалиса!" - со слезами на глазах запротестовала пятилетняя Петра. "Мы не можем уехать без Михалиса!"

"С ним все будет в порядке, дорогая," - пообещала Кассандра.

Она ненавидела лгать дочери. Это была одна из тех вещей, которые они с Себастьяносом никогда не делали. Но сегодня она не колебалась. Она также не сказала Петре, что причина, по которой она не смогла найти кота, заключалась в том, что Кассандра заперла его в переноске в кладовке ниже по коридору от их квартиры.

Господи, как же она ненавидела то, что сделала! Она тоже любила этого кота, но у нее не было выбора. Приказы об эвакуации были жесткими, бескомпромиссными и драконовскими. Никаких домашних животных - даже попугая - на эвакуационных судах. Никакой ручной клади, кроме одной сумки, достаточно маленькой, чтобы поместиться на коленях ее владельца. Ни семейных сокровищ, ни фамильных реликвий, ничего такого, что не поместилось бы в эту единственную сумку.

Но она никогда не смогла бы объяснить это Петре, поэтому почесала Михалиса под подбородком, поцеловала его между ушами в последний раз, а потом вытерла слезы обеими руками, оставив его уютно мурлыкать в знакомой тесноте переноски, и вернулась к дочери, которую никогда не смогла бы убедить оставить его здесь.

Прости меня, Майки, подумала она. Мне очень жаль. Но я знаю, что ты тоже любишь Петру, а я должна вытащить ее отсюда.

"Ты уверена, что с ним все будет в порядке, мама?" - настаивала Петра, и Кассандра заставила себя улыбнуться.

"Конечно, дорогая. Знаешь что, нам действительно пора бежать, но почему бы тебе не сбегать на кухню и не проверить, есть ли вода в его миске?"

"Хорошая мысль, мамочка!" Петра просияла и поспешила на кухню, а мать закрыла глаза ладонями и постаралась не заплакать.

* * *

"Контроль Зеленого Листа, это..."

Лейтенант Полетт Килгор, Патруль Системы Гипатия, чувствовала, что ее измученный разум совершенно пуст. Она нажала большим пальцем на кнопку отключения звука на своем джойстике и уставилась на дисплей, проклиная себя, когда поняла, что не ввела номер рейса в бортовой компьютер, когда начала выполнять текущий рейс. Затем она встряхнулась и обернулась, чтобы посмотреть через плечо на своего бортинженера - они так отчаянно нуждались в людях, что у нее не было второго пилота - сержанта Джона Дебнэма.

"Господи, какой у нас теперь номер, Джон? Только не говори мне, что ты его тоже не записывал," - взмолилась она.

"Один-семь-девять-папа-папа-эхо-шесть," - ответил Дебнэм, не отрываясь от своей панели.

"Спасибо, спасибо!"

Бородатый сержант только кивнул, по-прежнему не поднимая глаз, и Килгор убрала палец с кнопки отключения звука.

"Извините за сбой связи, Зеленый Лист," - сказала она. "Пришлось кое-что сделать. Это один-семь-девять-папа-папа-эхо-шесть. Запрашиваю подход к отсеку девятнадцать-браво."

"Один-семь-девять, Контроль Зеленого Листа," - ответил голос еще более усталый, чем у нее. "Отсек девятнадцать-браво - отмена. Повторяю, отсек девятнадцать-браво - отбой. Вам разрешен подход к отсеку восемнадцать-браво. Повторяю, восемнадцать - один-восемь-браво. Подтвердите прием."

"Контроль, один-семь-девять подтверждает перемещение к отсеку восемнадцать - повторяю, один-восемь-браво."

"Совершенно верно, один-семь-девять. Маяк наведения - девять-девять-ноль-альфа. Вы ... седьмые в очереди на посадку."

"Девять-девять-ноль-альфа, и мы - номер семь," - ответила Килгор.

"Подтверждаю, один-семь-девять. С Богом."

"Спасибо, Контроль Зеленого Листа." Килгор начала было отключать связь, но остановилась. Очередь шаттлов в семь единиц в нынешних условиях предполагало какую-то серьезную неразбериху в то время, когда никто не мог себе позволить такую неразбериху.

"Контроль, могу я спросить, почему нас перенаправили?" - спросила она.

На несколько секунд воцарилась тишина. Затем она услышала, как кто-то вздохнул на другом конце провода.

"Произошел... инцидент, один-семь-девять. У меня нет подробностей, но там был какой-то взрыв. Погибли два шаттла и по меньшей мере триста гражданских. Сегодня мы не получим обратно девятнадцать-браво."

На этот раз сержант Дебнэм оторвал взгляд от дисплеев, его темные глаза встретились с голубыми глазами пилота.

"Спасибо, Контроль," - тихо сказала Килгор. "И... удачи вам тоже."

"Спасибо, один-семь-девять. А теперь тащите свою задницу к восемнадцатому-браво."

"Уже в пути. Один-семь-девять, закончил."

Килгор изменила направление движения, откинулась на спинку дивана и снова посмотрела через плечо на Дебнэма.

«Взрыв,» - сказала она. «Мне это не нравится, Джон. Мне это совсем не нравится.»

"Я бы не очень волновался об этом, мэм."

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а потом она снова повернулась к пульту управления, думая о голосе на другом конце связи. Голос, который, должно быть, с самого

начала понял, что ему не выбраться, Что бы ни случилось с гражданскими, которых он пытался спасти.

Мужество, подумала она. Боже, это требует мужества. Позаботься о нем, Иисус. Присматривай за всеми ними.

* * *

Себастьянос Цоляо наблюдал, как значок меняет направление, удаляясь от извергающей атмосферу раны на коже Поселения Зеленый Лист. Интересно, встречал ли он когда-нибудь его пилота? Шансы у него были приличные - он уже много лет работал с пилотами СПГ. Но никогда так, как сейчас, и он задавался вопросом, знает ли пилот того шаттла, как страстно он желает ей удачи."

Он проверил свои дисплеи. По крайней мере, двадцать секунд до следующего сигнала, подумал он, может быть, даже целая минута, и он нажал кнопку на своем унелинке.

«Да, Себастьянос!» - произнесла жена его любимым контральто еще до того, как он услышал первый гудок со своего конца.

“Как вы там с ребенком?» - спросил он, стараясь немного смягчить усталость в голосе, пытаясь вдохнуть немного энергии. Надежды.

«У нас все хорошо.» Он подумал, понимает ли она, что ее бодрый тон звучит так же фальшиво, как и его собственный. «Петра не хотела оставлять Михалиса, но я сказала ей, что он будет в порядке, пока мы не вернемся, и она проверила его миску с водой.”

«У маленьких деток большие ушки?» - тихо спросил он.

“Да.”

«Ну, ты можешь включить громкую связь на несколько секунд? У меня не так много времени до следующего рейса.”

«Ты на связи... сейчас,» - сказала она, звук ее голоса изменился, когда она опустила наручный унелинк так, чтобы Петра могла услышать его.

«Как дела, милая?» - спросил он.

«Отлиииично, папа” - сказала она, и его сердце сжалось, когда он услышал тревогу — браваду маленькой девочки - в ее растянутом ответе.

«Я рад это слышать!» - весело сказал он. “Ты хорошо заботишься о маме?”

“Ну, конечно. Я несу обе сумки!”

«Моя большая девочка. Я знал, что могу на тебя рассчитывать. Держись поближе к маме, слышишь? И продолжай присматривать за ней, пока... - его голос слегка дрогнул, и он безжалостно взял себя в руки, - пока мы снова не встретимся, хорошо?”

«Конечно, буду, папа. Ты скоро приедешь?”

«Как только смогу, дорогая. Ты же знаешь, что у папы есть работа. Иногда это важнее, чем остальное, и это один из таких моментов. Так что это может занять некоторое время. Просто

помни, как сильно я люблю тебя и маму, пока я не приеду.”

«Да, папа. И ты думаешь, что сможешь привезти Михалиса, когда приедешь? Я знаю, что с ним все будет в порядке, но он всего лишь маленький котик, за которым никто не присматривает.”

“Я присмотрю за ним за тебя”, - пообещал он. “А теперь нам с мамой надо поговорить по-взрослому, ладно?”

«Хорошо, папочка. Люблю тебя!”

«Я тоже люблю тебя, малышка.”

«Я выключила громкую связь,» - мгновением позже сказала ему Кассандра, и он прочистил горло.

«Я хотел сказать, - сказал он более оживленно, - что в девятнадцатом-браво произошел какой-то взрыв. Я не знаю точно, что это было, но это было довольно плохо. Так что вам придется воспользоваться вместо этого восемнадцатым-браво. У тебя еще куча времени! Вагоны метро все еще работают. Поднимитесь на седьмую палубу и займите двенадцатую линию. Это доставит вас туда без каких-либо проблем, и я уже обновил список пассажиров. Они будут держать места для вас с Петрой.»

«Я поняла.»

За этими двумя словами он услышал новый всплеск страха. Ради Петры она старалась говорить спокойно, но потом задала вопрос, которого он так боялся. Вопрос, который она должна была задать, даже когда Петра слушала.

«Вы тоже будете уходить через восемнадцать-браво?”

«Нет,» - сказал он. “Они вытаскивают нас через девятый-чарли. Ты же знаешь, что это гораздо ближе к Управлению Полетами.”

«Наверное, так оно и есть.» Она казалась немного менее встревоженной, как будто напоминание о том, что отсек 9С действительно был намного ближе к его месту службы, успокоило ее. В конце концов, он мог бы быстро добраться туда, особенно с высокоскоростными вагонами метро, зарезервированными для экстренного использования персоналом станции. “Как ты думаешь, сколько еще?”

«Немного.» Он закрыл глаза, когда лгал женщине, которую любил двадцать семь лет. «Третья смена скоро заступит на дежурство. Когда они это сделают, Вторая получит возможность немного отдохнуть, и те из нас, у кого есть семьи, будут отправлены, чтобы присоединиться к ним.”

«Слава Богу,» - прошептала она, и он услышал, как в ее словах дрожат слезы.

«Да, я думаю, что сегодня Он работает на меня сверхурочно,» - сказал Себастьянос с абсолютной искренностью. “Ты просто присматривай за малышкой, пока я тебя не догоню.”

“Мы будем тебя ждать.”

«Я знаю, что так и будет, милая. Но сейчас мне надо бежать. Прибывают новые шаттлы. Люблю тебя!”

«Я тоже тебя люблю,» - сказала она, и он отключил связь.

Затем он сел, глядя на унилинк. Он мог сосчитать, сколько раз он говорил ей даже маленькую невинную ложь на пальцах одной руки. Теперь он солгал ей трижды меньше чем за десять секунд, потому что у него было еще по крайней мере десять или пятнадцать секунд до того, как он снова начнет нацеливать. Но он должен был отключиться, пока его голос окончательно не подвел его, и она не поняла правду за этой ложью.

Он погладил унилинк, едва коснувшись кончиком пальца кнопки вызова, и глубоко, судорожно вздохнул.

«Я люблю тебя, детка,» - прошептал он. «Присмотри за Лунным Лучиком вместо меня. Я буду ждать вас обеих... но не сегодня. Не сегодня.»

* * *

КФСЛ Кэмпердаун

Система Гипатия

"Вы собираетесь придерживаться намеченного вами крайнего срока, Адмирал?" - спросила Мадхура Янг-О'Грэйди, и Хайду Гъезо поднял глаза от панели с объявлениями, которую изучал.

"Если они не успеют всех вывезти вовремя, вы будете придерживаться своего крайнего срока?" - повторила она.

"Это зависит от обстоятельств," - сказал он через мгновение. "Я был серьезен в том, что сказал этому предателю Вангелису. Это их вина, а не наша, и у меня нет ни малейшего желания подвергать свой персонал риску только ради спасения жизней нескольких тысяч предателей и их семей."

"Я бы предпочла не видеть, как кого-то убивают, если у нас нет необходимости убивать их," - сказала она, и он задумчиво посмотрел на нее. Это решение больше не принадлежало ей, но он полагал, что обязан дать ей более полное объяснение.

"Насколько я могу судить, - сказал он, - они работают изо всех сил и так быстро, как только могут, чтобы вытащить как можно больше людей из жилых зон. Это говорит мне, что независимо от графика прибытия, который они предсказывают для флотских сил, которые они запросили, они не ожидают, что они придут сюда, до того как закончится мой первоначальный лимит времени. Я уверен, что они хотели бы вытащить всех, кого могут, как можно раньше при любых обстоятельствах, но скорость, с которой они работают прямо сейчас - и, честно говоря, количество несчастных случаев, которые они допустили из-за скорости, с которой они работают, - говорит мне, что они действительно в отчаянии.

Поскольку это указывает на то, что у нас есть некоторое время в запасе, я более склонен рассмотреть возможность продления крайнего срока - возможно, на пять или шесть часов - до тех пор, пока они остаются в отчаянии. Я не собираюсь давать им больше чем еще двадцать четыре часа или около того, несмотря ни на что, учитывая, что нет никакого способа узнать, когда манти придут, но я также не особенно горю желанием убивать кого-либо, кого мы не должны. В тот момент, когда мне покажется, что они немного расслабились, я предположу, что это означает, что они ожидают помощи с минуты на минуту. И в таком случае, - его голос был мрачен, - не будет никаких продлений."

“Но вы продлите его хотя бы один раз?”

Пыл Янг-О'Грэйди по поводу наказания предателей, казалось, немного поутих, подумал он. Возможно, потому, что она была гражданским лицом. Она все время думала о хорошем, чистом уничтожении заброшенных объектов. Взрывы, которые могут нанести ужасный ущерб экономике и уровню жизни звездной системы, но никого не убьют. Теперь все выглядело так, будто несколько “субъектов” вот-вот будут убиты, и ей это не понравилось.

Мне это тоже не нравится, подумал он. Но я знал, что нечто подобное может быть в картах с того самого момента, как прочел конспект Парфянского выстрела. Не нужно быть гением, чтобы прочесть между строк и понять, что это значит... и что, скорее всего, случится с теми, кто не сумеет пробиться в трудную минуту. Кроме того, это моя обязанность. Донести эту мысль до Гипатии - и до всех остальных в этой проклятой галактике - это моя работа. Так что я это сделаю, и пусть лучше эти люди верят, что я это сделаю. Так же, как и следующая система в списке Флибустьера. На самом деле, увеличение числа погибших здесь может помочь этой “следующей системе” увидеть ошибку своего пути, не убивая никого там.

Правда заключалась в том, что каждая потерянная здесь жизнь вполне могла спасти десятки жизней позже. Он не любил думать в таких терминах - и признавал софистичность любого утешения, которое они могли ему дать - но это не делало их ложными. И что это означало для расширенных временных рамок...

“Не обязательно, миз Янг-О'Грэйди,” - холодно ответил он. “Я сделаю этот звонок, когда настанет время. Так что, думаю, нам остается только наблюдать.”

* * *

Поселение Зеленый Лист

Планетарная орбита Гипатии

Система Гипатия

Капралу Хелике Васдекио было всего двадцать девять стандартных лет, но она присоединилась к Патрулю Системы Гипатия, когда ей было всего семнадцать, и за эти двенадцать лет она многому научилась. При росте 162,6 сантиметра и тонких костях она не была неуклюжей великаншей. Ее мать всегда утверждала, что она была “не больше минуты”, когда была маленькой девочкой, но в эти дни она была очень мускулистой и крепкой “минуткой”. Кроме того, она была членом “Альфы-семь”, элитной поисково-спасательной команды ПСГ, а также высококвалифицированным инспектором грузов с не менее чем девятью крупными налетами на контрабандистов на ее счету. Так что у нее было достаточно причин чувствовать себя уверенной и компетентной, чтобы справиться с любым долгом, который встанет на ее пути.

Но этого она никак не ожидала.

Она стояла почти как на параде, заложив руки за спину. Пульсер покоился в наплечной кобуре под левой подмышкой, оглушающая дубинка висела на поясе, а забрало шлема скафандра было поднято, когда ее карие глаза смотрели на толпу. Они были очень спокойны, эти глаза, внутри них таилось что-то глубокое и темное, но она была неизменно вежлива. Также она много улыбалась. Это было нелегко, но команда Альфы-семь рано научилась проецировать уверенность - в конце концов, люди, нуждающиеся в спасении, как правило, были немного напряжены - и последнее, что кому-то было нужно, это паника в очереди на эвакуацию.

В следующем месяце ей исполнится тридцать, и она хотела бы попасть на вечеринку, которую запланировал ее жених. Однако многие люди не собирались оказаться там, где они были, и сейчас могли происходить и более нехорошие события. Гораздо худшие, чем кто-либо мог...

"Смотри, мамочка! Это же Хелике!"

Васдекио резко повернула голову. Ей потребовалась секунда или две, чтобы разглядеть крошечную темноволосую девочку, которая только что появилась из толпы. Затем она опустилась на одно колено и широко раскинула руки.

"Петра!"

Девочка бросилась в объятия Васдекио, и капрал обняла ее в ответ, опасаясь, как бы ее легкий бронекостюм не оставил синяков. Она посмотрела через плечо Петры на ее мать и увидела, как на лице Кассандры промелькнуло узнавание - счастье при виде знакомого лица. Затем облегчение исчезло, и Васдекио тихо вздохнула. Конечно, Кассандра была достаточно умна, чтобы понять, почему Васдекио здесь... и что она, несомненно, все еще будет здесь, все еще будет пытаться спасти еще несколько жизней, когда остановится таймер.

"Касси," - сказала она, вставая и протягивая руку.

"Хотела бы я быть счастливее, когда увижу тебя, Хелике." Тон Кассандры Цоляо даже больше, чем ее слова, подтвердил, что она угадала правильно.

Васдекио улыбнулась ей, коротко, но с большей искренней теплотой, чем большинство других ее улыбок, и послала запрос в свой унилинк. Затем она кивнула.

"Ты и Петра в списке, приоритет гамма," - сказала она. "Это значит, что ты идешь в начале очереди на следующий шаттл, а не на этот."

Она склонила голову набок, глядя на очередь пассажиров - многие из них плакали, один или двое были на грани истерики... или со стеклянными, одурманенными улыбками тех, которые уже были не в себе - ползущих по посадочной трубе к шаттлу в стыковочном отсеке номер три Причала Восемнадцать-браво. Не похоже, чтобы все они собирались подняться на борт, но она указала на линию на палубе с одной стороны.

"Вон туда," - сказала она. "Здесь уже есть еще пара дюжин людей из гамма-приоритета. Давайте, идите вперед. В любом случае, мы должны начать формировать очередь через пару минут; может быть, вы обе могли бы стать поближе к голове."

"Спасибо," - тихо сказала Кассандра.

Она в последний раз сжала руку капрала, затем кивнула Петре.

"Ты слышала Хелике, милая. Давай встанем в очередь."

* * *

"Чувак, мне это не нравится," - сказал Александрос Караксис. "Мне это совсем не нравится, Аполлон!"

"Как насчет того, чтобы рассказать мне то, чего я еще не знаю, Ксандр?" Аполлон Дукакис отшатнулся, раздраженно закатив глаза. В свои двадцать семь лет он был на восемь

стандартных лет старше Караксиса... и уже двенадцать стандартных лет был его шефом в Банде Зеленого Листа - Зеленолистных Грифонах - одной из самых злобных банд, которые делали некоторые места в недрах Поселения Зеленый Лист небезопасными для посещения.

"Чувак, они посадят всех этих овец на борт шаттлов и ни хрена не сделают для нас. Черт возьми, они, наверное, так же счастливы избавиться от нас раз и навсегда!"

Несмотря на менее чем блестящие результаты Александроса в стандартных тестах Департамента образования Гипатии, были моменты, когда он схватывал суть ситуации с похвальной ясностью, подумал Аполлон. Это был один из них. Без сомнения, сжечь дом дотла было дорогим способом избавиться от тараканов, но если место все равно собиралось сгореть, то следовало позаботиться о том, чтобы как можно меньше тараканов вышло наружу. И он должен был признать, что с точки зрения законопослушной общины Гипатии из Банды получились бы очень хорошие тараканьи брикеты. Если уж на то пошло, он даже не мог их винить.

Однако это не означало, что он должен был учитывать их планы в своем собственном, личном деле, и для его нынешних целей рост Александроса — он составлял 195,6 сантиметров в своих вонючих носках и имел массивные, мощные плечи — компенсировал печальное отсутствие остроты ума.

"Остынь," - мягко сказал он. "У нас недостаточно времени, чтобы проникнуть на этот челнок. Но будь готов, когда овцы начнут садиться в следующий. Ты ведь знаешь, что делать, правда?"

"Ага, точно!" Александрос улыбнулся и засунул руки в карманы брюк, чтобы потрогать ожидающие его тряпки. Ему так нравилось причинять людям боль, и на этот раз все будет гораздо лучше, чем обычно.

* * *

Шаттл, который загружался, когда они прибыли, улетел, и Кассандра увидела, как следующий скользнул на буферы и включил стабилизаторы. На дисплее высветился номер рейса - 179-PPE-6 и название "Астерия", а промежуток времени между его прибытием и отлетом предыдущего шаттла оказался намного короче, чем обычно позволяла стандартная процедура эксплуатации. Однако сегодня никто не собирался жаловаться, и она смотрела, как над посадочной трубой загорается зеленый свет, означающий хорошую герметичность. Измученный молодой человек в той же униформе диспетчера, которую Себастьянос надевал по официальным случаям — вид ее вызвал у нее новый укол беспокойства - поднес унилинк к уху, прислушиваясь к нему сквозь не слишком приглушенное бормотание толпы в переполненном зале. Затем он кивнул.

"Готовы к посадке!" - сказал он. "Подготовьте свои унилины для сканера, пожалуйста! И помните, если вас нет в списках на этот рейс, вас не пустят на борт, но будет много дополнительных рейсов!"

Кассандра проверила свою собственную связь, затем крепко схватила Петру за руку, когда измученный молодой человек отступил в сторону. Он сделал приглашающее движение рукой, и они двинулись вперед. Она собиралась...

"Мамочка!"

Она услышала крик Петры в тот же миг, когда рука ее дочери была вырвана из ее собственной. Она в отчаянии повернулась, затем вскрикнула и упала на колени, держась за лицо, внезапно

залитое кровью, когда громадные крепкие костяшки пальцев толкнули ее на палубу жестоким ударом сзади.

"Ну ладно!" - крикнул другой бандит, тот, что схватил Петру с палубы. Одной рукой он держал всхлипывающую перепуганную девочку, подвешенную за ворот комбинезона, а другой сжимал ее тонкую шею, и лицо его было суровым. "У нас нет посадочных талонов - прорычал он, - но мы и не останемся в этой гребаной смертельной ловушке! Итак, вы позволяете нам сесть на шаттл. А если нет, то видите эту маленькую девочку? Ей понадобится новая шея, потому что, клянусь Богом, я сломаю ее в мгновение ока."

"Ты отдаешь себе отчет, - негромко произнес чей-то голос во внезапно наступившей звенящей тишине, - что, если случится что-то из этого, власти будут ждать вас после посадки? Как только вы сойдете с шаттла, дюжина парней из спецназа разнесут ваши задницы, как яйцо всмятку. И им это тоже понравится."

Дукакис, который был всего на пять сантиметров ниже Караксиса, повернулся к говорившей, держа рыдающую девочку между ними, и его губы скривились. Капрал ПСГ была на добрых тридцать сантиметров ниже его и выглядела так, словно без скафандра и ремня с оборудованием весила не больше, чем маленькая девочка в его руках. Она стояла в восьми или девяти метрах от него, и даже не вытащила свою оглушающую дубинку. Она просто стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на него, склонив голову набок.

"Послушай, киска, - ухмыльнулся он, - ничего худшего они там со мной сделать не могут, чем то, что случится, если я не вытащу свою задницу отсюда. Я и мой приятель здесь? Мы будем так же счастливы быть самыми сладкими и нежными, как только коснемся земли. Вряд ли они смогут сделать что-то вроде того, о чем вы говорите, нарушая наши гражданские права, если мы не будем сопротивляться аресту, не так ли?"

Хелике Васдекио смотрела на него со спокойным, задумчивым выражением, которое скрывало ярость, бушевавшую внутри нее, когда она увидела Кассандру, стоящую на коленях на палубе, закрывавшую свое разбитое лицо, в то время как второй бандит накрутил на один кулак ее волосы и размахивал другим, обещая еще большее насилие, если кто-нибудь будет настолько глуп, чтобы приблизиться к нему. Большая часть этой ярости была направлена на бандитов, но большая ее часть была направлена и на нее саму. Она должна была заметить татуировки на лбу и правой щеке молодого бандита. И она, конечно, должна была узнать извилистого зеленого грифона, который покрывал всю правую сторону лица старшего. Она была измучена, она была напугана, и она знала, что умрет, но это не было, черт возьми, оправданием для того, чтобы не делать свою работу и не избавлять своих друзей, по крайней мере, от этой части кошмара.

"Это твое последнее слово на эту тему?" - спросила она. "Ты рассчитываешь, что тебя подвезут, потом возьмут под стражу, продержат немного времени в Эвале, а потом - что? Пять стандартных лет? Десять? - за нападение и похищение. Подумай хорошенько. Обменять несколько лет за решеткой на отлет из поселения, прежде чем с ним случится что-то неприятное. Так ведь?"

"Для киски ты не так уж глупа," - сказал ей Дукакис. "Да, примерно так оно и будет. А если нет?" Он пожал плечами. "Ну, в таком случае, я думаю, что моя задница будет заперта здесь, а место этой маленькой сучки займет кто-то другой, потому что ей оно не понадобится." Он пожал плечами. "Насколько я понимаю, мне от этого хуже не будет."

"Ну, если ты так смотришь на это, то мне остается только избавить тебя от времени в

заклучении," - сказала она, и он торжествующе улыбнулся.

Затем ее правая рука шевельнулась. Она стояла, скрестив руки на груди, и держала его на сгибе левого локтя. Никто не мог видеть его, пока она не пошевелилось, и даже тогда его движение было таким плавным, таким небрежным, таким явно неопасным, что Дукакису потребовалось мгновение, чтобы понять, что он видит. В самом деле, вряд ли он осознал это, потому что был слишком занят, умирая, чтобы понять, когда пульсер взвизгнул и его голова взорвалась.

Петра закричала от нового потрясения, когда болезненные объятия мгновенно ослабли. Она упала на палубу. Мгновение спустя тело Дукакиса упало на нее, придавив своим весом. Кто-то - мужчина - начал что-то кричать. Но затем она услышала высокий, пронзительный визг во второй раз. Он замолчал на полуслове, и она услышала другой голос, знакомый ей.

"Петра! Петра, все хорошо, милая!" - настойчиво произнес этот голос. "Кто-нибудь, помогите мне убрать с нее этого ублюдка!" - рявкнул голос кому-то другому, и тяжесть, давившая на нее, внезапно исчезла. Она завывала в панике, а затем зарыдала от облегчения, когда Хелике Васдекио обняла ее.

"Все в порядке," - шептала она ей на ухо снова и снова. "Все в порядке. Я держу тебя. Все нормально."

"Мамочка! Мамочка-Мамочка-Мамочка!"

"Твоя мама ранена, дорогая," - сказала она ей. "Но с ней все будет в порядке, обещаю. А человек, который причинил ей боль, больше никогда никого не обидит. Это я тебе тоже обещаю. Ты мне веришь, Петра?"

Петра отстранилась от него, положив руки на плечи капрала и глядя ей в глаза сквозь завесу собственных слез. В таком положении она оставалась несколько бесконечных ударов сердца. Затем она судорожно кивнула и, рыдая, упала на грудь подруги родителей.

"Все в порядке, Петра," - сказала Хелике Васдекио плачущему ребенку у нее на руках, переступая через тела только что убитых ею мужчин. Пара других эвакуируемых и один из санитаров помогли Кассандре подняться на ноги. Теперь они поддерживали ее, ведя по посадочному туннелю к челноку, и Хелике остановилась у входа.

"Тебе пора идти, дорогая", - сказала она, передавая Петру одному из членов экипажа шаттла. Девочка отчаянно пыталась вцепиться в нее, но она покачала головой и как можно мягче высвободилась из цепких рук.

"Я возьму ее, Хелике" - хрипло произнес голос, и она подняла глаза, узнав его.

"Позаботься о ней для меня, Джон" - сказала она, чувствуя, как горят ее глаза. "Ее отец - мой друг. И он управляет полетами квадранта всей этой станции."

Сержант Джон Дебнэм встретился с ней взглядом и понимающе кивнул, подхватив на руки маленькую девочку, которая вот-вот потеряет отца.

"Я прослежу за ней," - снова пообещал он, и его усталый голос стал мягче. "Я присмотрю за ней и ее мамой. Даю слово."

"Спасибо," - сказала Васдекио еще тише, а затем посмотрела на Петру, испуганную и

заплаканную, оказавшуюся в объятиях незнакомца.

"А теперь иди с Джоном, Петра," - сказала она. "Он мой хороший друг. Он будет хорошо заботиться о тебе и твоей маме. А ты будь храброй, слышишь? Твоя мама нуждается в тебе, и она будет нуждаться в тебе еще больше в ближайшее время. Так что будь рядом с ней. Ты можешь это сделать? Ты можешь быть храброй ради меня?"

Петра шмыгнула носом, вытерла глаза кулаками и кивнула. Ее губы задрожали, но она сумела выдавить дрожащую улыбку.

"Хорошо!" - сказала Васдекио. "Я знала, что могу на тебя рассчитывать! А теперь иди, потому что мне пора возвращаться к работе."

* * *

КЕВ Арнгрим

и

КЕВ Чинкуэда

Система Гипатия

"Мне это не нравится, Джейсон. Мне это совсем не нравится," - сказала командер Меган Петерсен. "Если они серьезно относятся к чему-то, подобному происходящему на Гипатии, то что они собираются делать в другом месте?" Она покачала головой, ее карие глаза были встревожены. "У меня очень плохое предчувствие насчет того, чем все это закончится."

В большинстве случаев она никому бы в этом не призналась. И как капитан Королевского корабля, она не могла признаться в этом никому из своей команды. Работа капитана заключалась в том, чтобы излучать уверенность или, по крайней мере, решимость, в которых нуждались ее люди. Это было сделано не для того, чтобы позволить тем же самым людям увидеть внутренние слабости любого человеческого существа. Они знали, что они там, но так же, как правила игры требовали от нее притворяться, что их нет, те же самые правила требовали от ее команды притворяться, что она их одурачила.

Отец пытался предупредить ее, как одиноки командиры, и она ему верила. Она просто не понимала, как глубоко может ранить ее одиночество. Особенно когда мужчина, которого она любила, был так близко... и так далеко.

"Не могу сказать, что я сам без ума от этого," - сказал ей командер Джейсон Стоб из своей каюты на борту КЕВ Чинкуэда. "Мне бы хотелось думать, что эти ублюдки просто блефуют, или что расписание этого Хайду было составлено так, чтобы заставить гипатийцев эвакуироваться как можно быстрее. Единственная проблема в том, что мне так не кажется."

"Просто... я уже видела это раньше. Я не хочу видеть это снова. Ни здесь, ни где-либо еще," - сказала Меган, и Джейсон кивнул.

Предыдущий корабль Меган, КЕВ Номад, сделал свой гиперпереход сразу за пределами гиперграницы двойной системы Мантикоры менее чем за сорок пять минут до того, как Удар Явата превратил ее восторг и нетерпеливое ожидание в кошмар.

Она была старпомом на Номаде, завершая свой последний рейс, прежде чем принять

командование новым блестящим эсминцем. Первоначально назначенный командиром КЕВ Арнгрим офицер был переназначен командующим Саганами-с, который завершали на Гефесте, и Номаду было приказано ускорить ее возвращение на Мантикору, чтобы Меган могла заменить его.

Именно этого она и ожидала - увидеть свой новый корабль, познакомиться с новым экипажем, принять на себя тяжким трудом заработанные обязанности командира. И вместо этого она провела следующие девять часов кряду, вытаскивая десятки тел и крошечную горстку выживших из искореженных обломков. Джейсон был в то время за пределами системы, избавленный от ужаса, с которым она столкнулась лицом к лицу, но он знал других, кто был там, и это оставило след на всех них.

Это и железная решимость, что нечто подобное Удару Явата больше никогда не должно повториться. Решимость, которая, должно быть, делала ситуацию здесь, на Гипатии, еще хуже для нее, подумал он, уже не в первый раз желая, чтобы они не находились на разных кораблях.

И что бы ты сделал, если бы оказался на этом же корабле? - спросил он себя. Ты знаешь, что хотел бы сделать, но ты также знаешь, что Статья один девятнадцать говорит об этом, не так ли? Конечно, Меган, вероятно, достаточно умна, чтобы не нарушать священный Воинский Устав - во всяком случае, один из вас должен быть таким, - так что, вероятно, в конце концов все было бы еще хуже.

По крайней мере, они были назначены в одну и ту же оперативную группу. Может быть это и было довольно слабым утешением, поскольку они, вероятно, не были бы таковыми, если бы он получил свой корабль, но Удар Явата изменил и это тоже. Он получил назначение командовать новым кораблем класса Роланд ЛаоЦзы почти за пять стандартных месяцев до того, как Меган получила приказ отправиться на Арнгрим, и она безжалостно указывала ему на это в сообщениях, которые записывала, ликуя от того, что получит свой новый корабль за полтора месяца до того, как он получит свой, несмотря на его фору.

Никто из них не видел Удара Явата.

Арнгрим был на два стандартных месяца впереди ЛаоЦзы в очереди на строительство... что означало, что она находилась далеко от КСЕВ Вулкан, где они оба были построены, на строительных испытаниях ее импеллерных узлов, когда Вулкан был взорван. Именно так Меган получила командование своим первым эсминцем, в то время как ее жених оставался старшим офицером.

Джейсон был едва ли единственным офицером Королевы, чья карьера была подорвана Ударом Явата, и он старался сдерживать свое разочарование от перспектив. Иногда это было труднее, чем другим, но он полагал, что такова человеческая природа. И он испытал огромное облегчение от того, что Меган была избавлена хотя бы от этого. Временами он завидовал ее великолепному новому кораблю, но кошмары, которые снились ей во время краткого отпуска, который они провели вместе перед этой операцией, убили всякое чувство обиды.

Он мог видеть пепел этих кошмаров в ее глазах даже сейчас, когда они говорили по маломощным лазерам, соединяющим корабли эскадры в сеть, которую никто не смог бы обнаружить с расстояния в несколько тысяч километров.

"Я знаю, что ты видела это, милая," - сказал он теперь. "Как и все мы, но у тебя было место на первом ряду. Может быть, это и трусость с моей стороны, но это правда. И я чертовски хочу, чтобы был какой-то способ сказать тебе, что это больше не повторится здесь, и сделать так,

чтобы это было правдой, но я не могу."

"Я знаю. Я знаю!" Она покачала головой, затем поцеловала пальцы правой руки и нежно приложила их к своему дисплею. Его глаза заблестели, и она улыбнулась, когда он ответил ей лаской на расстоянии.

"Я знаю," - повторила она. "И я думаю, что на самом деле я просто разговариваю с кем-то, кто может выслушать меня, не нанося ущерба дисциплине!"

"Ты имеешь на это право, когда я свободен," - заметил он. "Это одна из тех вещей, ради которых я здесь, если подумать." Он задрал нос. "Не стесняйтесь доверить все свои заботы в мои умелые руки, дочь моя."

"Что я собираюсь сделать, так это дать тебе пинка под зад в следующий раз, когда увижу тебя," - ответила она со смешком, и он печально покачал головой.

"Такой жестокий человек," - вздохнул он. "Я действительно не понимаю, как я оказался в таких грубых отношениях."

"Ты идиот," - сказала она ему. "Мой идиот, но идиот."

"К вашим услугам."

Он усмехнулся, восхищенный переливами ее смеха. Он не ожидал, что это продлится долго, но, по крайней мере, на какое-то время....

"Я думаю, что тебе нужно, - начала она, - чтобы кто-нибудь..."

Она замолчала, когда раздался звонок, и рядом с именем Тирунаву в углу дисплея вспыхнула иконка срочного сообщения.

"Одну секунду, Джейсон," - сказала она. "Рольф мне звонит."

Она поставила связь между кораблями на удержание и нажала на значок сообщения. Вместо Джейсона появилось голубоглазое, темноволосое, темнокожее лицо с ястребиным профилем.

"Да, Рольф?"

"Шкипер, у нас есть новости от Фантома," - без предисловий сказал ее старший помощник. "Президент Вангелис только что получил официальное уведомление от Хайду." Лейтенант-коммандер Тирунаву с мрачным видом покачал головой. "Больше никаких отсрочек не будет. Если кто-то не сможет улететь до того, как он откроет огонь, - им просто не повезло."

Меган Петерсен почувствовала, что холодеет. До этого самого момента, поняла она, какая-то часть ее души надеялась, что угроза Хайду уничтожить орбитальную инфраструктуру Гипатии до того, как все будут полностью эвакуированы, была всего лишь глупым блефом. Возможно, ей это удалось, потому что то, что он предлагал взамен, нарушало многие законы межзвездных военных действий. Фактически это было нарушением четвертого пункта Эриданского эдикта, части самой Конституции Лиги.

Боже мой, подумала она. Вот что это такое на самом деле, не так ли? Эта операция Флибустьер была задумана с самого начала именно как нарушение Эриданского эдикта. Это террористическая кампания, и все, что Хайду действительно делает, это выходит из тени,

чтобы подчеркнуть это для всех своих будущих жертв!

Как они дошли до этого? Как они дошли до того, что Солнечная Лига была готова открыто нарушить свой собственный Эриданский эдикт? Эдикт, специально разработанный, чтобы предотвратить такого рода зверства? Что требовало от любого военного командира принять все возможные меры предосторожности, чтобы ограничить сопутствующий ущерб и предотвратить любую возможную гибель гражданского населения? За последние восемьсот стандартных лет Лига казнила не одного офицера — военного командира или разбойника; это не имело значения — за нарушение четвертого пункта, и теперь она была готова нарушить его сама.

Это должно произойти. Осознание этого пронзило ее, как льдинка. Лига должна исчезнуть. Недостаточно просто снова договориться с ними о мире. Уже нет. Все, что настолько испорчено, что может предпринять нечто подобное, должно исчезнуть.

"Я поняла, Рольф," - сказала она. "Я буду на мостике через десять минут."

"Да, мэм, - официально ответил Тирунаву, и она кивнула, затем снова включила связь с Чинкуэдой.

"Мы только что получили сообщение от Фантома, и..."

"Я получил сообщение, пока ты разговаривала с Рольфом," - перебил ее Джейсон. "Я им нужен на дублирующем командном посту."

"Понятно." Она смотрела на дисплей долгое, застывшее мгновение, впитывая его изображение, чтобы запечатлеть его в своем сердце. Затем она сделала глубокий вдох.

"Будь осторожен, любимый," - сказала она. "Увидимся позже."

* * *

КФСЛ Трубадур

Система Гипатия

"Как у нас дела, Эллен?" - спросил командер Мэдисон Эхолс, ступив на смехотворно просторный мостик КФСЛ Трубадур.

Командир знал, что офицеру с таким незначительным стажем, как у него, повезло вообще получить командование во Флоте Солнечной Лиги. Несмотря на свои огромные размеры, ФСЛ была переполнена офицерами высоких рангов - мягко говоря - и решение не мобилизовать резерв только подчеркивало это. Очень многие офицеры, которым следовало бы командовать эскадрами или, по крайней мере, дивизионами во время любой перестрелки, были вынуждены довольствоваться командованием отдельным кораблем. Если уж на то пошло, некоторые из этих офицеров находились в отставке, что заставило Мэдисона Эхолса горячо благодарить судьбу за то, что он оказался в космосе.

Несмотря на это, а также учитывая человеческую способность безошибочно распознавать, насколько зеленее была трава где-то в другом месте, Эхолс предпочел бы командовать военным кораблем. Однако этому не суждено было сбыться, и поэтому он был назначен на флот, заимствованный у торгового, и получил 7 000 000-тонный Трубадур. Его новый корабль был старым и давно нуждался в капитальном ремонте. Кроме того, он был медлительным, неуправляемым и совершенно безоружным. Однако он принадлежал ему целиком, и это многое

компенсировало. Несмотря на это, ему еще предстояло привыкнуть к огромным размерам - и скудному набору приборов - его гражданской командной палубы. Он мог бы играть здесь в баскетбол!

"Капитан Эбшир только что закончила развертывание подвесок, сэр" - ответила лейтенант-коммандер Эллен Рибо, старший помощник Трубадура.

Рибо сидела в довольно потертом капитанском кресле в центре мостика, она развернулась и отдала честь - что-то вроде того - все еще держа чашку кофе в свободной руке. Не очень-то похоже на корабельный и флотский стиль, признал Эхолс, ответив на приветствие кивком головы, но Трубадур производил такой эффект на людей. Кроме того, любой, кто не стал хотя бы капитаном, по соларианским меркам был довольно зеленым головастиком. Они склонны были придерживаться своего рода позиции "какого черта, мы все здесь вместе".

"Держу пари, она в восторге от этого," - сказал он, проходя мимо Рибо и усаживаясь в кресло, которое она только что освободила.

Как и он сам, Флоренс Эбшир была простым коммандером, хотя оба они имели право на звание "капитана" как командиры кораблей. Впрочем, он знал ее очень давно и прекрасно представлял себе, как она должна относиться ко всему этому "Флибустьерскому" дерьму. Во всяком случае, он знал, что чувствует он. Термин "Флибустьер" имел все виды гламурных коннотаций, понятие лихачества с дерзостью, чтобы поддержать свое противостояние всей галактике, риск против любого врага. Операция, к которой он был приложен, была далеко не блестящей, и они, конечно же, не собирались рисковать, выполняя ее.

Он понимал логику происходящего, и его симпатия к так называемым нейтральным звездным нациям, которые проявили свою враждебность, приняв сторону манти и их друзей, была ограниченной. Но он также знал, что Флот Солнечной Лиги - его флот - намеренно выбирал жертв специально на основе того, кто мог - или не мог - дать отпор. Что его флот начал систематическую кампанию вандализма, потому что не осмеливался встретиться лицом к лицу со своими врагами в бою. И поэтому всякий раз, когда он думал о Флибустьере, его охватывал стыд.

И особенно в этом случае, мрачно подумал он, усаживаясь в командирское кресло. Это не враждебный "нейтрал". Это звездная система - все эти люди... бывшие соларианами всего две недели назад. Вот чью инфраструктуру мы сейчас взорвем к чертям собачьим... и одному Богу известно, скольких из них, еще находящихся там.

Его желудок скрутило судорогой, но он был внимателен с выражением своего лица. В конце концов, он должен был поддерживать достоинство Флота. И он полагал, что, учитывая добавление такого варианта, как Парфянский Выстрел, он не должен быть так уж удивлен расписанием вице-адмирала Хайду.

Надо убирать отсюда свои задницы, пока не появились эти мерзкие манти. Мы же не хотим встретиться с ними лицом к лицу, не так ли? Так что вместо этого мы убьем несколько сотен тысяч солариан - извините, бывших солариан - и уберемся к черту, пока все идет хорошо.

"Я не думаю, что капитан Эбшир была в восторге, нет, сэр" - сказала Рибо в ответ на его вопрос. Она покачала головой. "Если уж на то пошло, Сэр, мне, наверное, не следовало бы этого говорить, но я также не рада, что Торговец Март получил это задание. Я знаю, что это должно быть сделано, и я бы не возражала разбить несколько манти, но это..."

Она покачала головой, и Эхолс одобрительно хмыкнул. Он действительно не должен был

позволять ей делать такие замечаниями, находясь на службе, но было бы лицемерием наказывать ее, когда все, что она сделала, это сказала вслух те самые вещи, о которых он думал. Произнесенные слова, вероятно, были более вредны для дисциплины, чем личные мысли, но ни то, ни другое не было чем-то таким, над чем бы посмеялись Устав и Флот.

“Что-нибудь с флагмана?” - спросил он вместо этого, и Риббс снова покачала головой.

“Нет, сэр” - и ее тон - как и его - сказал больше, чем простые слова.

“Понятно” - ответил он, наклоня командирское кресло под более удобным углом. Так что Хайду больше не собирался продлевать ожидание. Ну, у него никогда и не было такой возможности. В конце концов, он уже дал Гипатии дополнительные двенадцать часов. Насколько великодушным может быть палач?

Прекрати это! - строго сказал он себе. Ты получил свои приказы. У него есть свои, и он твой командир. Так что заткнись и делай свою чертову работу, Мэдисон!

Легче сказать, чем сделать, подумал он. Легче сказать, чем сделать.

И все же он с чувством вины признавал, что согласен с Риббс относительно того, на кого пала эта обязанность. Он полагал, что на самом деле не имеет значения, чей корабль перевозил ракетные подвески, которые должны были быть использованы с такой безжалостной непринужденностью, но, по крайней мере, он мог цепляться за иллюзорную невинность, утверждая, что они прибыли не из его грузовых трюмов. И правда заключалась в том, что Хайду был довольно скуп в своих расходах на боеприпасы. Не то чтобы они вообще нуждались в таком их количестве. Усовершенствованные лазерные головки Катафрактов были предназначены для уничтожения крупных кораблей; то, что они сделают с незащищенными промышленными платформами — и жилыми комплексами; не забывая об этом, Мэдисон, услышал он свой собственный голос в глубине мозга, — будет за гранью разрушения.

А что будет с Гипатией, когда все эти обломки начнут сходить с орбиты? Он даже не пытается принять превентивные меры. Я думаю, что это не его дело, учитывая, что единственные люди внизу - предатели. Немного жаль их детей, но кто там на Старой Земле сказал, что нельзя приготовить омлет, не разбив яиц? И потом, есть еще одна очаровательная мудрость о вшах.

Он закрыл глаза. Он должен был прекратить это дерьмо. Либо так, либо ему придется просить об освобождении от должности и уйти в отставку, но, несмотря ни на что, он еще не был к этому готов. Ещё нет. Но если все и дальше будет идти в таком духе...

“Сэр, я уловила кое-что немного странное.”

Глаза Эхолса широко распахнулись, и он с благодарностью повернул кресло к лейтенанту Федосею Кастелло, офицеру по электронике Трубадура. “Офицер по электронике” было несколько двусмысленным термином, особенно в случае Трубадура. Он не был вооружен, поэтому на борту не было тактического офицера, и он не был оснащен даже рудиментарным РЭП или пассивной защитой, поэтому у нее не было и офицера радиоэлектронной борьбы. Если бы у него была хоть одна из этих вещей, лейтенант Кастелло отвечал бы за них. Поскольку этого не было, он стал одновременно офицером связи и офицером слежения, делая все возможное с помощью ограниченного сенсорного набора Трубадура.

Это была неблагодарная работа, но Кастелло было всего двадцать три года, и он был достаточно молод, чтобы сохранить изрядную дозу щенячьего энтузиазма по отношению к своим обязанностям.

"Что значит "странное", Федосей?" - спросил Эхолс, взглянув на план-график.

Торговец Март и КФСЛ Стивидор, третий корабль снабжения ракетами вице-адмирала Хайду, дрейфовали в строю на расстоянии около пяти тысяч километров друг от друга, практически друг над другом в космическом пространстве. Значки боевых кораблей оперативной группы 1030 были почти все между грузовозами и планетой, и он не видел абсолютно ничего на дисплее, что могло бы соответствовать выбранному Кастелло прилагательному.

"Я не совсем уверен, Сэр. Это почти похоже... О Боже!"

Эхолс все еще вскакивал из своего кресла, когда обнаружил, что ему все-таки не удастся разобраться в своих чувствах по поводу операции Флибустьер. У него было всего мгновение, чтобы увидеть, как иконка Торговца Марта внезапно исчезла с дисплея.

А потом КФСЛ Трубадур, и все мужчины и женщины на его борту, сделали то же самое.

* * *

КФСЛ Кэмпердаун

Система Гипатия

"Что, черт возьми, только что произошло?"

"Я не знаю, сэр!" - призналась Дафна Купман, ее карие глаза были расширены от шока. "Всего секунду назад они были там..."

"Прошу прощения, Адмирал" - прервал ее другой голос, и Хайду Гъезо повернулся к коммодору Хоноратусу Валентини, своему штабному офицеру радиоэлектронной борьбы.

"Ну?" - потребовал он, и голос его снова стал почти нормальным.

"Мне кажется... я думаю, я знаю, что произошло, сэр."

"Ну, не держите это в секрете" - сказал Хайду и понял, что, как бы ни звучал его голос, его собственное потрясение все еще росло. И это неудивительно. Прошло меньше десяти секунд с тех пор, как примерно двадцать миллионов тонн его кораблей перестали существовать.

"Сэр, я думаю, это был дрон. Дроны, много дронов, я имею в виду."

"Дроны?" - повторил коммодор Бригман. "Вы серьезно?"

"Я знаю, что это звучит безумно," - сказал Валентини начальнику штаба. "Но как раз перед тем, как Торговец Март... развалился, мы обнаружили импеллерную сигнатуру. Совсем маленькую. Она появилась ниоткуда, и ее было ужасно трудно локализовать даже после того, как мы ее увидели. У нас было всего около восьми секунд, чтобы отследить ее. А потом она исчезла... вместе с Торговцем Мартом. Я думаю, что это, должно быть, был сильно заэкранированный разведывательный дрон, вероятно пришедший по баллистике, который поднял свой клин для окончательного маневра как раз перед тем, как пойти на таран."

Хайду уставился на своего офицера РЭБ, и мысли его понеслись вскачь. Это было просто смешно! Никто не использовал дронов в качестве убийц кораблей, ради Бога!

Но даже когда он думал об этом, он понимал, что нет никаких причин, по которым кто-то не

мог бы этого сделать. На самом деле, большинство современных ЗУРов использовали свои собственные импеллерные клинья для уничтожения атмосферных целей, таких как истребители. Проблема заключалась в том, что противоракетная оборона любого военного корабля могла уничтожить любой дрон задолго до того, как он достигнет дальности тарана, и это был единственный способ, которым беспилотник мог атаковать что-то. Но даже при том, что его максимальное ускорение могло составлять всего лишь десять или пятнадцать процентов от ускорения ударной ракеты, импеллерный клин дрона был вполне способен уничтожить любой когда-либо построенный звездолет... если бы он смог пробиться.

А они не маневрировали - у них даже клинья не были подняты. Они были грёбаными сидящими утками, и я был так чертовски уверен, что держу в руках все карты, что просто позволил грёбаным гипатийцам убить пару сотен моих людей и вынести весь мой припрятанный запас ракет.

Он стиснул зубы так сильно, что заболела челюсть, и глубоко внутри него запульсировала ярость с красными клыками, но он заставил себя сделать глубокий, успокаивающий вдох.

Он был взбешен, но даже в своей ярости, краешком сознания понимал, что ни один разумный человек не смог бы обвинить гипатийцев в том, что они нанесли ответный удар любым доступным им способом. Да, они были предателями, и, да, он, черт возьми, уничтожил бы их всех за это. Но если бы у него была возможность причинить вред людям, готовящимся уничтожить орбитальную инфраструктуру его собственной звездной системы, и убить миллионы своих сограждан, он бы, черт возьми, тоже использовал ее.

Но откуда, черт возьми, они взяли эту способность? - внезапно спросил его разум. Мы никогда этого не предвидели, но мы же не просто сидели здесь! Наша сенсорная сеть поднята, так где же, черт возьми, Гипатия взяла что-то - по крайней мере три штуки - что прошло через наши сенсоры совершенно незамеченным? Это же не...

"Атака!" - внезапно рявкнула Купман. "Ракетный след - множественные ракетные следы! Дальность запуска - четырнадцать целых шесть десятых миллиона километров. Начальная скорость сближения - пятнадцать тысяч километров в час. По нашим оценкам, приблизительно триста пятьдесят ракет приближаются на сорока пяти тысячах пятистах g. Время полета двести двадцать пять секунд!"

* * *

КЕВ Фантом

Система Гипатия

"Все три цели уничтожены, Сэр!" - торжественно объявила командер Илькова.

"Превосходно!" - ответил контр-адмирал Котоуч. "Отличная работа, Маркета. Теперь давайте посмотрим, насколько хорошо работает остальная часть плана."

"Да, Сэр!" Илькова решительно кивнула, но ее сине-зеленые глаза удовлетворенно блеснули. И не без оснований, подумал Котоуч.

По крайней мере, пока.

Он надеялся, что, когда вице-адмирал Хайду смягчился и в первый раз продлил лимит, что солли все-таки разрешат полную эвакуацию. Бросать жизни своих людей на весы, чтобы спасти

"только" промышленные платформы и дома гипатийцев, было бы еще более трудным решением. Он мог бы это сделать в конце концов, но если бы Хайду просто подождал достаточно долго, пока прибудет Вукодлак и другие обещанные подкрепления, ему бы это не понадобилось. При таких обстоятельствах солли, возможно, лучше было бы совершить акт бессмысленного и масштабного разрушения. Всегда было легче принять правильное моральное решение, когда кто-то ждал, чтобы выстрелить тебе между глаз, если ты этого не сделаешь. Так что, да, Хайду мог бы решить оставить Гипатию в покое, если бы он увидел Мантикорскую эскадру, несущуюся на него с чем-то похожим на супердредноут во главе.

Не то чтобы Котоуч действительно рассчитывал на это. Если Хайду был готов хладнокровно убить несколько миллионов гипатийцев, которые просто не успели вовремя убраться с его пути, то с тем же успехом он послал бы такой мощный ракетный залп, какой потребовался, чтобы обеспечить разрушение инфраструктуры системы, прежде чем он исчезнет в гипер-е. И если бы Вукодлак не пришел точно по правильному вектору, даже Мантикорские компенсаторы не смогли бы помочь ему перестроиться до того, как он пересек гиперграницу и сбежал.

Но это было бы здорово, подумал он почти с тоской. Я всегда восхищался Эдвардом Саганами, но никогда не хотел им быть.

Было ясно, что солли не смогли обнаружить корабли Котоуча, особенно после того, как он переместил их намного глубже в Александрийский Пояс, подальше от центрального узла, где они были тихо изолированы после прибытия. Учитывая эту фору, простое уклонение от кораблей Хайду было бы детской игрой, даже без преимуществ, предоставленных современными мантикорскими стелс-системами. Переход на позицию, с которой он мог бы атаковать их, вместо этого, был более щекотливым предложением.

Хорошая новость состояла в том, что даже если бы обнаружили, что он пришёл, солли никогда бы не перехватили его против его воли. Его преимущество в ускорении было слишком велико, и, несмотря на позицию "внутри них", он мог бы уклоняться вокруг внутренней системы почти бесконечно, или же просто отвернуть и показать им свои пятки, ускоряясь к гипергранице задолго до того, как они настигли бы его. Плохой новостью была его уверенность в том, что если бы они обнаружили его, то ускорили бы операцию Флибустьер, чтобы завершить ее до того, как он подойдет достаточно близко, чтобы вмешаться. Хотя, если быть честным, вместо этого они могли бы быть достаточно уверены — учитывая численное превосходство — чтобы остаться и сражаться.

Он, конечно, так бы и поступил.

Но ему удалось очень осторожно, с небольшим ускорением, выползти из своего укрытия в Поясе на позицию, значительно более близкую к оперативной группе Хайду. Он, Кларк и Илькова потратили свое время, анализируя диспозиции флаг-офицера солли, и единственное, в чем Котоуч мог его упрекнуть — по крайней мере, тактически, было довольно много того, в чем он мог упрекнуть его с точки зрения морали, — так это в том, что он был так занят, приглядывая за своей спиной, что ему, казалось, никогда не приходило в голову, что его противники могли бы на самом деле опередить его в Гипатии. Его удаленные платформы были разбросаны вдоль гиперграницы, с гораздо более редким, почти случайно-запоздалым охватом внутренней системы. У него не было достаточного перекрытия даже вдоль гиперграницы, чтобы надежно превзойти мантикорскую стелс-систему текущего поколения, хотя это не было бы проблемой против вновь прибывших, так как никакая стелс-система не могла скрыть энергетическую вспышку гипер-следа.

Внутри системы, однако, отсутствие полного перекрытия создало щели, через которые ОГ 110.2 могла тайно пробраться.

Выбрать место, куда можно было бы подкрасться, было чуть менее простым.

Поначалу его корабли находились на расстоянии немногим более девяти миллионов километров от Гипатии, но он двигал их — медленно и осторожно — по всему периметру системы, начиная со столичной планеты, чтобы надежно укрыть от любых соларианских сенсоров на орбите планеты. Это показалось ему вполне разумным, когда солли только прибыли; и только после ультиматума пиратов Хайду он понял, насколько неудачным было его вмешательство. К счастью, ему пришлось поработать с большим количеством звездных систем, и он переместился в точку, расположенную чуть более чем в восьмидесяти миллионах километров от Гипатии, а затем удерживал это положение относительно планеты в течение следующих сорока пяти часов.

Когда платформы Призрачного Всадника сообщили о том, что Хайду начал разворачивать подвески, чтобы произвести Флибустьер, он осознал, что больше не может ждать. Таким образом, два с половиной часа назад его корабли начали ускоряться к солли на скупых 175 g и в процессе этого набрали скорость сближения чуть более 15 000 км/сек. Он не хотел этого делать, но у него не было выбора. Впервые со времени Шпинделя ФСЛ фактически имел преимущество в дальности полета, благодаря второму приводу Катафрактов. Его Марк-16 могли превзойти их, а Марк-14 Саганами-Б - нет. Несмотря на увеличенную дальность полета, они имели только один комплект импеллерных узлов, что делало невозможной любую баллистическую фазу. Это означало, что они должны были сблизиться с врагом. Они должны были оказаться в пределах его досягаемости, если хотели добраться до него.

Но пока они это делали, командер Илькова послала последнюю программу - направленным лазером со скоростью света, чтобы избежать любых предательских сверхсветовых гравитационных импульсов - на четверку платформ Призрачного Всадника, которые она привела и незаметно припарковала на орбите Гипатии задолго до того, как Хайду приблизился к планете.

“Жаль, что я не оставил их больше”, - подумал теперь Котоуч. И если бы у меня была хоть малейшая догадка о том, что Маркета может прийти к такому неожиданному вдохновению, как это, я бы, черт возьми, так и сделал! Конечно, если бы я оставил достаточно, чтобы по-настоящему укусить оперативную группу Хайду, даже солли, вероятно, заметили бы их, независимо от того, активно ли они излучали в то время. Но их было всего четыре, черт побери, и эти чертовы снабженцы доложены были прийти.

“Первый залп должен попасть в их погреб через... двадцать четыре секунды, сэр”, - сказала Илькова, не подозревая о его мыслях. “Зуделки и драконьи зубы включатся через двадцать секунд от... данного момента.”

“Очень хорошо” - еще раз ответил контр-адмирал Котоуч и поудобнее устроился в ударном каркасе своего командирского кресла.

* * *

КФСЛ Кэмпердаун

Система Гипатия

«Где... Откуда они пришли?» - потребовал Хайду Гъезо, когда за первым ракетным залпом

последовал второй, столь же мощный, двадцать секунд спустя.

«Сэр, я еще не знаю», — ответила Купман. «Мы знаем, куда смотреть, только потому, что поймали вспышку, когда их импеллеры включились, но мы не видим там ни черта! У меня есть полдюжины разведывательных платформ, приближающихся к локусу старта, но пока они не приблизятся...»

Коммодор пожала плечами: это был жест разочарования и гнева — в основном гнева на саму себя, как знал Хайду, — и вице-адмирал кивнул с несчастным пониманием.

«Сэр», — тихо произнес коммодор Бригман, стоя рядом с командирским креслом Хайду. Хайду посмотрел на него, и начальник штаба наклонился ближе. «Сэр, мы должны открыть ответный огонь.»

«В кого?» — язвительно спросил Хайду. «Ты видишь там какие-нибудь цели? До тех пор, пока мы не сможем хотя бы указать ракетам, что искать, у нас нет шансов поразить что-либо на таком расстоянии.»

«Но если мы бросим им в лицо достаточное количество птичек, это может отбросить их назад для обороны достаточно долго, чтобы платформы Дафны смогли идентифицировать их. Или, по крайней мере, найти их.»

«И при обычных обстоятельствах я бы именно так и поступил.» Тон Хайду был резче, и он покачал головой, сжав губы и сверкая глазами. Ему потребовалась секунда или две, чтобы вновь обрести контроль над своим голосом. «Эти люди — кто бы они ни были, черт возьми, и как бы они сюда ни попали — точно знали, что делали, когда шли за грузовиками. Подвески, которые мы уже развернули, — это единственное, что у нас сейчас есть, Фред. Это означает, что мы не можем потратить их на слепой огонь.»

Бригман с минуту смотрел на него, потом встряхнулся.

«Да, Сэр.» Он поморщился. «Я и не подумал об этом.»

«Понятно, учитывая фактор неожиданности.» Хайду пожал плечами. «И не думай, что мне самому было приятно думать об этом.»

Бригман кивнул с мрачным выражением лица, и Хайду кивнул в ответ, изо всех сил стараясь не думать о буквально миллионах ракет, которые были уничтожены вместе с тремя грузовыми кораблями флота снабжения. Он перешел от фактически бездонного запаса боеприпасов к двадцати тысячам подвесок, которые уже развернул, плюс внутренние погреба... и только его линейные крейсера могли запускать даже Катафракты первого поколения внутри корабля. Конечно, каждая из этих подвесок содержала шесть усовершенствованных Катафрактов, и применение прилагательного «только» к 120 000 ракетам было откровенно абсурдным. Но это было не так. Не против РЭБ и противоракетной обороны манти.

«Может быть, и нет, — мрачно подумал он, — но кто бы ни были эти ублюдки и как бы они сюда ни попали, их не может быть очень много». Только не с залпами такого размера.

Каждый из приближающихся залпов — теперь их было восемь, и пока он смотрел на дисплей, на нем расцвела девятая волна импеллерных сигнатур — был «всего лишь» около трехсот шестидесяти ракет. И они находились на расстоянии двадцати секунд друг от друга. Это означало, что они шли из внутренних пусковых установок, потому что запускаемый подвеской залп был бы намного тяжелее. Он был достаточно реалистичен, чтобы понимать, что его

экипажам противоракетной обороны будет трудно — в лучшем случае - остановить следующую волну из четырехсот ракет манти. То, что случилось с Одиннадцатым Флотом на Мантикоре, было достаточным доказательством этого. Но они были бы чертовски более эффективны против четырехсот, чем против четырех или пяти тысяч, и манти должны были знать это так же хорошо, как и он.

Если уж на то пошло, то даже несмотря на то, что им все еще не удалось обнаружить манти, близкое расстояние, на котором они атаковали, было очевидным. Согласно лучшим предположениям Управления Разведки Флота, их ракеты действительно могли достигать дальности в тридцать миллионов километров, но они атаковали менее чем с половины этого расстояния. Это поместило их глубоко в зону поражения его собственных погребов, и хотя он потерял подвески, находившиеся на борту Трубадура, Торговца Марта и Стивидора, у него все еще были те, которые они уже развернули, готовясь к Флибустьеру. Так что если бы он только смог их найти, и если бы их было так мало, как он думал...

“Первый залп войдет во внешнюю зону через двадцать секунд,” - объявила Купман. “Пока что...”

Она замолчала, а потом вдруг подняла правую руку и торжествующе сжала кулак.

«Вот они, Сэр!» - объявила она. «Семь—нет, девять - Бандитов на расстоянии в один-четыре-целых-пять-семь миллионов километров! Похоже, что по меньшей мере два из них - линейные крейсера. Остальные могли быть меньшими линейными крейсерами или огромными тяжелыми крейсерами. В любом случае, мы их нашли.”

«Запрограммируйте альфа-запуск», - сказал вице-адмирал Хайду Гъезо. “Посмотрим, как это понравится ублюдкам.”

* * *

КЕВ Арнгрим

Система Гипатия

«Солли произвели запуск, Мэм!» - объявил лейтенант Билл Борден.

Голос тактического офицера был четким и профессиональным, но в то же время в нем чувствовалась странная мягкость. Как и все остальные на борту корабля Арнгрим, он знал о помолвке своего капитана. На самом деле он был помощником на борту Чинкуэды, когда об этом объявили, и присутствовал на их помолвке на борту тяжелого крейсера. После Удара Явата это было долгожданным подтверждением того, что жизнь продолжается.

И вот теперь Джейсон и Чинкуэда находились в 60 000 000 километрах от Арнгрима, а с соларианских линейных крейсеров только что обрушилось цунами из ракет.

«По нашим оценкам, приближается сто двадцать тысяч ракет, и ускорение у них лучше, чем у Катафрактов Филареты на Мантикоре,» - продолжил Берден. «Я читаю восемь-четыре-один и восемь десятых километров в секунду в квадрате. Время полета, - тихо закончил он, - один-пять-два секунд.”

«Благодарю Вас, оружейное.”

Меган Петерсен старалась говорить спокойно, сидя спокойно в своем командирском кресле и

не отрывая глаз от тактического экрана. Это было нелегко. Она и сама предпочла бы стать мишенью для этих ракет, поняла она. По крайней мере, тогда угроза была бы направлена на нее, а не на человека, которого она любила. И знание того, что он чувствовал бы себя точно так же, если бы ситуация была обратной, только заставляло ее любить его еще больше.

Она спорила, когда Адмирал Котоуч отдавал ей свои приказы. Она не знала, известно ли адмиралу о ее помолвке с Джейсоном, да и сама об этом не говорила. Она просто с уважением предположила, что его логика была ошибочной.

Оперативная группа 110.2 не собиралась выжить. Это была данность, нечто такое, о чем каждый мужчина и каждая женщина на борту каждого корабля Яна Котоуча знали также, как и он сам. Это был их момент Саганями, тот самый, о котором каждый мантикорский офицер знал, что однажды он может наступить, и как заметил адмирал, не имело значения, что Гипатия была чьей-то чужой звездной системой. На самом деле это никогда не имело значения. Эллен Д'Орвиль доказала это в системе Ингеборг два столетия назад. Герцогиня Харрингтон подтвердила это на Грейсоне менее двадцати стандартных лет назад. А теперь пришла их очередь здесь, в Гипатии, доказывать, что традиция все еще жива.

Но тот факт, что они вот-вот умрут, вовсе не означал, что они не могут сначала выполнить свою миссию. Шансы были против, но, как и сам Эдвард Саганями, они могли бы справиться с этим. Даже если бы они этого не сделали, они могли быть уверены, что гораздо меньше соларианских линейных крейсеров отправится домой, чтобы похвастаться зверством, которое они совершили.

И мы, клянусь Богом, покажем каждой звездной системе в этой галактике, что Звездная Империя Мантикора и ее союзники стоят рядом со своими друзьями, будь то ад или потоп, подумала она сейчас. Просто я видела так много последствий. Я уже устала от этого. Я устала копаться в телах и обломках. Я устала быть той выжившей, кто должен говорить другим людям, что те, кого они любили, погибли. И, Боже, я не хочу потерять Джейсона!

Она знала, что именно по этой причине будет спорить с Адмиралом Котоучем. Она доказывала, что им действительно понадобятся все пусковые установки, которые у них есть... А у Арнгрима их было двадцать четыре, по двадцать Марк-16 на каждую пусковую. Это делало его более эффективной платформой, чем любой из его трех Саганями-Б, с их Марк-14 в пусковых.

Это был ее аргумент, хотя глубоко внутри она знала, что истинной причиной была ее жизненная потребность быть там, когда остальная часть эскадры — и Джейсон — пойдут в пекло вместе с Котоучем. Она знала это глубоко внутри, и часть ее ненавидела себя за это. Ее боль не была оправданием для того, чтобы лишить жизни людей Арнгрима, хотя весь ее экипаж разделял ее чувство предательства, от того, что они должны были бросить своих товарищей на кораблях, оставшихся, чтобы умереть вместе со своим адмиралом.

Но Котоуч был прав по крайней мере в одном. В конечном счете, погреба Арнгрима и ракетные кассеты, которые могли бы добавить ударной мощи оперативной группе, никогда не изменили бы окончательного результата. Все, чего она действительно могла добиться, - это умереть рядом с остальными более крупными кораблями, и не было никакого оправдания посылать на смерть еще шестьдесят семь человек, когда это было правдой.

Особенно когда у него было еще одно задание для ее корабля.

“Дискуссия окончена, капитан” - сказал он ровным голосом, сурово глядя в ком на Меган.

“Кто-то должен ввести капитана Экворта в курс дела, когда сюда прибудет Вукодлак. Экворт -

хороший человек, он не из тех, кто рискует, но это не значит, что он не может попасть прямо в засаду, если не будет никого, кто помешал бы ему сделать это. Ваш корабль лучше всего подходит для этого. У вас есть скорость, у вас есть лучшее РЭП в Оперативной группе, после самого Фантома, и у вас есть Марк-16, чтобы отбить охоту у любого, кто подойдет к вам слишком близко. Это будет вашим заданием - быть глазами и ушами Экворта здесь, в Гипатии. А теперь идите и сделайте это."

"Да, сэр" - ответила она. Это был единственный ответ, который она могла дать, и поэтому она наблюдала, как остальная эскадра — Фантом и три тяжелых крейсера — отправились на рандеву с Хайду Гьезо, в то время как Арнгрим столь же осторожно направился в противоположную сторону.

А теперь она делала свою работу. Она наблюдала через платформы Призрачного Всадника, загружая полную тактическую информацию Адмирала через буи Гермеса, которые он развернул. Она видела все это, улавливая каждое мгновение для записи и последующего тактического анализа... и непролитые слезы жгли ей глаза, когда этот громадный ракетный залп устремился к человеку, которого она любила.

* * *

Система Гипатия

"БИЦ подтверждает это, сэр" - тихо сказал капитан Кларк, стоя рядом с командирским креслом Яна Котоуча, пока они смотрели на главный дисплей. "Они приближаются почти на восемьдесят процентов быстрее, чем следовало бы. Должно быть, это новая птичка, что делает наши прогнозы по противоракетной обороне намного более проблематичными. И они спустили на нас по меньшей мере три четверти своих развернутых подвесок. На самом деле это больше похоже на восемьдесят или девяносто процентов." Он чуть заметно улыбнулся. "Полагаю, нам следует принять это за комплимент."

"Можно посмотреть на это и так", - согласился Котоуч.

"Может быть, стоит посмотреть на светлую сторону этого, сэр. Во всяком случае, пока мы можем это сделать."

Котоуч только кивнул в знак благодарности, не сводя глаз с командера Ильковой, в то время как она и ее помощники склонились над своими консолями.

"Дальность при старте двенадцать точка-ноль-два миллиона километров. Время полета-одна-пять-две секунды" - объявила она, обновляя свои первоначальные прогнозы. Ее голос казался невероятно спокойным, но это было спокойствие сосредоточенности, а не отсутствие понимания или воображения. Напряжение в ее глазах ясно говорило об этом. "При текущем ускорении они войдут в зону внешней обороны через... один-один-пять секунд. Первая волна противоракетного пуска через сорок секунд."

Всего двенадцать миллионов километров, подумал Котоуч. Судя по времени, солли потребовалось больше времени, чем он смел надеяться, чтобы локализовать его единицы. Каждый из его четырех кораблей выпустил в космос десять двойных бортовых залпов - и на расстояние более двух миллионов километров со своей базовой скоростью 15 125 км / с, - пока солли искали его, и у него было время еще на девять запусков, прежде чем этот массивный вал Катафрактов мог достичь его.

Конечно, когда он дойдет до него...

Правда, этот двадцатитысячный залп был произведен вслепую. Все вместе соларианские линейные крейсера - они опознали девяносто восемь, все Невады и Неутомимые - могли привести в действие менее четырех тысяч каналов телеметрии, всего три процента от того, что им требовалось для управления таким количеством птичек. Но эти цифры составили примерно 30 000 ракет для каждого из его кораблей. Пять приманок Лорелей, которые он развернул, привели бы к значительному уменьшению— вплоть до “всего лишь” 13 300 или около того. Если считать всего лишь три процента попаданий, то это было почти четыреста на корабль. Даже Ника не могла бы выдержать такие удары, и даже мантикорская противоракетная оборона была бы гарантированно поражена огромным количеством огня.

По-моему, это то, что аналитики называют “излишеством”, криво усмехнулся Котоуч. Я вообще-то удивлен, что он не попытался взять нас только своими внутренними кассетами, учитывая численный баланс. Противоракетная оборона, вероятно, могла бы справиться всего с пятью или шестью сотнями ракет на корабль!

Он сам удивился своей слабой, но искренней улыбке, но правда была в том, что он не хотел, чтобы Хайду полагался на свои бортовые пусковые. Действительно, это была одна из причин, по которой он использовал только пять Лорелей. Их способность подделывать сенсорные сигнатуры всех боевых кораблей делала практически невозможным проникновение на очень коротких расстояниях даже для мантикорских сенсоров, которые знали, что искать, единственное, чего они не могли сделать - самостоятельно запустить ракеты. Вот почему он не мог соблазнить адмирала солли потратить впустую сколько-нибудь значительное количество ракет, просто показав ему Лорелей, которые отвели бы его огонь. Если Лорелей не стреляли в него - у него не было причин стрелять в них, и если бы настоящие огневые платформы не были достаточно близко к Лорелеям, чтобы обмануть его, он, вероятно, не нанёс бы удар. Самое большее, он, вероятно, бросит в них относительно ограниченный залп, чтобы посмотреть, как они отреагируют, и когда этот залп ракет солли уничтожит каждую цель без какого-либо ответного огня, он будет знать, что его подловили.

Та же самая неспособность стрелять также ограничивала общее количество, которое он мог развернуть, чтобы скрыть свой подход без того, чтобы кто-то с другой стороны сделал расчёты и понял, что по крайней мере некоторые из этих целей должны были быть приманками. Он не хотел этого, но он хотел убедить Хайду, что ему угрожает еще более грозная опасность, чем на самом деле. ОГ 100.2 могла бы достаточно точно определять последовательность своих пусков, так что тот факт, что они были двойными залпами, вполне мог быть не замечен, и на такой дальности полета ракет было невозможно определить, какой именно корабль произвел запуск каких конкретно ракет... до тех пор, пока не станет слишком много платформ, производящих залпы. Поэтому ему пришлось выбирать между тем, чтобы предложить как можно больше мишеней или предложить столько, сколько офицеры тактической службы солли сочтут правдоподобным, а последнее, чего он хотел, это чтобы солли задумались.

Правда заключалась в том, что он только что преуспел в достижении одной из двух своих главных целей. Выглядело так, как будто солли броси все, что мог, в ОГ 110.2 в своем первом залпе... что означало, что он опустошил все или почти все ракетные подвески, которые он развернул для казни при помощи Флибустьера. И когда Илькова уничтожила его грузовые корабли, она также убила его способность пополнять эти подвески. Без сомнения, погреб на борту его линейных крейсеров и их эскорта несли более чем достаточное количество ракет, чтобы выполнить эту работу в любом случае, но они были бы короче по дальности и менее эффективны. Это займет у них больше времени, а каждый лишний час промедления - еще сто тысяч спасенных жизней.

И если бы ОГ 110.2 преуспела в своей второй цели, то таких погребов тоже стало бы чертовски

меньше. Если уж на то пошло, то Гипатия была не единственной звездной системой в списке Флибустьера Хайду ...

“Атака РЭБ противника начнется через три секунды” - сказала командер Илькова.

* * *

Неужели я только что позволил этому сукиному сыну надуть меня? холодно спросил себя Хайду Гьезо.

Он впился взглядом в девять значков на своем дисплее, стиснув зубы, когда огромная волна Катафрактов устремилась к ним. Он выстрелил из подвесок почти рефлекторно, не анализируя на самом деле свое решение, и он сохранил выражение своего лица, делая этот анализ сейчас.

Кто бы там ни командовал, он безошибочно попал Флибустьеру в яремную вену. Без этих ракетных снабженцев ни один соларианский флаг-офицер не осмелился бы противостоять оперативной группе Альянса. Это сделало бы их убийство в высшей степени стоящим при любых обстоятельствах, но уничтожение их также проделало глубокую брешь в резерве ракет Хайду здесь, в Гипатии. И его решение выстрелить из развернутых подвесок только что уничтожило все его планы в отношении того, что не было взорвано к чертовой матери вместе с Трубадуром, Торговцем Мартом и Стивидором.

И это, почти наверняка, было одной из главных целей манти.

Это не имеет значения, решил он, наблюдая за десятым залпом, выпущенным с Мантикорских кораблей. В моих погребах осталось достаточно птичек, чтобы сделать эту работу. Черт возьми, если уж на то пошло, я могу поразить цели энергетическим огнем, если понадобится! И еще я чертовски хорошо знаю, что мне лучше побыстрее убрать этих ублюдков... какого бы большого залпа это ни потребовало! Он поморщился. Ракеты в погребах не будут иметь значения, если корабли, которым принадлежат эти погреба, получают пинка под зад из этой части космоса, прежде чем они будут запущены.

Ему не нравилось думать об этом, но не было смысла отрицать правду. Размер приближающихся мантикорских залпов ясно давал понять, что у них есть телеметрические каналы связи, чтобы актуализировать координаты их огня, потому что если бы эти птички стреляли вслепую, их было бы намного больше. У него не было таких каналов, и он совсем не был уверен, что вес огня, который он мог бы скоординировать, был бы достаточным, чтобы пробить их защиту. Более того, они запустили в космос более трех тысяч собственных ракет еще до того, как его люди их обнаружили. Судя по предыдущему опыту ФСЛ, это означало, что очень многие его корабли вот-вот погибнут. Если бы им дали шанс продолжить пуски, число погибших могло бы только взлететь до небес, и именно поэтому было так важно полностью уничтожить их как можно быстрее.

Если сто двадцать тысяч ракет не справятся с этой задачей, то и все остальное тоже, мрачно подумал он. И еще одно, мы узнаем об этом чертовски быстро, когда туда прибудет залп-Альфа. Конечно, - он тонко улыбнулся, - сначала нам придется пережить пять или шесть их залпов, не так ли?

* * *

Тактические офицеры Оперативной Группы 1030 были молчаливы, отслеживая приближающиеся мантикорские залпы. Они казались ужасно плотными, эти залпы, скомпонованными гораздо ближе друг к другу, чем было бы такое же количество снарядов

ФСЛ. Тактики Хайду не видели никаких причин для того, чтобы манти сделали это, и им не нравилось не знать, что замышляют эти подлые ублюдки. Должна же быть какая-то причина, по которой они сосредоточили свой огонь в такой тесной, легко простреливаемой зоне, но что, черт возьми, это было? Зачем давать противоракетной обороне такую идеальную цель? Прогнозируемые цифры в постоянных обновлениях тактических компьютеров неуклонно увеличивались, достигая невероятной величины перехвата в тридцать пять процентов, и офицеры тактической службы были бы рады поверить этим цифрам.

К несчастью, им не верилось.

Они были проинструктированы, основываясь на самых лучших разведданных о ракетном потенциале Альянса, но точность предположений этих брифингов никогда не проверялась. Хуже того, они основывались — и каждый из этих тактиков знал это — на немногим большем, чем предположения. Учитывая ошеломляющие потери ФСЛ, они должны были накопить огромное количество информации о противоракетных возможностях и доктрине манти. Они этого не сделали... потому что ни один корабль, который был целью ракет манти, еще не добрался домой с чем-то вроде твердых сенсорных данных, они все видели картинки, которые Большой Альянс предоставил об уничтожении Одиннадцатого Флота, но эти изображения были очищены от всех полезных тактических данных, прежде чем были опубликованы. И они это знали. И все же, если в них не было никаких полезных данных, то имелось достаточно доказательств того, с какой ужасающей скоростью боевая стена Массимо Филареты превратилась в руины.

Эффективность их собственной противоракетной обороны была увеличена как минимум на тридцать процентов благодаря ухищрениям и новому программному обеспечению — и, надеюсь, новой доктрине, - которую ФСЛ протащил после провала Сандры Крэндаль. Некоторые из этих фишек были в процессе разработки годы, задерживаясь из-за чисто бюрократической инерции, хотя не было времени доставить их к Одиннадцатому Флоту, прежде чем он совершит гиперпрыжок к Мантикоре. Другие, однако, были совершенно новыми, созданными на лету флотом, не привыкшим к импровизации и быстрой адаптации. Как следствие, любая предсказательная модель была... сомнительной, и они тоже это знали.

Теперь первые триста девяносто шесть снарядов ворвались прямо в зубы их обороны плотной, непоколебимой фалангой, и они удивлялись, почему.

* * *

“Запуск противоракет через пять секунд,” - объявила Дафна Купман. “Четыре... три... два ... один — пуск!”

Она сделала это заявление с яростным удовлетворением, и КФСЛ Кэмпердаун задрожал, когда первый залп противоракет вырвался из ее пусковых установок. Хайду почувствовал, что наклонился вперед в своем командирском кресле, и отругал себя за то, что так явно выказал собственное напряжение. Его работа - проецировать уверенность, а не волноваться, и...

Коммодор Купман резко выпрямилась в своем командирском кресле, шокированная, когда наступательные платформы прорвались сквозь заградительный залп ОГ 110.2 и ее упорядоченные дисплеи погрузились в хаос.

Это была стандартная, абсолютно предсказуемая ракетная доктрина КМФ. Любой хевенитский тактический офицер знал бы, что произойдет в тот момент, когда он увидел этот запуск, увидел, как плотно был упакован залп, как мало было зазора между импеллерными клиньями

отдельных ракет. Проблема заключалась в том, что соларианские тактические офицеры этого не знали. Никто в ОГ 1030 никогда не видел эту доктрину на практике. Они видели теоретические анализы, прогнозы, основанные на предполагаемых возможностях, но людям, стоящим за этими анализами и прогнозами, не хватало твердых данных. В отсутствие этих данных они экстраполировали - и слишком часто зеркально отражали - положения своей собственной доктрины в мышление манти. Это было не потому, что они были глупы; это было потому, что у них не было других исходных предположений для использования, и поэтому они сделали все возможное с тем, что у них было.

И потому их прогнозы были глубоко ошибочны.

Пятнадцать Глушилок появились по всему фронту залпа, в точно рассчитанных десяти секундах позади залпа противоракет. Огромные стрелы помех превратили изображение соларианских сенсоров в руины, и офицеры противоракетной обороны выругались в шоке, не веря своим глазам, когда вся волна мантикорских ракет просто исчезла за этой катящейся стеной помех.

Противоракеты потеряли цель, поскольку их бортовые датчики были ослеплены. Примерно треть из них отправилась курсом в никуда, пытаясь — безуспешно — найти новые цели для захвата, но остальные продолжали идти прямо вперед. Некоторые из них, все еще находясь под контролем корабля, направились к центру последней известной позиции ракетного роя. Другие следовали своим бортовым протоколам, распространяясь немного шире, ориентируясь так, чтобы их датчики были нацелены на зону, в которой, как сказали им их компьютеры — в точности - должны быть ракеты, след которых они потеряли.

Но тут помехи прекратились, и Дафна Купман яростно ударила кулаком по пульту.

На ее участке до помех было триста шестьдесят ракет; после их стало семьсот.

Ни один аналитик ФСЛ еще не слышал ни единого слова о Зубах Дракона Королевского Флота Мантикоры. И поскольку этого не произошло, офицеры противоракетной обороны Хайду были совершенно не готовы к новой платформе, которая могла бы генерировать десять абсолютно убедительных ложных ракетных сигнатур. И они так и не поняли, что Маркета Илькова отдала целых пятнадцать процентов своего первоначального запуска средствам проникновения.

Триста одиннадцать ударных ракет, прикрытые и защищенные своими электронными братьями и сестрами, устремились к своим целям, наконец разделившись на отдельные, уклоняющиеся профили подхода, и противоракетная оборона ОГ 1030 отчаянно пыталась отыскать их по мере приближения.

“Предполагаемые цели - Онтарио, Энтерпрайз, Единорог, Маренго и Ре Умберто,” - решительно заявила Купман. “Уверенность в отслеживании не - повторяю, не - высока.”

Челюсть Хайду напряглась. Если эти прогнозы были верны — и, глядя на кошмарную мешанину на дисплее, он точно понимал, почему доверие к их отслеживанию было столь низким — все девять манти сосредоточили свой огонь только на пяти из его девяти восьми линейных крейсеров. Это дало бы плотность почти в семьдесят ракет на цель, предполагая равномерное распределение, и это сулило бы катастрофические последствия. Семидесяти соларианских ракет было бы достаточно, чтобы уничтожить любой линейный крейсер, если бы они смогли пробиться сквозь его оборону. Глядя на этот дисплей, было очевидно, что многие из них собирались прорваться, и все прогнозы Оперативного Анализа сходились на том, что мантикорские боеголовки были гораздо более разрушительными в пересчете “птичка за

птичку".

Он даже не пытается нацелиться на всех нас, понял вице-адмирал. Он собирается атаковать горстку целей в каждом залпе, сконцентрировать свой огонь, чтобы пробить их защиту и разорвать их на чертовы куски.

Мозг Хайду Гъезо прошел через безжалостную математику. Сейчас в космосе было пятнадцать залпов. Его Катафракты были на самом деле быстрее, чем ракеты, летящие на него — их время полета было на семьдесят одну секунду короче, чем у первоначального мантикорского залпа - но к тому времени, когда они достигли своей цели, манти выпустили бы в общей сложности девятнадцать. Если каждый из этих залпов сосредоточился на пяти его кораблях и даже только треть из них прорвалась, они могли бы превратить каждый из его линейных крейсеров в обломки.

* * *

Несмотря на их замешательство, соларианские противоракеты перехватили почти семьдесят приближающихся целей. К несчастью, пятьдесят один из них был электронным призраком, порожденным Зубами Дракона. Еще пятнадцать были Глушилками. Из трехсот одиннадцати корабельных убийц Маркеты Ильковой выжило двести девяносто, которые прорвались сквозь кластеры точечной защиты на тридцати восьми процентах скорости света.

У каждого точечного оборонительного кластера КФСЛ Энтерпрайз было время для одного выстрела, прежде чем ракетный шторм обрушился на него. При сложившихся обстоятельствах они действовали на удивление хорошо, вырвав девятнадцать кораблеубийц из хаоса его управления огнем, и "только" сорок пять пробились, чтобы атаковать его.

Все они были Марк-14, а не Марк-16. неспособность Саганами-Б запустить Марк-16 вынудила командера Илькову снизить ускорение Марк-16 с Фантома, чтобы сохранить концентрацию. Эта плотность принесла большие дивиденды, когда дело дошло до проникновения в соларианскую оборону, но Марк-14 не был оснащен улучшенной лазерной головкой Марк-16g. Марк 16g мог уничтожить супердредноуты, Марк 14 - нет.

Однако он — к несчастью для Энтерпрайза - был вполне способен уничтожить линейные крейсера.

Корабль класса Невада вздрогнул, когда лазеры с бомбовой накачкой пробили боковые стенки и глубоко врезались в его бока. Мужчины и женщины погибли, оружие исчезло. Его основной корпус был пробит по меньшей мере в семи местах, изрыгая атмосферу при взрывной декомпрессии. Но как бы плохо это ни было, шесть лазерных головок, взорвавшихся прямо перед ним, были намного хуже. В отличие от кораблей контр-адмирала Котоуча, Энтерпрайз не имел носовой стенки. Там не было ничего, что могло бы защитить его переднюю часть в форме молота, кроме брони и экранирования частиц, и ни то, ни другое не было достаточно удаленным.

Рентгеновские излучатели легко пробивали эту броню. Три его передних импеллерных узла взорвались, и вместе с ними полетели две установки грязеров, три противоракетные пусковые и два лазерных кластера. Через долю секунды поток энергии и разорванные плазменные накопители превратили весь его передний импеллерный отсек в крематорий для экипажа. Корабль в девятьсот тысяч тонн пошатнулся, пьяно виляя, когда его клин упал наполовину, и еще два этих адских лазера прорвались почти прямо по его центральной оси, глубоко вонзившись в его основные системы.

Он пошатнулся под жестоким натиском, и его импеллерное кольцо тоже отключилось - подтверждая хаос, бушующий в его жестоко израненных системах управления. Ускорение исчезло, и он поплыл вперед, прочь от огненных шаров атакующих ракет.

Четырнадцать секунд спустя он исчез в ярком свете разрушительного термоядерного взрыва.

Его брату Маренго и Единорогу класса Неутомимый повезло больше; они выжили. Но они выжили безнадежно разрушенные. У Единорога все еще был клин, хотя он потерял полдюжины узлов, и он резко развернулся, ища укрытия за выставленными клиньями своих неповрежденных товарищей, в то время как Маренго продолжал двигаться вперед, сбрасывая спасательные капсулы и челноки. Спина Онтарио сломалась, и его разрушенный корпус завалился, а Ре Умберто просто взорвался под ударами.

* * *

“Хорошие попадания, Сэр!” - доложил капитан Кларк, как только цифры появились на его дисплее. Коммандер Илькова была сейчас слишком занята, чтобы выслушивать доклады. “Похоже, мы уничтожили все пять Альфа-мишеней!”

“Хорошие!” - признал Котоуч, но его глаза были устремлены на Илькову и главный экран. До мощного соларианского залпа оставалось всего девяносто секунд, и у него было мало иллюзий относительно того, что произойдет, когда он прибудет.

И в этом он был не одинок. Он видел это по напряженным плечам, по лицам его личного состава на флагманском мостике, похожим на маски. Даже у Кларка, несмотря на его очевидное удовлетворение.

Только Илькова, казалось, не замечала этого, когда ее руки летали по пульту. Расстояние составляло сорок световых секунд, но платформы Призрачного Всадника сократили его менее чем до одной. Она уже отключила контроль над следующими тремя залпами в очереди стрельбы, но у нее еще оставалось время, чтобы усовершенствовать средства проникновения и целеуказание залпов позади него. Она была полностью сосредоточена только на этом, ее синеглазые глаза пылали, и Котоуч взглянул на Пола Альбамонте.

Офицер РЭБ был так же сосредоточен, как и Илькова, но не на нападении. Операционный офицер взял на себя непосредственный контроль над РЭБ проникновения атакующих птичек, так что лейтенант Альбамонте мог сосредоточиться на средствах защиты эскадры. Точно так же как платформы Призрачного Всадника рядом с планетой давали Ильковой прямой обзор ее целей в реальном времени, те, что находились между оперативной группой и солли, давали Альбамонте обзор приближающихся ракет в реальном времени. Он не многое мог сделать с этим, но он не сидел сложа руки.

Он запустил макрос на своей консоли, и переданное ему управление ракетами запустило Глушилки из всех пусковых, которыми располагала оперативная группа. Они ушли недалеко, а затем вспыхнули прямо на пути приближающихся Катафрактов. Их было недостаточно, и оболочка не была достаточно плотной, чтобы блокировать все сенсоры ракет солли, но она была достаточно близка к оперативной группе и достаточно широка, чтобы блокировать подавляющее большинство из них, а соларианские ракеты не общались друг с другом, как это делали птички Аполлона. С Аполлоном все, что могла видеть любая ракета в залпе, было доступно всем ракетам в этом залпе, но ракеты солли на этом расстоянии должны были быть сами по себе. Каждая из них знала, где должна быть ее цель, но она должна была убедиться, что цель действительно там, прежде чем напасть. Это означало повторный запрос, если она

потеряет наводку по какой-либо причине, и если в этот момент произойдет что-то, что оглушит ее сенсоры...

Котоуч проверил второй экран и злобно улыбнулся, когда на нем ожили Лорелеи.

"Пососи это, Хайду", - мстительно подумал он, когда четыре его корабля внезапно стали двадцатью пятью... а потом и тридцатью девятью.

Затем Глушилки снова замолчали, очистив зону действия защитного сенсора оперативной группы, и Фантом задрожал от вибрации пусковых установок при максимальной скорости огня. Они выплевывали тридцать две противоракеты каждые десять секунд, и он стиснул зубы, когда приближающийся залп вошел в зону внешнего перехвата. Вскоре они узнают, сколько из этих Катафрактов было перенаправлено на другие цели.

Он не ожидал, что их будет достаточно.

"Ракетный удар через шестьдесят секунд," - объявил Альбамонте, когда оборонительный огонь эскадры начал разрывать это огромное облако смерти. Дюжины Катафрактов — множество из них - исчезли, но их были тысячи, и Ян Котоуч столкнулся с гораздо большим залпом, имея гораздо меньшую противоракетную оборону, чем коммодор Лессем в Прайме.

"Они прорвутся", - сказал он себе. Прими это, Ян.

Может быть и так, но пока что...

* * *

"Черт побери!" - прорычал Хайду Гъезо. "Неужели мы не можем остановить эти гребаные штуки?"

Фред Бригман искоса взглянул на своего адмирала, но ничего не сказал. Это был явно риторический вопрос... и впервые он услышал такое яростное разочарование от невозмутимого Хайду.

Это было очень на него не похоже, но и винить его тоже было трудно, мрачно подумал Бригман. Пять из этих порожденных адом залпов врезались в ОГ 1030, и двадцать семь - двадцать семь — линейных крейсеров Хайду были разорваны на части или превращены в искалеченные обломки, которые никогда больше не смогут двигаться самостоятельно. КФСЛ Эспана, Имперо и Либертад, как и Единорог, сохранили достаточно узлов, чтобы похромать от резни, но ни один из них больше не был эффективной единицей. Из первоначальных девяноста восьми линейных крейсеров Хайду только шестьдесят семь оставались в строю.

Чувство потрясенного отчаяния охватывало оперативную группу, в то время как безжалостные залпы снова и снова обрушивались на них, убивая или калеча их линейные крейсера по пять или шесть за раз, с механической точностью. Они казались непреодолимыми, и кто бы ни стоял за ними, он использовал свои преимущества в радиоэлектронной борьбе с беспощадным мастерством. Помехи перемещались и плясали, в одних волнах было больше приманок, в других-меньше, что приводило к почти полной бесполезности слежения. Они сбивали все больше кораблеубийц во внутренней противоракетной зоне, и от лазерных кластеров ожидали больше уничтожений, поскольку обновленные профили конечных маневров атакующих ракет и эмиссионные сигнатуры передавались по всей оперативной группе, но на самом деле они получали еще меньше уничтожений во внешней и средней зонах. Это было так, как если бы манти имели данные в реальном времени о собственных перемещениях слежения и РЭБ.

Как будто они программировали изменения в профилях проникновения своих ракет вплоть до того момента, когда они действительно ударили по соларианской обороне.

А теперь еще и это, подумал Бригман, глядя на дисплей, на котором внезапно появились ложные цели. Они должны были быть приманками — хотя одному Богу известно, что за приманки могут делать то, что делают эти! — и они собирались играть в адскую игру с ослепшими Катафрактами, с их способностью находить настоящие цели.

Ну, может быть и так, мрачно сказал себе начальник штаба. Но против залпа такого размера приманки могут сделать не так уж много, и они успеют сделать всего лишь еще один залп, прежде чем настанет наша очередь бить их!

“Столкновение через пять секунд” - хрипло объявила Дафна Купман.

• • •

“Еще три тяжелых попадания,” - объявила Кларк. “Похоже, по крайней мере, на еще одно дополнительное задание - уничтожить.”

И это будет... по крайней мере тридцать четыре, подумал Котоуч, произведя расчеты. Больше трети из них. Эти ублюдки чертовски хорошо знают, что их поцеловали!

Без сомнения, они это сделали, и по любым объективным стандартам ОГ 110.2 уже одержала убедительную победу. По меньшей мере двадцать семь соларианских линейных крейсеров, большинство из которых были Невадами, были полностью уничтожены. Это было 24,6 миллиона тонн военных кораблей, что в девять раз больше общего тоннажа ОГ 110.2, с 78 000 мужчинами и женщинами на борту. Общая численность личного состава ОГ 110.2 составляла всего 1 900 человек, что составляло едва ли два процента, и Солли собирались потерять еще больше кораблей. Илькова уже обновила следующие четыре залпа в своей очереди стрельбы и оборвала связь с ними. Это означало по меньшей мере еще шестнадцать мертвых соларианских линейных крейсеров, что бы там еще ни случилось.

Жаль, что так мало его собственных людей будет рядом, чтобы увидеть, как это произойдет.

Фантом, Чинкуэда, Тальвар и Сикомидзуэ перекатились тридцать секунд назад. Они могли это сделать, потому что Замочные Скважины Фантома обеспечивали непрерывное сенсорное покрытие Ильковой и Альбамонте, телеметрию на скорости света для атакующих птичек и сверхсветовую связь с дронами Призрачного Всадника, и это делало корабли Котоуча гораздо более трудными целями, чем любой солли когда-либо мечтал атаковать. Это просто не сделает их достаточно уверенными.

Зоны противоракет были настоящим Холокостом. Противоракеты выискивали соларианских кораблеубийц, изымая их из реальности в самоубийственных вспышках уничтожаемого клина. Некоторые из этих ударов уничтожали более чем одну атакующую ракету за раз, но даже компьютеры мантикорской противоракетной обороны не могли провести значимый анализ угрозы для такого количества ракет. Соларианские тактические офицеры просто указали им верное направление. После этого, не считая тысяч платформ РЭБ, пронизывающих весь ракетный рой, каждая из этих птичек была сама по себе.

Средства проникновения оказались лучше, чем предполагалось, и количество уничтоженных сократилось еще на пятнадцать-двадцать процентов. Лорелеи частично компенсировали это, уводя огонь в сторону — не так сильно, как он надеялся, но больше, чем он на самом деле ожидал. Или это выглядело именно так, в те мимолетные мгновения, когда он оглядывал

происходящее на дисплее. Но их просто не хватало, потому что истинным убийцей было само количество угроз. Не было никакого способа проанализировать приближающийся огонь, никакого способа предсказать, какие ракеты пойдут за приманками, какие потеряют блокировку и пойдут в широкий охват, а какие, вероятно, получат хорошие огневые решения. Защитники были вынуждены делать все выстрелы, которые могли бы получиться, а не те, которые они выбрали бы с лучшими данными слежения, и было математически ясно, что многие из успешных перехватов были потрачены впустую на атакующих, которые в любом случае никогда бы не нашли угол обстрела.

“Столкновение через пять секунд” - объявила командер Илькова, наконец оторвавшись от своих дисплеев наведения. Ее голос был удивительно спокоен, подумал Котоуч. Или, возможно, слово, которое он хотел употребить, было обезвожено, потому что она была вся мокрая от пота. От пота сосредоточенности и решимости, подумал он, а не страха.

“Шлемы!” - рявкнул вахтенный интендант, и адмирал дернулся. Он забыл о своих собственных приказах, и его руки отцепили шлем от подлокотника кресла, опустили его на голову и прикрепили к запорному кольцу скафандра.

Возможность того, что это сильно изменит ситуацию, была весьма маловероятной.

* * *

Руки Меган Петерсен вцепились в подлокотники командирского кресла, когда эта гигантская волна ракет с ревом обрушилась на дерзкую горстку контр-адмирала Котоуча. Арнгрим был связан с теми же разведывательными дронами, что и Фантом. Тактический дисплей эсминцев показывал ту же информацию, что и Яну Котоучу и его штабу. Но в отличие от флагмана — в отличие от Джейсона — Меган была в безопасности, ее корабль не подвергался угрозе.

Она никогда не понимала, каким проклятием может быть безопасность, подумалось далеким уголком ее сознания.

Точечная защита эскадры резко усилилась, когда приближающиеся ракеты пронеслись “выше” и “ниже” вставших между ними импеллерных клиньев. Она знала, что сотни приближающихся ракет только что исчезли, разорванные на куски этими мерцающими лазерными кластерами. Но она не могла этого видеть; сфера ядерных взрывов, полностью окутавшая ОГ 110.2, делала это невозможным.

Она почувствовала вкус крови своей прокушенной губы, когда этот невероятный, сверкающий шар плазмы взорвался. Десятки тысяч боеголовок взорвались, запуская свои собственные лазеры с бомбовой накачкой, разрывая боковые стенки, носовые стенки, боевую стальную броню... и человеческую плоть и кости. Казалось, это длилось целую вечность, хотя при конечной скорости почти вдвое меньшей скорости света настоящая атака закончилась в одно мгновение. Меньше чем за секунду.

Джейсон...

Она так и не поняла, произнесла ли это имя вслух. Она только знала, что ее сердце, казалось, остановилось, когда чертово ослепительное сияние исчезло с экрана, и она увидела то, что осталось.

* * *

“Достали этих ублюдков!” - крикнула Дафна Купман.

Вряд ли это был правильный доклад, но Хайду Гъезо не собирался вызывать ее на ковер из-за этого. Не тогда, когда датчики, действующие со скоростью света, подтвердили то, что уже сообщили гравитационные. Импульсные клинья манти исчезли со сверхсветового гравитационного экрана; теперь, сорок секунд спустя, данные на скорости света от разведывательных дронов, несущихся в кильватере кораблеубийц, показали ему, что они сделали.

Семь их целей — целых семь из них! — они просто исчезли, испарились, вероятно, став жертвами собственных взорвавшихся термоядерных установок. Огромный "линейный крейсер" — в два с половиной раза больше Кэмпердауна — уцелел, но только в виде разбитой вдребезги развалины, и его сопровождало нечто, похожее на половину тяжелого крейсера. В этом трудно было быть уверенным, учитывая разбитое состояние фрагмента корабля.

И все же еще два Мантикорских залпа врезались в ОГ 1030, пока он ждал этого подтверждения. Эти залпы уничтожили еще девять его собственных кораблей, и даже когда он торжествующе смотрел на поверженных врагов, еще одиннадцать все еще приближались.

Он посмотрел на боковую панель повреждений, и его ноздри раздулись. КФСЛ Фридленд, Чарльз Мартель, Потемкин, Дингуан, Йена, Барфлю, Кустоза... сорок шесть его линейных крейсеров были полностью уничтожены или разбиты. Белликес, Недотрога и Новгород присоединились к Единорогу, Имперо, Эспане и Либертаду, хромя прочь от кровавой бойни, в то время как все, кроме основного персонала по контролю повреждений, эвакуировались с кораблей, и еще шесть их спутников показали различные степени повреждения.

Он вступил в бой с девятию восемью линейными крейсерами, а теперь их осталось сорок четыре, и смертоубийство еще не закончилось.

"Прикончи их," — услышал он свой ровный голос, с ненавистью глядя на искалеченные, разбитые останки своих врагов.

Внезапно на флагманском мостике Кэмпердауна воцарилась тишина, еще более глубокая и тихая на фоне отрывистого боевого речитатива, и коммодор Бригман посмотрел на вице-адмирала, его лицо ничего не выражало.

"Простите, сэр?" — сказал он.

"Прикончи этих ублюдков," — проскрежетал Хайду. "Ну же, коммодор Купман!"

"Да, Сэр!" Если в голосе Бригмана и звучала неуверенность, то в голосе Купман ее не было, и она быстро пробежала пальцами по панели, нажимая последнюю кнопку. "Запускаем сейчас же, сэр."

* * *

"О Боже," — тихо произнес кто-то, и Меган Петерсен резко отпрянула от визуального дисплея, где она отчаянно пыталась определить, какой из тяжелых крейсеров Яна Котоуча не был полностью уничтожен.

"Шкипер, — сказал лейтенант Берден, — они только что снова произвели запуск. По приблизительным подсчетам, шестнадцать сотен. Эти медленнее — я думаю, это те же самые Катафракты, что были у Филареты — но дальность действия снизилась до пяти целых четырех десятых миллиона кликов. Это произойдет через сто двадцать четыре секунды."

Меган резко вдохнула, и ее взгляд снова метнулся к значкам соларианской оперативной группы. Он цеплялся за его поврежденные корабли, и шок вспыхнул в глубине ее глаз, когда она поняла, что Берден был прав. Солли снова открыли огонь. Стреляли по кораблям, неспособным двигаться или маневрировать каким-либо образом. Кораблям отчаянно сражавшимся, чтобы эвакуировать выживших из разрушенных отсеков и разбитых корпусов. Кораблям, специально защищенным Денебскими соглашениями... еще одним межзвездным протоколом, гарантированный Солнечной Лигой.

Это военное преступление, подумала она. Нет, это еще одно военное преступление.

Шок в ее глазах превратился во что-то другое - что-то холодное и смертельное - когда значки ракет пронзили эти беспомощные цели. Даже с Призрачным Всадником было невозможно увидеть транспондеры спасательных капсул или небольшие корабли на таком расстоянии, и даже если кто-то выжил, сопутствующий ущерб от такого количества ракет должен был убить многих из них.

О, Джейсон, подумала она. О, Джейсон.

‘Проследите, чтобы мы получили все до последней кусочка, Оружейное’ - услышала она свой голос, не отводя взгляда от поврежденных кораблей, которым оставалось жить еще две минуты. “Нам понадобятся доказательства в суде.”

* * *

Контр-адмирал Котоуч открыл глаза и тряхнул головой.

Это было ошибкой.

Невыносимая боль пронзила его насквозь, сосредоточившись где-то ниже плеч, но распространяясь вверх по позвоночнику до самой макушки черепа. Это была не тупая, пульсирующая боль. Это было резко, жестоко, пронзая его в рваных спазмах. Он пошарил левой рукой, пытаясь нащупать аптечку на правом рукаве нательного костюма, но руки, похоже, не слушались его.

Он моргнул, стараясь сосредоточиться сквозь волны боли, и понял, что смотрит вверх, на флагманский мостик над головой. И он двигался. Но как он мог двигаться? Он даже не чувствовал своих ног.

Когда он понял, что это правда, его охватила паника. Несмотря на это, его мозг снова начал функционировать, и он снова моргнул. Если он не мог идти, но все равно двигался, это могло означать только одно...

Он повернул голову, вытягивая шею, чтобы посмотреть через плечо. Панель на внутренней стороне его шлема сверкала гневными красными медицинскими предупреждениями, но он смотрел мимо них, игнорируя их важность, и его глаза сузились.

Левой рукой командер Илькова схватилась за страховочное кольцо, закрепленное на плече его костюма. Ее правая рука висела сбоку, и вся эта сторона ее собственного костюма была обожжена и почернела, словно от огня, и была забрызгана кровью. Ее было много, но не ее, судя по ее движениям.

“Остальные?” - произнёс он.

“Только мы, Сэр” - ответила операционист, и его глаза снова закрылись от боли, но не телесной.

“А что с...”

“Спасательные капсулы мостика исчезли,” - задыхаясь, проговорила она, таща его вниз по коридору в мерцающих вспышках мучительной боли. “Как и лифт.”

Он нахмурился, пытаясь думать сквозь море боли. Если челноки флагманского мостика были повреждены и лифт вышел из строя, то она должна быть...

“БИЦ?”

“Да, Сэр.”

Он потряс головой. Боевой информационный центр был похоронен так же глубоко, как и флагманский мостик. На самом деле он был на одну палубу ниже. Кроме того, это был единственный отсек, куда Илькова могла надеяться добраться, и который был снабжен бронированными шахтами, через которые можно было запустить спасательную капсулу. Но попасть туда через это - проход был явно открыт вакууму, судя по тонкой струйке дыма, бегущей вверх к голодным дырам в корпусе Фантома, и одному Богу известно, какие еще могут быть повреждения — было бы достаточно трудно и для того, кто не был равен и не имел сломанной руки. Пытаясь затащить его так далеко только одной рабочей рукой...

“Оставьте меня,” - вырвалось у него сквозь рваные всплески боли.

“Нет, сэр” - решительно ответила она.

“Оставьте меня!” - повторил он. “Пойдите посмотрите, нет ли там кого-нибудь еще... в БИЦ. Если есть... вы можете... прислать... спасательную группу.”

“Нет, Сэр.” Ее голос звучал еще более решительно.

“Я...”

“Внимание всем постам!”

Еще один голос, доносившийся по общей линии связи, заставил его замолчать. Он узнал Тонову и с удивлением понял, что капитан Фантома все еще жива. Но мгновение спустя удивление сменилось кое-чем другим.

“Они снова произвели запуск” - резко сказала Тонова. “У нас есть две минуты. Покинуть корабль. Все, кто может, немедленно покинуть корабль!”

Ублюдки. Ох уж эти ублюдки! Мы выбыли, неужели они этого не видят?

Конечно, они видели, понял он. Им просто было наплевать.

“Оставьте меня!” - снова рявкнул он. “Вы слышали... капитана Тонову! Убирайтесь... сейчас же!”

“Нет, сэр,” - проскрежетала Илькова сквозь стиснутые зубы, дернув сильнее, таща его по быстрее по истекающему воздухом проходу.

“Черт побери... это... приказ!” Он дернул плечами, несмотря на боль в поврежденном позвоночнике пытаясь вырваться из ее хватки.

“При всем моем уважении, - выдохнула она, - нет.”

“Отпустите меня!”

“Этого не случится.” Ее голос был словно выкован из железа. “А теперь перестаньте извиваться, черт побери! Вы нас задерживаете.”

“Но...”

“Сэр, может быть, вы просто заткнетесь, черт подери?”

* * *

Хайду Гьезо наблюдал, как ракеты Дафны Купман рванули наружу, а затем переключил свое внимание на следующий приближающийся залп, мрачно удовлетворенный тем, что должно было произойти с ублюдками, убившими его оперативную группу. А когда с ними будет покончено, он расправится с остальными предателями в этой проклятой звездной системе! Если бы они только подумали...

“Контакт!” - закричал кто-то.

Через тринадцать секунд Хайду Гьезо и КФСЛ Кэмпердаун перестали существовать.

А еще через восемьдесят пять секунд - корабли Фантом и Чинкуэда.

<http://tl.rulate.ru/book/29436/625041>